

ТАЛЕРГОФСКИЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-русскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 г. г.

Выпускъ третій.

ТАЛЕРГОФЪ

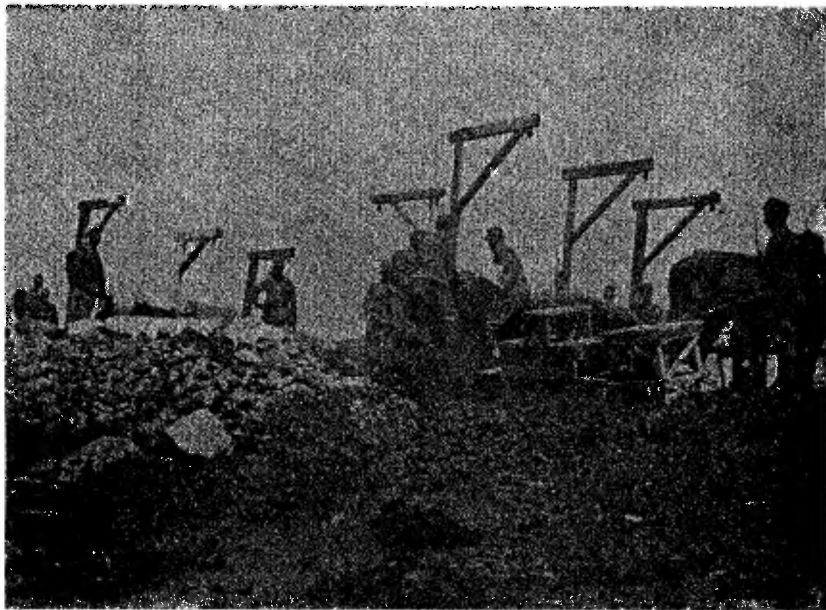
Часть первая

*Виськоттовансанолю Лито-
писцю Талергофского
карпатского алманаха
1914 — 1915
Доктору В.В. Ваврикову
з побажаннми здорова,
спокою і всякого блага.
Михайло Мр. Дуків
14. XI. 60*

== ЛЬВОВЪ, 1930. ==

Изданіе „Талергофснаго Комитета“.

афія Ставропигійскаго Института подъ управленіємъ Мирона Мацана.

В ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ МУЧЕНИКОВ

Кобы вітры не віяли,
То бы тут не были,
Коб не люты вороженькы,
Мы бы ся любили.
Кажут люде, што суд буде,
А суда не буде,
Бо без суда нас связали,
Поламали груди.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ВЫПУСКУ.

Осенью 1928 г., 31-го октября, состоялся во Львовѣ грандіозный Талергофскій Съѣздъ: всенародная поминальная манифестація Галицкой Руси, посвященная памяти уже погибшихъ многихъ жертвъ австрійскаго военнаго и довоеннаго террора, нѣскольколѣтнихъ узниковъ Талергофа, Терезина и др. австро-венгерскихъ тюремъ и концентраціонныхъ лагерей, и чествованію немногихъ изъ нихъ оставшихся еще въ живыхъ.

Въ Съѣздѣ приняло участіе нѣсколько тысячъ человекъ, представителей всѣхъ уголковъ Галицкой Руси, какъ интеллигенціи, такъ и крестьянства, были также делегаты Закарпатской Руси и предстаители Волыни и др. русскихъ земель въ Польшѣ.

Программа, содержаніе и ходъ торжествъ Съѣзда, постановленія и резолюція его, представлены въ вышедшихъ послѣ него н-рахъ галицко-русской печати (газ. „Русскій Голосъ“, „Земля і Воля“, „Наука“ О-ва им. М. Качковскаго) и русской заграничной. Въ числѣ цѣлаго ряда вынесенныхъ постановленій Съѣзда, обсуждено и принято было и то, что слѣдуетъ, пока еще не поздно, повести и усилить собраніе матеріаловъ для исторіи мученичества галицко-русскаго народа до и во время всемірной войны за свою національную русскую идею, народность и вѣру, и продолжать изданіе Талергофскаго Альманаха, первые два выпуска котораго уже напечатаны — первый въ 1924 г., второй въ 1925 г.

Съѣздомъ былъ избранъ особый, постоянно дѣйствующій исполнительный органъ — Талергофскій Комитетъ, который, послѣ своего устроенія, явился и принялся за работу въ слѣдующемъ составѣ:

Предсѣдатель: сов. суда Антонъ Осиповичъ Гулла.

I. Тов. предсѣд.: Зиновій Михайловичъ Медыцкій.

II. „ „ Стефанія Ивановна Куининская.

I. Секретарь: д-ръ Василій Романовичъ Ваврикъ.

II. „ студ. унив. Романъ Григорьевичъ Максимовичъ.

Члены: сов. суда Николай Григорьевичъ Третьякъ.

„ д-ръ Юліанъ Семеновичъ Заяць.

„ Лука Константиновичъ Старицкій (изъ Знесеня).

„ свящ. о. Романъ Чайковскій (изъ Батятчъ).

„ „ о. Іоаннъ Билинкевичъ (изъ Грибовичъ).

Воспользовавшись предоставленнымъ при выборѣ правомъ кооптаціи, Комитетъ включилъ въ свой составъ и рядъ другихъ лицъ, редакцію же Талергофскаго Альманаха поручилъ С. Ю. Бендасюку.

Свои засѣданія устраивалъ Комитетъ часто (обычно разъ въ недѣлю или разъ въ 2 недѣли) и сообщенія о ходѣ его работъ помѣщались въ гал.-рус. печати. Комитетъ обращался въ своихъ заявленіяхъ и воззваніяхъ къ гал.-рус. общественности, и особенно къ бывшимъ узникамъ Талергофа, Терезина и др. мѣстъ заключенія, съ просьбой присылать записки и вообще матеріалы къ исторіи преслѣдованій и гоненій гал.-рус. народа въ б. Австро-Венгріи, для помѣщенія въ его Альманахѣ. Многіе откликнулись присылкой записокъ своихъ или же своихъ близкихъ, родныхъ и знакомыхъ. Крімъ этого, Комитетомъ ведутся и пополняются возможно самыя точныя списки пострадавшихъ.

Въ предлагаемомъ выпускѣ помѣщены матеріалы, частью раньше уже полученные, но еще не использованные, частью же полученные въ послѣднее время.

Весь выпускъ посвященъ и отведенъ матеріаламъ, относящимся исключительно только къ Талергофу, и появляется теперь какъ первая часть ихъ, за которой послѣдуютъ дальнѣйшія, съ заключительнымъ оглавленіемъ всѣхъ частей.

Помѣщается же въ этихъ частяхъ Альманаха не исторіи Талергофа, а только сырые матеріалы для будущей исторіи его, именно человѣческіе документы и памятники Талергофской Голгофы галицко-русскаго народа, въ такомъ видѣ, въ какомъ получены, съ незначительными только языковыми, орфографическими и др. грамматическими поправками. Невозможно притомъ вкрадывающіяся неточности, ошибки, пропуски и др. под. недостатки, вполне окупаются цѣнностью и вѣрностью помѣщаемого матеріала.

Подлинники документовъ обыкновенно, и въ частности по требованію, возвращаются, послѣ использования, приславшимъ ихъ авторамъ и вообще собственникамъ, или же ихъ роднымъ и знакомымъ, причемъ высказывается просьба объ указаніи возможныхъ неточностей и ошибокъ и представленіи поправокъ и дополненій. Полученныя до сихъ поръ такія поправки и дополненія къ предыдущимъ (I и II) выпускамъ тщательно сличаются и проверяются и будутъ впоследствии также помѣщены.

Изданіе Альманаха влечетъ за собой громадныя расходы, за отсутствіемъ же и совершенной невозможностью полученія какихъ бы ни было постороннихъ средствъ на ихъ покрытіе, эти расходы покрываются исключительно только сборами пожертвованій, и потому продолженіе, расширеніе и улучшеніе и даже темпъ изданія зависятъ лишь отъ отзывчивости и жертвенной щедрости галицко-русской общественности, которая — вѣримъ и уповаемъ — не пожалѣетъ трудовъ, стараній и средствъ, чтобы оно, какъ народный памятникъ, было ея достойно.

Въ заключеніе остается только высказать глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ, кто нравственно и матеріально поддерживаютъ его, и искреннюю признательность тѣмъ, кто лично и непосредственно участвуютъ въ немъ, какъ присылкой матеріаловъ, такъ и сотрудничествомъ въ ихъ помѣщеніи.

Львовъ мартъ м., 1930 г.

Жизнь въ Талергофѣ.

Сообщеніе Ил. С. Гошовскаго изъ Станиславова.

Въ Талергофѣ очутились мы 4 сентября. Послѣ опредѣленія мѣста нашему транспорту въ чистомъ полѣ, конвойные назначили кольями предѣльные границы, въ которыхъ мы должны были оставаться до дальнѣйшаго распоряженія. Караулившіе арестованныхъ солдаты 27 градецкаго полка срывали пуговицы и кокарды съ чиновниковъ, находившихся среди арестованныхъ. Не обошлось тутъ и безъ трагикомедій. Пуговицы съ двуглавымъ австрійскимъ орломъ, крѣпко пришитыя къ мундиру, никакъ не отрывались. Озлобленные солдаты тянули тогда арестованнаго за собой, держа его за пуговицу до тѣхъ поръ, пока такъ она не оторвалась вмѣстѣ съ кускомъ мундира.

Я отдѣлался нѣсколькими молниеносными ударами въ лицо, полученными отъ тѣхъ-же солдатъ. Немного въ сторонѣ отъ расположившагося нашего эшелона было назначено мѣсто для естественныхъ потребностей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Женщины собирались туда по нѣсколькимъ человѣкамъ вмѣстѣ, чтобы такимъ образомъ хоть отчасти, за отсутствіемъ огражденнаго прикрытія, удовлетворить чувство стыдливости. Въ такихъ случаяхъ солдаты всячески изводили женщинъ. Они умышленно сопровождали женщинъ въ отхожія мѣста и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, позволяли себѣ неподдающіяся, печатанію выходяшки, приводившія женщинъ до

слезъ и истерики. Не-кому было пожаловаться, ибо начальник стражи, капитанъ нѣмецъ, былъ хуже своихъ подчиненныхъ.

Въ тотъ-же день закололи солдаты троихъ крестьянъ, не знавшихъ нѣмецкаго языка, за неисполненіе приказаній и тутъ же ихъ зарыли въ общую яму, положивъ на головы мѣшокъ наполненный пескомъ.

Вечеромъ опасно заболѣла моя дочь, не ѣвшая въ теченіе нѣсколькихъ дней, за отсутствіемъ казенной пищи, и собственныхъ средствъ. Благодаря д-ру Могильницкому, ее привели въ чувство. Затѣмъ мы прикрыли ее рясами священниковъ о. Григорія Процька и о. Луки Иванцева. Ночи въ Талергофѣ бываютъ въ сентябрѣ туманныя и холодныя, а дочь вывезли изъ дому въ одной лѣтней блузѣ.

На слѣдующій день вечеромъ подавъ былъ теплый супъ. За неимѣніемъ посуды каждый устраивался, какъ могъ. Кто подбиралъ лежащія пустыя бутылки и, отбивъ горлышко, пользовался ими вмѣсто котелка, другіе дѣлали углубленія въ кускахъ хлѣба и наливали туда казенную жидкость. Громадное большинство осталось безъ обѣда.

Черезъ день дочь опять упала безъ чувствъ вслѣдствіе голода и физическаго истощенія. Въ ту пору подѣхали къ нашему расположенію автомобили со стирійскимъ намѣстникомъ и его свитой. Пріѣхавшіе заинтересовались лежащей безъ памяти дочерью; въ особенности одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій съ женой и дѣтьми, послѣ краткихъ переговоровъ съ намѣстникомъ и

комендантомъ лагеря велѣлъ отнести больную на кухню и напоить чернымъ кофе, чтобы усилить дѣятельность сердца. Исполнили приказаніе два санитаря: Joseph Schönherr, учитель изъ Ebendorf-а въ Каринтіи, и Joseph Podgorszek, желѣзнодорожникъ изъ Градца, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ солдатъ. Когда дочь пришла въ себя спросила гуманнаго незнакомца, кому должна быть благодарна за человѣческое съ ней обращеніе. Спрошенный, не имѣя визитной карточки, написалъ карандашомъ на моей молитвенной книжкѣ: Graf Joseph Herberstein.

Съ тѣхъ поръ графъ Герберштейнъ и его супруга, по національности чешка, часто навѣдывались въ лагерь, расходуя громадные средства для помощи арестованнымъ галичанамъ. Въ тотъ-же день еще графъ Герберштейнъ вторично пріѣхалъ изъ Градца въ лагерь и привезъ больной дочери подушку и ватное одѣяло, а графиня постоянно присылала молоко и продукты. По одѣялу получили также престарѣлый о. Дольницкій изъ Львова, д-ръ Могильницкій изъ Бучача, о. д-ръ Козаркевичъ изъ Буковины и еще одинъ православный священникъ. Часто графиня пріѣзжала со своими дѣтьми въ лагерь и привозила бѣлье для арестантскихъ дѣтей, а когда умерли двѣ заключенныхъ матери изъ Сянока, оставивъ въ лагерѣ маленькихъ сиротъ, графиня Герберштейнъ кормила ихъ собственной грудью. Наконецъ дождались мы перевода съ поля въ бараки. Предварительно купали насъ въ лагерной банѣ, за-

ставляя раздѣваться на дворѣ и послѣ купели ждать полчаса своей одежды, находившейся въ дезинфекціонномъ котлѣ. Многіе простудились, послѣдствіемъ чего явилась эпидемія сыпного тифа, уносившая ежедневно по 30—40 жертвъ. Графу запрещено пріѣзжать въ Талергофъ во избѣжаніе распространенія болѣзни внѣ лагеря. Такъ жили мы до мая мѣсяца 1915 г.

еще въ прошломъ году, о чемъ онъ не замедлилъ сообщить ей письменно еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Конечно сейчасъ-же нашлось и письмо, задержанное офицеромъ, завѣдующимъ талергофской почтой. Въ непродолжительное время дочь оставила лагерь, получивъ мѣсто гувернантки въ домѣ графа. Учила дѣтей русскому языку, а въ свободное время навѣщала меня и со-

Первые часы заключенія.

Къ пасхѣ послалъ я графу поздравительную телеграмму въ Градцъ отъ своего и дочери имени. На второй день праздниковъ позвали дочь къ телефону въ лагерной канцеляріи. Графъ сильно удивился, что она до сихъ поръ находится въ Талергофѣ, завѣривъ ее, что его стараніями она освобождена

дѣйствовала перепискѣ заключенныхъ съ ихъ родными.

Въ 1917 году 27-е марта меня отпустили изъ Талергофа и поселили въ Gross Florian k. Deutschlandsberg въ Стиріи. Въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ долгихъ стараній, меня приняли обратно на желѣзнодорожную службу.

Изъ дневника о. Григорія Макара.

(с. Минеральные Угерды, Львскій уѣздъ.)

Талергофъ, небольшая мѣстность, передъ войной никому неизвѣстная, представляетъ же собой довольно широкую равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими Альпами. Эту мѣстность назначили австрийцы для русскихъ галичанъ, заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ.

Первый транспортъ въ составѣ 2000 человекъ обоюга пола прибылъ сюда 4 сентября 1914 года изъ Львова. Четверо сутокъ держали людей подъ открытымъ небомъ, окруживъ узниковъ живымъ кольцомъ жандармовъ и солдатъ. Рядомъ съ гангарами, въ которыхъ размѣстили народъ, разбили большія палатки, служившія также помѣщеніемъ для интернированныхъ. Мѣста не хватало, было тѣсно. Уборная устроена была сзади помѣщеній, на голомъ мѣстѣ, безъ всякаго прикрытія.

12-го сентября пріѣхалъ эшелонъ изъ Сянока, состоявшій изъ 150 человекъ, большей частью интеллигенціи. Съ ними пріѣхалъ и я съ моими прихожанами. Въ баракѣ, въ которомъ насъ помѣстили, находилось 30 человекъ изъ Царства Польскаго. Въ отхожее мѣсто ходили въ сопровожденіи стражника. Ложились спать въ три ряда: въ первомъ помѣщеніи находились старики и женщины, во второмъ молодые, въ третьемъ крестьяне.

Утромъ велѣли идти на прогулку вокругъ помѣщенія. Первый разъ тутъ увидѣлъ покойника, котораго на носилкахъ, безъ гроба,

несли свои-же люди въ сопровожденіи двухъ караульныхъ на кладбище. По истеченіи двухъ недѣль студенты организовали хоръ. Сперва спѣли обѣдно безъ священника, а въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста разрѣшили власти устроить на дворѣ моленіе передъ крестомъ, сколоченнымъ изъ дерева. Послѣ моленія разрѣшено кое-кому со средствами сходить въ лагерный буфетъ, опять таки подъ надзоромъ солдата. А новые эшелоны съ каждымъ днемъ прибывали въ Талергофъ. Приблизительно въ концѣ сентября я увидѣлъ между вновь прибывшими свѣжую партію своихъ прихожанъ, а именно: арестованную первоначально со мною и освобожденную въ Сянокѣ Скальчиху, Ивана Гриба, Михаила Биндаса, Юсифа Устіановскаго, Марію Дикъ, съ дочкою Анною, и изъ дочерняго села Руденки Михаила Мельника, Юсифа Ткача, Юсифа Биковскаго, Ивана Ганчака, Михаила Присташа, Михаила Мацькова, Михаила Чернѣгу. Въ то время на-спѣхъ строили новые бараки съ сѣверо-восточной стороны талергофской долины. Въ продолженіи осени и зимы построено ихъ на пространствѣ 2 кв. 80 штукъ, въ три ряда съ тремя промежуточными улочками. Два ряда назначили для здоровыхъ узниковъ и подъ кухни, а третій рядъ подъ лазареты. По серединѣ часовенка и два рестораника, а въ сторонѣ отдѣленія для заразныхъ и двѣ мертвецкія. Въ третьемъ ряду, по серединѣ, на-

ходила большая баня съ дезинфекціоннымъ отдѣленіемъ. Позже построили рядомъ съ баней часовенку въ греческомъ стилѣ для православныхъ. На главной улицѣ построено два бассейна съ фонтанами, вездѣ вьнутри бараконъ и по улицамъ проведено электрическое освѣщеніе и водопроводы, кромѣ того устроено нѣсколько колодезей и два ряда уборныхъ съ передѣлами изъ бетона. Собственно говоря, Талергофъ принялъ европейскій видъ въ началѣ 1916 года. Въ южной сторонѣ построено 30 бараконъ для охраны, съ пекарнями и канцелярскими.

Новыя встрѣчи.

5-го октября переведено 600 человекъ изъ гангаровъ въ палатки. Ночь была холодная, около 4 градусоу ниже нуля. Здѣсь встрѣтился я со своими прихожанами изъ Руденки. Утромъ велѣли интеллигенціи идти въ баню. Раздѣвались на дворѣ, одежду отдавали въ дезинфекцію, а послѣ купели ждали на морозѣ выдачи одежды, послѣдствіемъ чего были массовыя заболѣванія. Послѣ бани намъ отвели мѣста въ баракѣ.

Было здѣсь 180 человекъ изъ интеллигенціи. Я помѣстился вмѣстѣ со своими школьными товарищами Феофиломъ Хомицкимъ и Михаиломъ Вербицкимъ, съ сыномъ, кончившимъ гимназію. Тутъ устроился довольно "комфортабельно" благодаря подушкѣ, присланной сыновьями изъ Терезина, гдѣ они находились также на правахъ интернированныхъ. Такимъ образомъ улучшилась моя постель. Имѣя шинель, пальто и подушку, можно было въ теплѣ

отдохнуть. Пища была незавидная, но выдавалась довольно правильно. Утромъ кминный супъ или черный кофе, въ полдень кукурузная или перловая каша, вечеромъ кофе или чай съ хлѣбомъ.

Мои прихожане остались жить въ палаткахъ, только Мих. Лешага и Ив. Ганчакъ очутились между нами. Часто встрѣчался я съ Ив. Грибомъ и со Скальчихой. Поддерживали другъ друга надеждой. Получивъ по почтѣ нѣсколько коронъ отъ сына, обзавелся полотенцемъ и гребешкомъ, а когда г.г. Евстахій и Платонъ Калужняцкіе стали присылать ежемѣсячно по 10-20 коронъ, купилъ себѣ бѣлье. Безъ этой помощи пришлось бы погибать. Велѣ частую переписку съ сыновьями.

Въ концѣ октября прибыла новая партія интеллигенціи въ первый десятокъ бараконъ, а между ними четыре мои прихожанки: Анна Курбаичъ, Анна Лешага, Марія Биндакъ и Розалія Андрухова. Кромѣ того, два мои шурина священники Кирилло и Алек. Полянскій съ сыномъ Несторомъ и его женою и ребенкомъ. Свящ. Курилло перешелъ въ пятый баракъ къ своему шуруну, свящ. Мохнацкому, а за нимъ потянулся и я и жилъ здѣсь до марта 1915 г.

Упомянутыя выше женщины арестованы послѣ перваго отступленія русской арміи.

Внутренняя жизнь въ баракахъ.

Главнымъ несчастьемъ интернированныхъ были насѣкомыя. Тутъ разводилась особая порода вшей, назван. стирійскими. Было ихъ

невѣроятное множество и борьба съ ними была главнымъ содержаниемъ нашей тюремной жизни. Со- лома мѣнялась очень рѣдко. Еще въ гангарахъ насѣкомыхъ собиралъ однажды врачъ въ флакончикъ и отослалъ властямъ, какъ доказательство невозможности жизненныхъ условий въ Талергофѣ.

Насъ назначали на разныя работы, н. пр. подметать улицы между бараками, собирать руками лошадиный пометъ, при томъ не дѣлалось малѣйшей разницы между рясой священника, сюртукомъ мирского интеллигента и сѣракомъ крестьянина. Въ Судный день солдаты запрягли еврея къ черной работѣ. Наклали полную тачку муссора, на него посадили священника В. Полянского и такимъ образомъ, везъ еврей тачку. Обрато священъ В. Полянскій везъ еврея. Издѣвательствамъ не было конца, всѣхъ ихъ и не вспомнишь. Запрещено курить и читать газеты. Скуку прогоняли истребленіемъ насѣкомыхъ, которыя кажется были главной причиной распространенія эпидеміи тифа.

Въ началѣ декабря перегнали весь народъ въ бараки второго и третьяго десятковъ. Въ одинъ холодный день стража рѣшила вымыть въ банѣ 500 человекъ, изъ которыхъ половина простудилась. Не смотря на болѣзнь, наряжали народъ на работы. Къ вечеру возвращались всѣ усталые и мокрые отъ переутомленія и такъ ложились спать, а подъ утро трудно уже было подняться съ постели. Эпидемія свирѣпствовала до конца марта 1915 года. Къ этому времени умер-

ло 1350 человекъ. Присмотра за больными не было, а въ баракахъ трудно было помѣстить больныхъ, ибо ежедневно заболѣвало 600-800 человекъ. Двое лагерныхъ врачей и третій интернированный д-ръ Дорекъ, заразившись, умерли. Присланный военный врачъ, боясь заразы, лѣчилъ издали. Мой баракъ былъ изолированъ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Нельзя было показаться во дворъ. Всѣ мои прихожане переболѣли, но всѣ выздоровѣли, за исключеніемъ четырехъ изъ села Руденки. За это время построено обширную баню, лазаретъ, аптеку, перестроено бараки, роздано новую одежду, одѣяла, дезинфицировано еженедѣльно всѣ наши вещи и такимъ образомъ постепенно эпидемія прекратилась. Въ эту зиму пищи было достаточно, но люди по болѣзни плохо кушали. Заплѣснѣвшій хлѣбъ бросали въ печку.

Начало освобожденій.

Въ Талергофѣ было до 7000 человекъ интернированныхъ. Между ними были также украинофилы, поляки и евреи. Они попали сюда вопреки желанію австрійскихъ властей, по ошибкѣ. Провидѣніе хотѣло, чтобы и украинофилы при- смотрѣлись тому же аду, который они совмѣстно съ австрійскими жандармами приготовили русскому народу. Украинская интеллигенція старалась еще въ началѣ при содѣйствіи своихъ депутатовъ въ Вѣнѣ освободиться изъ Талергофа, что ей частично удалось, ибо уже въ ноябрѣ 1914 года выпущено многихъ изъ нихъ на волю. Однако эпидемія

прекратила дальнѣйшія освобожденія. Благонадежныхъ изъ интернированныхъ списывалъ украинофилъ священъ Степанъ Макарь. Кто попалъ въ его списокъ, надѣялся на освобожденіе. А попало въ него немало слабодушныхъ русскихъ, поселенныхъ послѣ освобожденія между мѣстными швабами. Такимъ образомъ освобождали въ Талергофѣ

можно было жить довольно прилично. Всѣ 120 коронъ расходовались на съѣстные продукты. Приходъ терезинцевъ оживилъ Талергофъ. Пополнился талергофскій хоръ, разсѣивавшій пѣніемъ скуку. Въ Талергофѣ было много интернированныхъ женщинъ и барышенъ. Теперь онъ былъ похожъ, особенно въ теплые дни, на курортъ.

У воротъ лагеря.

мѣсто для прибывающихъ изъ Терезина. Изъ моихъ прихожанъ освобождено всѣхъ женщинъ къ концу августа 1915 года.

Терезинскій транспортъ.

Въ первыхъ дняхъ мая 1915 года привезено изъ Терезина около 800 человекъ интеллигенціи и размѣщено въ баракахъ второго и третьяго десятка. Приѣхало также двое моихъ сыновей: Романъ, студентъ ветеринарнаго института, и Евстахій, студентъ-юристъ. Я зажилъ новой жизнью. На жалованье, получаемое мною съ марта мѣсяца,

Богомольный народъ вначалѣ устраивалъ общія моленія по баракамъ или на улицѣ подъ бараками. Также по баракамъ исповѣдывали интернированные священники искавшихъ утѣшенія въ религіи и причащали умирающихъ. Больше всѣхъ положилъ трудовъ въ этомъ отношеніи о. Владиміръ Венгриновичъ, спѣшившій съ духовной помощью къ заразнымъ больнымъ и съ разрѣшенія власти сопровождавшій покойниковъ на мѣсто вѣчнаго покоя подъ соснами. Если умеръ священникъ, тогда покойника клали подъ баракомъ и, послѣ совершенія

обряду іерейскаго погребенія, от-правляли на кладбище. Хоръ изъ опредѣленнаго количества мірянъ сопровождалъ покойниковъ, иногда по билетамъ. Почти всѣ священники священодѣйствовали безъ ризъ, ибо ихъ вначалѣ не имѣлось. Когда лагерная администрація отдала интернированнымъ часовенку, назначено въ сентябрѣ 1915 настоятелемъ лагернаго прихода вольнаго священника о. Ярослава Карпяка. Священникамъ-узникамъ разрѣшалось священнодѣйствовать ежедневно съ 5 ч утра до 12 дня. Ставали къ обѣднѣ соборнѣ по три, а когда позже получились ризы, тогда и по восьми, дѣлая между собою сборъ на литур. вино и на оплату псаломщикамъ. По смерти о. Ярослава его мѣсто занялъ интернированный священникъ безъ права проповѣди. Иногда прїѣзжалъ сюда грек.-кат. священникъ изъ Вѣны.

Въ отсутствіе законнаго священника, т. е. послѣ смерти о. Карпяка, покойниковъ кропили священной водой подъ бараками, а затѣмъ уже безъ священника несли на кладбище.

Наборъ рекрутъ въ Талергофѣ.

Военныя власти назначили надзирателями для каждаго десятка бараконъ трехъ офицеровъ лейтенантовъ. Между ними былъ мазепинецъ Чировскій. Онъ слѣдилъ за поведеніемъ русскихъ людей, въ особенности студенческой молодежи. Онъ доложилъ военнымъ властямъ, что лагерное заключеніе является для молодежи благодѣяніемъ, а лучшимъ наказаніемъ для нея язится военная служба на по-

зиціи. Представленіе Чировскаго понравилось властямъ и въ іюль 1915 г. устроили къ набору рекрутовъ. Взято на службу всѣхъ студентовъ и крестьянъ. Во время набора спрашивали каждаго, какой онъ національности. Каждый отвѣчалъ „Russe“. До обѣда комиссія вовсе не обращала на это вниманія. Во время обѣда Чировскій по всей вѣроятности обратилъ вниманіе комиссії, что въ Галичинѣ нѣтъ „Russen“ только „рутены“ или „украинцы“, потому одинъ изъ полковниковъ, членовъ комиссії, сказалъ во время продолжающагося набора: „in Galizien gib'ts keine Russen“. Это не смутило студентовъ, они диктовали дальше: „Muttersprache russisch“. Это до того разозлило начальство, что оно распорядилось запретить въ „Einzelarest“ всѣхъ студентовъ, стававшихъ къ набору до обѣда, считая ихъ солидарность предумышленнымъ упорствомъ. Всѣхъ заперто 48 человекъ, между ними также моего сына Романа. Имъ угрожалъ военный судъ. Въ продолженіе мѣсяца удалось убѣдить все же „Militärkommando“ въ Градцѣ, что слово „ruthenisch“ искаженное выраженіе, имѣющее свое грамматическое начало въ словѣ „russisch“. Убѣждать военныя власти помогалъ намъ офицеръ полякъ Осташевскій, надзиратель втораго десятка бараконъ.

Наконецъ выпустили студентовъ изъ ареста, подвѣсивъ предвѣрительно каждаго за руки на два часа на деревѣ (т. зв. „anbinden“). На военную службу взяли ихъ 10 ноября 1915 года.

Новые транспорты изъ Галичины.

Послѣ отступленія русскихъ армій изъ Галичины, австрійскія власти арестовали, кромѣ русскихъ, также украинофиловъ, поляковъ и евреевъ, словомъ всѣхъ, кто находился въ соприкосновеніи съ русскими войсками. Пустыя мѣста въ Талергофѣ опять заполнились. Между новыми узниками нашлся ряный мазепинецъ изъ Лѣска, Габлинскій, который въ 1914 году сердечно радовался арестованію Угерчанъ. Изъ поляковъ было много бургомистровъ, студентовъ и чиновниковъ, которые во время оккупации Галичины служили въ разныхъ вѣдомствахъ.

Въ 1916 году число жителей каждаго барака не превышало 100 человекъ. Гигіеническія условія улучшились, каждый изъ узниковъ имѣлъ уже по два одѣяла. Въ двухъ рестораникахъ можно было получить провіантъ. Чиновникамъ, получавшимъ ежемѣсячно жалованье жилось не плохо, а безденежное крестьянство сильно бѣдствовало, особенно тѣ, кто изъ дому не получали малѣйшей помощи. Со временемъ запрещено ресторанамъ отпускать провіанты узникамъ, приходилось доставать ихъ контрабанднымъ способомъ изъ Градца посредствомъ солдатъ и конфинированныхъ. Много въ этомъ дѣлѣ помогалъ г. Владиміръ Грабець, доставлявшій намъ продукты и перерабатывавшій наши письма на почту, за что былъ арестованъ впоследствии и долгое время оставался въ подслѣдственномъ заключеніи.

Казенный столъ состоялъ изъ пятой части военной хлѣбной пор-

ціи на весь день. Утромъ получали отваръ изъ фасоли, въ полдень такой же отваръ изъ бураковъ иногда соленую рѣпу и кусокъ селедки, вечеромъ чай и два куска сахара. Узники теряли физическія силы, начали болѣть цынгой. Многіе, спасаясь отъ голодной смерти, занимались попрошайничествомъ. Во время раздачи обѣда передъ бараками интеллигенціи собирались десятками крестьяне съ просьбой отступить свою порцію.

Многія семьи посылали изъ Галичины своимъ роднымъ въ Талергофѣ посылки со съѣстными припасами, которыя по пути портились или же, что часто случалось, пропадали.

Принудительныя работы.

Вначалѣ наряжали на работы исключительно интеллигенцію, въ особенности духовенство. Со временемъ, однако, интеллигенцію оставлено въ покоѣ и назначено ей ордонансовъ. На работы гоняли теперь крестьянъ безъ всякаго вознагражденія. Со временемъ раздѣлили ихъ на рабочія дружины земледельцевъ, столоваровъ, поваровъ, кучеровъ и т. п. и платили въ день по 20 геллеровъ, а начальникамъ дружинъ по 30 гел. Иногда къ ужину выдавалась рабочимъ прибавка изъ куска хлѣба или рыбы, больные же, которые не могли работать, были обречены на вѣрную смерть.

Въ 1916 г. была организована лагерная почта. Съ каждаго барака избрано одного разносчика писемъ, который со спискомъ жителей своего барака являлся ежедневно на сборный пунктъ всѣхъ лагерныхъ

почтальоновъ и получалъ корреспонденцію.

Ликвидация лагеря.

Въ мартѣ 1917 г. разошлась вѣсть, что насъ отпускаютъ домой. Вначалѣ не вѣрилось. Когда однако въ наши руки попалъ императорскій рескриптъ отъ 8 марта 1917 г., мы убѣдились, что желаніемъ Карла I. было освободить всѣхъ интернированныхъ, ибо самъ фактъ интернированія являлся безправіемъ. Въ виду этого было поручено исполнительнымъ властямъ въ спѣшномъ порядкѣ рассмотреть всѣ дѣла заключенныхъ и разбить ихъ на партіи. Началась лихорадочная работа, которая ознаменовалась окончательнымъ освобожденіемъ интеллигенціи въ день 30 апрѣля 1917 г. Мая 2-го и 3-го дня освобождено 800 крестьянъ, а остальныхъ опредѣлили на поселеніе по группамъ. Въ первую вошли принудительно конфинированные съ

правомъ выбора мѣста жительства; во вторую вошли конфинированные съ правомъ жительства за предѣлами Галичины, а въ третью конфинированные съ правомъ возвращенія въ Галичину. Затѣмъ подѣлили узниковъ на т. зв. „bemittelt“ и „unbemittelt“, то есть со средствами и безъ средствъ. Послѣдніе перевозились на казенный счетъ, но отпускались на волю во вторую очередь.

Я попалъ въ первую категорію. Избравъ мѣстомъ жительства свой приходъ Угерцы, вернулся домой вмѣстѣ съ прихожаниномъ Іосифомъ Устіановскимъ 10-го мая. Дома засталъ я жену съ одною дочерью въ матеріальной нуждѣ. Остальные члены семьи бѣжали въ Россію. Весь живой и мертвый инвентарь разграблено въ мое отсутствіе, а зданіе, гдѣ помѣщалась читальня и кооперативъ уничтожено до основанія.

Сообщеніе Вас. Поворовника

изъ с. Великая Березовица, Тернопольскаго у.

Путешествіе изъ Галичины въ Градцъ предполагалось въ пять сутокъ. За все время ѣзды кормили трижды супомъ, а конвоировавшие насъ львовскіе полицейскіе издѣвались надъ нами невѣроятнымъ образомъ. Изъ Градца прослѣдовали въ Талергофъ, а затѣмъ обратно въ Градцъ для дознанія. Было насъ изъ Вел. Березовицы семь человекъ: Василій Поворовникъ, Николай Крупа, Петръ Украинецъ, Алексѣй Ге-

ремей, Іосифъ Грабовскій, Дмитрій Мушастый и Петръ Керничный.

Въ Градцѣ просидѣли въ тюрьмѣ девять мѣсяцевъ. Спали на голомъ полу, въ холодѣ и грязи, имѣя только по одной парѣ бѣлья, занимались все время истребленіемъ насѣкомыхъ. Обвинялись въ шпионажѣ и измѣнѣ.

Послѣ произведеннаго слѣдствія и судебного оправданія, отправлено стариковъ Алексѣя Ге-

ремея, Іосифа Грабовскаго и Дмитрія Мушастаго въ Гминдѣ, а остальныхъ на итальянскій фронтъ, гдѣ находились подъ строжайшимъ надзоромъ. Петръ Украинецъ потерялъ на позиціи правую руку,

Петръ Керничный умеръ на военной службѣ въ Моравской Оставѣ, Дмитрій Мушастый умеръ въ Гминдѣ, а Николай Крупа умеръ дома. Остальные вернулись благополучно и живутъ до сихъ поръ.

Подъ карауломъ.

Сообщеніе свящ. Ант. Бучко

изъ с. Ладаицы, Перемышлянскаго у.

4-го сентября 1914 г. привезли въ Талергофъ 2000 зниковъ въ 92 вагонахъ. 13-го сентября переведено изъ нихъ въ военную тюрьму въ Градцъ (K. u. K. Garnisonsarrest in Graz, Paulustorg. 15), гдѣ прожили мы полъ года. Нѣсколькократно водили подъ конвоемъ въ военный судъ передъ снѣмченнаго чеха, который, услышавъ о нашемъ русскомъ происхожденіи, бѣсился со злости, угрожая револьверомъ.

6-го марта 1915 г., изъ-за недостатка доказательствъ, приостановлено слѣдствіе, а 22-го марта, въ день паденія Перемышля, освобождено меня изъ тюрьмы съ опредѣленіемъ на поселеніе въ стирійскомъ городкѣ Гнасъ (старославян. Князь), Фельдбахскаго уѣзда, въ 7 km. отъ извѣстнаго курорта Gleichenberg. Шестимѣсячное заключеніе въ сырыхъ казематахъ сильно подорвало

мое здоровье и надѣлило меня ревматизмомъ.

Въ Гнасѣ началось новое страданіе. Ежедневная явка въ жандармское управленіе, ограниченіе свободы передвиженія до 7 км. въ окружности и враждебное отношеніе мѣстныхъ жителей нѣмцевъ, дѣлали горькой эту свободу. Тоска по роднымъ, отсутствіе извѣстій изъ родины и недостатокъ занятія убивали нравственно заточенцевъ, которыхъ число росло со временемъ. Деятнадцать священниковъ и 23 штатскихъ обоого пола и разнаго возраста влекло тяжелую лямку въ непривѣтной чужбинѣ. Умерли здѣсь священники: Мих. Гандякъ изъ Березки, Миронъ Черлюнчакевичъ изъ Крукичи и учителя: Гр. Задорожный изъ Джурина, Юс. Кульматицкій изъ Яворова-Накопечне.

Жили въ Гнасѣ два года. Когда-же страданія галичанъ объявлено изъ парламентской австрійской трибуны всему міру, тогда однихъ отпустили на свободу, а болѣе „опасныхъ“ по мнѣнію властей задержали на поселеніи.

Въ послѣднихъ дняхъ іюня 1917 г. мнѣ разрѣшено, вмѣстѣ съ пок. о. Феодосіемъ Капко изъ

Демьянова переѣхать изъ Гнаса въ Drahotuše на Моравіи. Среди чеховъ началась совершенно иная жизнь. Въ послѣдствіи прибыли къ намъ изъ Вѣны священники: Маркеллъ Раставецкій изъ Громна, Іоаннъ Мащакъ изъ Гор. Липицы и Ник. Винницкій изъ Галича.

Когда въ Гнасѣ лат. настоятель прихода разрѣшилъ только одному изъ нашихъ священниковъ служить въ мѣстномъ костелѣ св. литургію, здѣсь въ Drahotuše, о. д-ръ Францъ Příkryl, извѣстный чешскій исторіографъ, весьма сочувственно относился къ нашимъ священникамъ, разрѣшая всѣмъ безъ исключенія служить обѣдно. Чехи откровенно оказывали свои симпатіи русскимъ галичанамъ.

Австрія отвоевала Галичину и изгнанникамъ разрѣшено вернуться домой. Въ половинѣ сентября я вернулся въ свой приходъ въ Ладанцахъ, а уже на слѣдующій день явился ко мнѣ жандармъ, арестовавший меня въ 1914 г. Съ любопытствомъ разсматривалъ мои документы не подозрѣвая, что черезъ годъ, Австрія — тюрьма народовъ, будетъ вычеркнута со списка державъ.

Сообщеніе г. Крыжановскаго

изъ с. Небылова, Калуш. у.

Въ четвергъ вечеромъ, 3-го сентября 1914 приѣхали мы въ Терезинъ въ сѣверной Чехіи. Сейчасъ же заперто насъ въ крѣпости, въ помѣщеніи кавалерійской казармы. За все время путешествія это былъ первый ночлегъ на соломѣ. На

слѣдующій день вывели насъ на прогулку на земляныя насыпи кругомъ крѣпости. День былъ хороший, кругомъ зелень, множество знакомыхъ, а всѣхъ интернированныхъ находилось въ ту пору въ Терезинѣ неполна 1000 человекъ.

Здѣсь я rozdѣлся и посмотрѣлъ на свои плечи. Отъ побоевъ полученныхъ въ Краковѣ кожа приняла темно-синій цвѣтъ. Свидѣтелями сему: бухгалтеръ Иванъ Пашкевичъ и купецъ Владиміръ Дришничъ, оба львовяне.

Въ полдень выдано котелки и обѣды, а послѣ послѣобѣденной прогулки и ужина заперто насъ на ночь въ тѣхъ же казармахъ. Въ началѣ получали хлѣба достаточно, съ теченіемъ времени однако порціи малѣли. Гулять разрѣшалось въ узкомъ внутреннемъ дворѣ. Въ дождливые дни сидѣли почти цѣлый день подъ ключомъ въ казармахъ. Такъ жили въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Случалось, что наши ключники, идя на базаръ за покупками для кухни и буфета, брали охотниковъ изъ среды узниковъ въ городъ. Вообще жизнь въ Терезинѣ была довольно сносною благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ чеховъ. Дисциплина постепенно падала, не запирали насъ больше въ душныхъ кавалерійскихъ помѣщеніяхъ, разрѣшалось свободно входить въ казарменный дворъ и гулять тамъ подъ надзоромъ стражи.

5 го мая 1915 г. погрузили насъ въ спеціальнй поѣздъ и черезъ двое сутокъ привезли въ Талергофъ. Здѣсь объявлено мнѣ рѣшеніе слѣдственной комиссіи для интернированныхъ въ Градцѣ, что останусь жить до конца войны въ Талергофѣ, а въ августѣ вмѣстѣ съ другими опредѣлили на военную службу. Передъ отправленіемъ въ полкъ перевели меня въ 27-ой баракъ подъ надзоръ украинофила д-ра Вл. Чи-

ровскаго, извѣстнаго нашимъ талергофцамъ своею ненавистью ко всему русскому, а также вымогательствами и взяточничествомъ отъ интернированныхъ, за что былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ 6-ти лѣтней каторгѣ.

Въ октябрѣ выѣхалъ мой отецъ изъ Талергофа въ Oberhollabitz, а я отправился въ первыхъ дняхъ ноября на военную службу въ 33 полкъ ландверы въ Краковѣ. Не смотря на офицерскій чинъ, полученный мною еще въ 1906 году, и мой протестъ, меня опредѣлили въ полкъ на правахъ рядового, а заперли въ военномъ арестѣ вмѣстѣ съ однимъ крестьяниномъ изъ долинскаго уѣзда, заподозрѣннымъ въ государственной измѣнѣ и вмѣстѣ съ нѣкимъ Іосифомъ Гуменчукомъ изъ Дрогобыча. Въ старшіе назначено намъ ефрейтора Антона Цюру, учителя изъ Роздсла, жидачевскаго уѣзда.

22-е марта 1916 вызвали меня въ канцелярію и здѣсь адъютантъ прочелъ мнѣ въ присутствіи полковника Фрейсингера рѣшеніе министерства краевой обороны, на основаніи котораго меня разжаловали въ нижніе чины по причинѣ моихъ опасныхъ политическихъ убѣжденій. Въ качествѣ ландштурмана служилъ затѣмъ въ 33, 91, 31 пѣхотныхъ полкахъ, въ послѣднемъ подъ командой добраго поручика Козака. Побывалъ на итальянскомъ фронтѣ, въ бояхъ на горѣ подъ Monfalcone, а послѣ болѣзни служилъ въ качествѣ военнаго писаря въ Перемышлѣ вплоть до ноября 1918 года.

Сообщение Ивана А. Васюты.

Волковцы, у. Снитинъ.

Въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ изъ сяноцкой тюрьмы мы узнали что насъ отвезутъ въ Граць. Однако, мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ на лучшую жизнь, ибо проѣхавъ черезъ Граць, мы очутились въ Талергофѣ.

Быль мѣсяць ноябрь. Въ палаткахъ царили морозъ, грязь, на-сѣкомья. Какъ позже оказалось, тамъ уже побывали до нашего при-

поль изъ каменныхъ, холодныхъ плитъ. Велятъ раздѣваться на дво-рѣ, на снѣгу. Одежду забираютъ для дезинфекціи, насъ гонятъ въ гангары купаться, а послѣ купели опять на снѣгъ одѣваться.

Въ новыхъ баракахъ, въ ко-торыхъ размѣстились послѣ бани, страшная скученность. Человѣкъ по 250—280 въ одномъ, ночью ле-жащимъ трудно повернуться.

Группа интернированныхъ интеллигентовъ.

ѣзда тысячи людей. Палатки были назначены для карантина. Купить нечего, голодъ донимаетъ и нельзя выйти на просторъ, ибо палатки окружены колючей проволокой.

Послѣ двухънедѣльнаго каран-тина отправляютъ насъ въ весьма примитивную баню. По серединѣ котель съ полутеплой водой, ря-домъ разставлены грязныя корыта,

Ежедневно пригоняли въ Та-лергофъ новыя партіи, ежедневно ихъ раздѣвали на снѣгу, послѣдст-віемъ чего были массовыя заболѣ-ванія заключенныхъ сыпнымъ ти-фомъ и другими болѣзнями. Эпи-демія косила народъ десятками и сотнями. Въ одно время казалось, что весь лагерь вымретъ и одной живой души не останется.

Были между нами свои врачи, на пр. Влад. Могильницкій изъ Бу-чача и д-ръ Войтовичъ изъ Пере-мышля. Они работали сверхъ сво-ихъ силъ, однако результаты были незначительны. Нехватало лѣ-карствъ, инструментовъ и средствъ.

Эпидемія между тѣмъ распро-странялась съ ужасающей скорос-тью. Какъ я уже выше упомянулъ, въ баракахъ находилось по 250 — 280 человѣкъ, а были бараки съ нарами въ три этажа, которые вмѣщали по 500 человѣкъ. Болѣли буквально всѣ, Вначалѣ такой боль-ной чувствовалъ себя весьма не-счастливымъ и одинокимъ. Когда же позже больной тифомъ видѣлъ, что сосѣдъ его справа не живетъ, слѣва догораетъ, сверху стягиваютъ по-койника а въ коридорѣ лежатъ вмѣстѣ и рядомъ нѣсколько чело-вѣкъ и бредитъ въ тифозномъ жа-ру, тогда дѣлался постепенно рав-нодушнымъ къ своей болѣзни и къ окружающей его средѣ. Сегодня тебя тащатъ на кладбище, завтра меня, и такъ продолжалось безъ конца. Поднявшись утромъ съ постели, мы первымъ дѣломъ замѣчали на улицѣ передъ бараками покойниковъ въ разныхъ позиціяхъ — голыхъ, въ лохмотьяхъ. Одни лежали подъ навѣсами крышъ, другіе прямо въ грязи, а подъ часовенкой, къ по-лудню, набиралось ежедневно 30 — 40 — 50 гробовъ съ покойниками.

Эпидемія унесла въ продолже-ніи двухъ мѣсяцевъ до трехъ ты-сячъ жертвъ. Всѣ онѣ схоронены подъ „соснами“.

Въ другой половинѣ лѣта про-изводился рекрутскій наборъ. Всѣхъ до 50 лѣтняго возраста взяли на

военную службу. Молодыхъ сейчасъ же погнали на позиціи, кто постар-ше, тѣхъ отправили въ началѣ 1916. Настало именно время когда австрійскіе вожди почувствовали недостатокъ въ пушечномъ мясѣ. Тутъ уже не разбирали, благона-дежный ли человѣкъ или же поли-тически заподозрѣнный, всѣ мало мальски внѣшне здоровые оказыва-лись подходящими солдатами.

И меня опредѣлили въ началѣ марта 1916 на военную службу. Не стану скрывать, не понравился мнѣ этотъ сюрпризъ, однако съ другой стороны, почувствовалъ удовольствіе, что вырвусь изъ гряз-ной клѣтки на свѣжій воздухъ, на Божій свѣтъ. Недолго радовался я свободѣ, ибо на третій день Пасхи меня опять арестовали, благодаря мазепинцу эксъ-жандарму Добрян-скому - Демковичу, вертѣвшемуся между нами въ полку. Именно онъ обвинилъ насъ четырехъ въ госу-дарственной измѣнѣ, послѣдствіемъ чего мы очутились въ военной тюрь-мѣ въ Граць. Послѣ предвари-тельнаго слѣдствія, продолжавша-гося, въ общемъ, два мѣсяца, по-лучили я и мой товарищъ Іосифъ Кебузъ изъ с. Пикуличъ, Пере-мышльскаго уѣзда, по 15 мѣсяцевъ, а студентъ М. Гукъ изъ Львова 18 мѣсяцевъ. Судъ опредѣлилъ намъ въ защитники украинофила д-ра Чировскаго, который однако своими разъясненіями суду относительно опасности для государства „руссо-фильскаго“ движенія больше защи-щалъ свидѣтеля, то есть упомяну-таго эксъ-жандарма, а намъ тѣмъ самымъ сослужилъ медвѣжью услу-гу. Конечно мы обжаловали при-

говоръ, но безъ пользы и безъ результата.

По истеченіи двухъ мѣсяцевъ осматривалъ тюрьму генераль, по національности изъ южныхъ славянъ. Всѣхъ арестантовъ оставили въ двѣ шеренги, а генераль обращается къ намъ съ вопросомъ, нѣтъ ли у кого какой-нибудь просьбы или жалобы. Тутъ мнѣ вспомнилась исторія французскаго капитана Дрейфуса приговореннаго

женнаго наказанія, я просилъ генерала о пересмотрѣ моего и товарищей дѣла.

Не знаю, тронуло ли генерала наше несчастье или дѣйствительно онъ пожелалъ, чтобы правда восторжествовала, а быть можетъ, зналъ кое-что о массовыхъ ссылкахъ галичанъ въ глубь Австріи— онъ пообѣщалъ намъ заняться ближе нашей судьбой. Въ непродолжительномъ времени послѣ его отъ-

Группа крестьянъ.

въ свое время за государственную измѣну къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, какъ онъ послѣ двухъ-лѣтняго заключенія исходатайствовавъ ревизию приговора и былъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго наказанія. Захотѣлось и мнѣ попробовать счастья и я, скрѣпя сердце, выступилъ впередъ. Изложивъ свою жалобу и беспочвенную клевету со стороны доносчика, послужившую причиной незаслу-

шана намъ объявили, что будетъ пересмотръ дѣла въ дивизионномъ судѣ и допросъ нами поставленныхъ свидѣтелей. Насъ отправили въ роту, а черезъ нѣсколько недѣль оправдали отъ вины и наказанія.

Во время второго разбирательства выяснилось, что нашъ споръ съ эксъ-жандармомъ не имѣлъ политическаго характера, угрожающаго цѣлости и суверенности Австрийской имперіи, ибо заключался въ

препирательствѣ относительно существованія въ Галичинѣ русскихъ просвѣтительныхъ институцій и обществъ по окончаніи войны. Мы, конечно, отстаивали свою позицію, а доносчику хотѣлось видѣть въ Галичинѣ монопольную мазепію, потому не постѣснялся оклеветать насъ передъ военными властями.

На судѣ признали эксъжандарма невмѣняемымъ, а насъ послѣ освобожденія отправили на италянскій фронтъ, сперва въ Силянъ, а послѣ въ Кальдонасо и Asijado. Здѣсь мучились мы, взбираясь съ кирками и винтовками по Альпамъ, вплоть до развала Австріи.

Воспоминанія Ю. Н. Кисѣлевскаго изъ Коломыи.

Мы пріѣхали въ Талергофъ уже послѣ эпидеміи сипного тифа и тутъ были размѣщены въ выбѣленныхъ известью баракахъ. Зная, что въ этихъ баракахъ до нашего пріѣзда жили тифозные, и боясь заразиться въ помѣщеніи, мы все время пребывали во дворѣ, благо хорошая и теплая погода этому благоприятствовала.

Въ то время были уже устранены изъ службы лютѣйшіе начальники и разнаго рода комеданты въ родѣ Чировскихъ и замѣнены людьми интеллигентными и болѣе гуманными. Н. пр. одну изъ комедантскихъ должностей въ лагерѣ исполнялъ тогда оберлейтенантъ д-ръ Осташевскій, затѣмъ лейтенантъ Яскульскій. Упомянутые офицеры, въ виду ихъ хорошаго обращенія съ арестованными, были скоро отрѣшены отъ должности и отправлены въ дѣйствующую армию.

Низшая охрана всегда позволяла себѣ издѣвательскія, нечеловѣческія выходки по отношенію къ арестованнымъ, въ особенности къ крестьянамъ, вслѣдствіе чего интерни-

рованные прилагали всѣхъ усилій чтобы попасть въ наряды на работы внѣ лагеря, даже болѣе состоятельные изъ интернированныхъ просто откупались у стражниковъ отъ безчинствъ и надоедливыхъ, а иногда совершенно невыносимыхъ преслѣдованій. Упросилъ и я унтеръ-офиц. Сеницу (словенца) нарядить меня на полевые работы въ сосѣднемъ графскомъ замкѣ.

Въ замкѣ познакомился я съ комендантомъ Eigenwirtschaft-а оберлейтенантомъ Калиною (чехомъ), который впоследствии сдѣлалъ меня старшимъ дружины.

Теперь моя жизнь потекла болѣе разнообразно. Ежедневныя экскурсіи изъ лагеря въ замокъ должны были укрѣпить мое здоровье, сильно пошатнувшееся еще въ Терезинской крѣпости. Въ замкѣ перевозилъ я землю, садилъ и оканывалъ капусту. Когда же лагерный плацъ-комендантъ Уейскій (изъ интернированныхъ поляковъ), за взятки и вымогательства, былъ отстраненъ отъ должности, я согласился на усиленныя просьбы моихъ знакомыхъ и сотоварищей замѣ-

нить уступившаго и былъ назначенъ на его мѣсто.

Моимъ новымъ положеніемъ въ средѣ лагернаго населенія пользовались главнымъ образомъ духовенство и мірская интеллигенція, желавшія подышать свѣжимъ воздухомъ. Подъ предлогомъ полевыхъ работъ въ рабочія дружины наряжалась, при соблюденіи извѣстной очереди, интеллигенція. Въ замкѣ былъ хорошій паркъ и небольшой лѣсокъ.

Сносаясь постоянно по долгу службы съ главной канцеляріей, былъ я посвященъ въ нѣкоторые администр. секреты по управленію арестованными.

Талергофскій лагерь состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ дворовъ, по 10 бараконъ, съ кухнями и другими постройками. Въ каждомъ баракѣ находилось до 140 человѣкъ.

Все это были люди, противъ которыхъ уголовное слѣдствіе было уже приостановлено. Каждымъ бараконъ управлялъ „циммеркомендантъ“, получавшій для своихъ людей пропитаніе, одежду, отбѣчавшій за порядокъ и т. п.

Наша улица длиною въ одинъ километръ проходила черезъ всѣ три двора и упиралась въ рядъ бараконъ, гдѣ размѣщались интернированные, находившіеся еще подъ слѣдствіемъ. Затѣмъ стоялъ баракъ съ отдѣльными камерами для провинившихся и осужденныхъ въ административномъ порядкѣ лагеркомендантомъ. Дальше слѣдовали лазареты, изоляторъ для инфекціонныхъ больныхъ, прачешня, кухни, конторы, карантинные бараки, баня, дезинфекціонный баракъ, а ря-

домъ съ ними православная часовенка.

Рядомъ съ часовенкой стояла небольшая постройка, помѣщеніе православнаго священника, жилъ въ ней, однако, офицеръ, ведшій реестръ покойниковъ.

Отсюда вель путь на кладбище „подъ соснами“. Дополненіемъ талергофской картины служили двѣ мертвецкія, одна рядомъ съ лазаретами, а другая въ концѣ лагеря, рядомъ съ арестантскими бараками, обѣ съ лаконическими и каждому изъ насъ весьма понятными надписями: „Mein letztes Heim“ (моя послѣдняя обитель).

На границѣ 1-го и 2-го дворовъ была построена высокая электрическая водоканка, а въ двухъ противоположныхъ концахъ лагеря два бассейна, устроенные на случай пожара, откуда застоявшаяся вода заражала воздухъ въ цѣломъ лагерѣ.

Лагерь былъ обведенъ высокимъ заборомъ и колючей проволокой, дальше за проволокой съ внѣшней стороны караулили сторожевые посты.

Свободные участки внутри лагеря были засажены овощами, которыми впослѣдствіи насъ кормили.

Въ баракахъ Nr. 1 жили русскіе военноплѣнные, занятые въ Талергофѣ въ качествѣ плотниковъ, пекарей, кузнецовъ и др. Лагерные магазины, пекарни, прачешня, конторы и казармы для помѣщенія караульной команды, находились внѣ ограды.

Между интернированными находились цѣлыя семьи съ дѣтьми школьнаго и дошкольнаго возраста.

Для нихъ вмѣстѣ съ ихъ матерями былъ отведенъ баракъ Nr. 2 и была придѣлена одна сестра милосердія для ухода за маленькими арестантами.

Для семейной, но бездѣтной интеллигенціи, былъ отведенъ баракъ Nr. 30, съ отдѣльными комнатами и перегородками, а рядомъ съ часовенкой построено нѣчто въ родѣ ресторанчика, предназначеннаго для располагавшихъ матеріальными средствами. Собственно говоря въ этой лавчонкѣ кромѣ кукурузнаго хлѣба, молока, табаку и колбасы весьма сомнительнаго качества, нечего больше было купить.

У входа въ лагерь стояла внушительная постройка, отличавшаяся размѣрами отъ остальныхъ талергофскихъ бараконъ. Это было лагерное управленіе съ цѣлыми штатомъ полицейскихъ и военныхъ чиновъ, тутъ же помѣщалась почта.

Свиданія постороннихъ посѣтителей съ интернированными происходили въ жандармскомъ управленіи, всегда по особому разрѣшенію коменданта лагеря, полковника Штадлера, и всегда продолжались не болѣе 10 минутъ.

Всѣ посылки въ лагерь и изъ лагеря тщательно провѣрялись стражей, корреспонденція тщательно цензурировалась по сколько вообще не считалась запретной или же не задерживалась на талергофской почтѣ по усмотрѣнію чиновника. Случалось, что посѣтителю лагеря недѣлями ожидали въ Градецѣ разрѣшенія полковника на свиданіе съ интернированнымъ въ Талергофѣ.

Въ жандармскомъ управленіи въ Талергофѣ были заняты большею частью чиновники поляки изъ Галичины, эвиденцбюро-мъ вѣдали оберлейтенантъ Бехтлефъ, нѣмецъ, родомъ изъ Городка Ягайлонскаго, судебными дѣлами вѣдалъ оберлейтенантъ д-ръ Герцъ, еврей, чело-вѣкъ совершенно безпристрастный, а почтой завѣдывалъ оберлейтенантъ д-ръ Винтеръ. Изъ низшихъ конторскихъ служащихъ помню капраловъ: италянца Мерка, онѣмеченнаго чеха Гариха, и коломыйскаго еврея Маера Ляхса, бывшаго у насъ посредникомъ между талергофскимъ лагеремъ и внѣшнимъ міромъ. Ляхсъ перевозилъ неофициально въ Градецъ наши записки знакомымъ и роднымъ и исполнялъ инья мелкія въ сущности, однако для насъ весьма важныя порученія.

Наиысшей властью въ лагерѣ былъ полковникъ, а его ближайшимъ органомъ являлось эвиденцбюро съ различными секціями и многочисленнымъ штатомъ служащихъ. Отдѣльные дворы въ лагерѣ имѣли кромѣ того своихъ комендантовъ, австрійскихъ офицеровъ, съ нѣсколькими унтерами и тѣ непосредственно сносились съ нами. Однимъ изъ такихъ комендантовъ былъ офицеръ д-ръ Чировскій, ма-зепинецъ.

Была тутъ своя санитарная коммиссія, состоявшая изъ полкового врача, двухъ замѣстителей, а въ качествѣ четвертаго члена этой коммиссіи былъ допущенъ интернированный д-ръ Могильницкій изъ Бучача. На услугахъ санитарной коммиссіи была цѣлая партія могиль-

щиковъ, набранныхъ изъ среды интернированныхъ.

Кладбище находилось на Flugfeld въ подѣ „соснами“, гдѣ хоронились всѣ въ заранѣ заготовленныхъ глубокихъ и длинныхъ могилахъ и засыпались пескомъ и гравіемъ (мелкими камешками.) Хоронились покойники часто въ одной рубашкѣ. Въ послѣднемъ году существованія талергофскаго лагеря разрѣшалось хоронить покойниковъ въ сопровожденіи священника и интернированныхъ, однако не больше 200 человекъ по специальному разрѣшенію, и съ предложеніемъ именного списка. У изголовья каждаго покойника помѣщалась табличка, прибитая на колышкѣ, съ надписью, указывавшей фамилію покойника. Къ моменту упраздненія лагеря номера табличекъ дошли до 2.000 (двухъ тысячъ). Разрѣшалось ставить на могилахъ кресты, и талергофское кладбище покрылось трираменными крестами. Узнавъ случайно объ этомъ явленіи, пресловутый д-ръ Чировскій исходатайствовалъ у высшихъ властей разрѣшеніе обрѣзать рамена крестовъ, что затѣмъ и было продѣлано по его приказанію.

Получивъ назначеніе въ плацкоменданты, я постарался первымъ долгомъ облегчить хоть немного и улучшить до нѣкоторой степени долю заточниковъ. Предостерегалъ интернированныхъ о поступающихъ на нихъ въ лагерное управленіе доносахъ отъ тайныхъ агентовъ, находившихся въ лагерѣ, а принимая участіе при всякаго рода разслѣдованіяхъ въ качествѣ уже должностного лица и главнаго перевод-

чика, я прилагалъ всѣ усилія, чтобы таковыя кончались хорошимъ исходомъ для подсудимыхъ интернированныхъ.

Многихъ изъ интернированныхъ я предупреждалъ о надвигающейся опасности и такимъ образомъ давалъ имъ возможность подготовиться надлежащимъ образомъ къ защитѣ. Мнѣ это удавалось потому, что упомянутый итальянецъ Меркь сообщалъ мнѣ обо всемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ я лично имѣлъ возможность взглянуть въ канцелярскія книги и документы. Во время моего плацкоменданства прекратилась постоянная перекочевка интернированныхъ изъ барака въ баракъ, о всякаго рода злоупотребленіяхъ низшей администраціи я докладывалъ высшему начальству и виновные наказывались. Также прекратились злоупотребленія съ выдачею почтовыхъ посылокъ, какъ писемъ такъ и продовольственныхъ посылокъ, вслѣдствіе установленія контролеровъ изъ среды интернированныхъ, которые всегда присутствовали при приѣмѣ почты. Письма и иныя посылки теперь правильно доходили до рукъ интернированныхъ. Имѣя доступъ во всѣ углы талергофскаго лагеря я имѣлъ возможность быть неофициальнымъ передаточнымъ органомъ разныхъ записокъ и т. п. для интернированныхъ.

Тяжела была доля интернированныхъ крестьянъ. Не имѣя гроша при душѣ, не получая ничего изъ дому, и не имѣя посторонняго заработка, они занимались выдѣлкой табакерокъ, крестиковъ и т. п. вещичекъ и продавали ихъ

среди талергофцевъ. Знвшіе сапожное ремесло были опредѣлены въ лагерную мастерскую, гдѣ выдѣлывались соломенные валенки и обувь съ деревянными подошвами. Такая обувь поступала въ казну, кажется для нуждъ арміи.

Пища въ Талергофѣ была плоха, а сильно ухудшилась качествен-

но является опаснымъ пропагаторомъ православія и царславія среди интернированныхъ. Однако высшее начальство оказалось болѣе благоразумнымъ и не сочло нужнымъ закрывать молитвенный домъ, служившій для сотенъ арестованныхъ единственнымъ утѣшеніемъ и облегченіемъ въ тяжелыхъ условіяхъ

Военнослужащие русскіе солдаты, въ баракѣ № 1 Талергофскаго лагеря.

но и количественно въ послѣднемъ году. Въ то время несостоятельные заточники опять заболѣвали, на этотъ разъ уже желудочными болезнями и осложнениями.

Въ то время мы выхлопотали также разрѣшеніе на устройство школы для дѣтей арестованныхъ и на постройку православной часовни, о которой я уже упоминалъ въ началѣ. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, что д-ръ Чировскій не оставилъ въ покоѣ и православнаго храма, донося полковнику, что часовенка

талергофскаго заточенія. Самъ д-ръ Чировскій былъ затѣмъ арестованъ и приговоренъ къ нѣсколькимъ годамъ тюрьмы за нѣкоторыя свои темныя продѣлки.

Въ заключеніе скажу, что уже въ послѣднее время организовался въ лагерѣ маленькій струнный оркестръ, въ составъ котораго входили священники: Генсіорскій и Скобельскій, д-ръ Гриневецкій и другіе. Концерты оркестра, устраиваемые въ третьемъ дворѣ, собирали множество народа, самопонят-

но арестантовъ; такимъ образомъ тонную и печальную арестантскую интернированные старались вносить жизнь. нѣкоторое разнообразіе въ моно-

Ю. Н. Киселевскій.

ФЕОФИЛЪ ВАСИЛ. КУРИЛЛО:

Дневникъ лемка изъ Талергофа

(съ 14-го сентября 1914 г. по 22-ое августа 1915 г.)

Сентябрь 1914 года.

14 сент. понедѣльникъ. — Въ 8 ч. вечера выѣзжаетъ первый транспортъ русскихъ лемковъ изъ Горлицкой тюрьмы, при уѣздномъ судѣ въ Горлицахъ.

Тюремная власть, во главѣ со Скальчинскимъ, собрали насъ на тюремной площади, прочли списокъ всѣхъ насъ и, произведши ревизию вещей, приказали строиться въ ряды, по четыре; а отправиться вмѣстѣ съ этими вещами на вокзалъ. Держа вещи въ рукахъ, мы шли, не зная куда, и даже не смѣя спросить, куда насъ направляютъ.

При нашемъ выходѣ изъ тюремнаго помѣщенія собралась толпа мѣстныхъ жителей, которая отнеслась къ намъ почему-то враждебно и ругала насъ. На эту ругань мы не реаговали, а молча продолжали свой путь.

Сопровождаетъ насъ нѣсколько жандармовъ.

На вокзалѣ размѣщаютъ насъ въ товарныхъ вагонахъ числомъ больше сорока человекъ въ одномъ вагонѣ. На вагонахъ жандармы мѣломъ начертили надпись: „ѣдутъ москалофилы измѣнники“.

15 сент. — Поѣздъ трогается съ мѣста и затѣмъ дѣлаетъ остановку на каждой станціи. Почти на каждой станціи встрѣчаетъ насъ мѣстное населеніе и ругаетъ насъ.

Нѣкая старая женщина, держа въ рукѣ молитвенникъ и четки, говоритъ своей сосѣдкѣ: „слушай Маша, я такъ чувствительна, курицы сама не зарѣжу, но того попа, что находится въ вагонѣ, я рѣзала бы по кусочкамъ“. Кто-то сталъ бросать въ насъ пескомъ и бумагой. Увидѣвъ это, жандармъ закрылъ дверь вагона, и поѣздъ тронулся съ мѣста.

Прибываемъ въ г. Живецъ, та же самая картина. Видимъ собственные припасы, купленные въ Горлицахъ, но экономно, ибо не знаемъ, какъ долго придется намъ ѣхать.

16 сент. — Проѣзжаемъ черезъ Венгрію. Жара нестерпимая! Въ закрытомъ вагонѣ страшно душно, ибо насъ въ немъ много, а открывать вагонъ запрещено. Нѣкоторые изъ насъ лежатъ на полу почти безъ чувствъ.

Вспомнивъ, что у меня въ вещахъ находится вода для полосканія зубовъ, вынимаю ее, самъ нюхаю и даю понюхать о. Дуркоту

изъ Ждыни. Это насъ нѣсколько освѣжаетъ. Лишь только жандармъ открылъ дверь вагона на нѣсколько минутъ, мы съ жадностью силимся хватать полной грудью свѣжій воздухъ. Лица наши красны, а глаза отъ духоты выпячены на верхъ.

17 сент., четвергъ. — Какъ только поѣздъ останавливается на какойнибудь станціи, сейчасъ жандармы освѣдомляютъ мѣстныхъ жителей, кого они везутъ. Жандармы открываютъ двери вагоновъ, толпа мѣстныхъ жителей уже поджидаетъ насъ, ругаетъ и даже требуетъ выдачи насъ, дабы растерзать насъ.

Кто-то изъ толпы сказалъ, что среди насъ находится профессоръ русскаго университета, я на это лживое заявленіе улыбнулся, за что толпа стала бросать въ меня камнями. Еслибъ жандармъ не успѣлъ сейчасъ закрыть дверь вагона, то толпа могла бы и убить меня. На слѣдующей станціи толпа категорически требовала выдачи насъ для самосуда. Мы молчимъ и попрятавшись вглубь вагона, съ трепетомъ ожидаемъ неизбежной смерти, но къ нашему счастью поѣздъ трогается и жандармъ закрываетъ двери.

18 сент. пятница. — Въ 10 часовъ ночи прибываемъ въ г. Граць, въ Сирію, послѣ въ Абтисендорфъ и Карлгофъ.

На вокзалѣ встрѣчаютъ насъ солдаты изъ Талергофскаго лагеря. Построивъ насъ въ ряды, по четыре, приказали намъ итти за собою. При свѣтѣ факеловъ идемъ пѣшкомъ въ лагерь подъ ударами прикладомъ и сапогами въ спину и куда попадетъ.

идуцій рядомъ со мною юристъ Дмитрій Качоръ изъ Водаковъ получилъ сильный ударъ прикладомъ въ спину, стиснувъ зубы, идетъ дальше, но отъ сильной боли наворачнулись слезы на глаза. Нашъ транспортъ раздѣляютъ по полевымъ шатрамъ („дельтамъ“). гдѣ по сторонамъ и по серединѣ находится нѣсколько сноповъ соломы. Спать можно тамъ только сидя, опираясь спиной о снопъ соломы.

Нѣкоторые изъ насъ, сильно утомленные, засыпаютъ въ такомъ неудобномъ положеніи. На поданное нами прошеніе намъ разрѣшено было выходить за надобностью изъ шатра въ сопровожденіи солдатъ, но только на весьма короткое время, — больше одной минуты нельзя было употребить на естественную надобность подъ угрозой ударовъ прикладомъ или даже штыкомъ. Разрѣшеніе это было выдано только нѣкоторымъ изъ насъ, и то черезъ каждые 2 часа разрѣшалось обращаться съ просьбой о выходѣ за надобностью не больше, нѣмъ 4 лицамъ.

Съ момента выѣзда изъ Горлицъ не получали мы теплой пищи. Уничтожаемъ остатки привезенныхъ изъ Горлицъ съѣстныхъ припасовъ.

19 сент. суббота. — Ъсть не даютъ. Если у кого изъ насъ имѣется немного хлѣба, тотъ дѣлится имъ съ другими. Съѣстныхъ припасовъ нигдѣ нельзя достать.

Лагерь нашъ состоитъ всего изъ 10 меньшихъ шатровъ и одного большого и разбитъ на значительной песчаной равнинѣ. Нашъ транспортъ, кажется, былъ вторымъ,

такъ какъ часть шатровъ была занята какими-то людьми. Посты были заняты исключительно нѣмцами, говорящими простонароднымъ нарѣчьемъ Стирїи и Вѣны, такъ что и интеллигентные люди съ трудомъ ихъ понимали, а простой русскій людъ, который говоритъ только лемковскимъ нарѣчьемъ и подавно не въ состоянїи понимать ихъ. Вслѣдствіе этого происходятъ частыя недоразумѣнія, кончающіяся большей частью руганью и побоями со стороны надзирателей.

20 сент., воскресенье. — Въ тотъ же день вечеромъ надзиратель нашего поста перевелъ насъ въ большой шатеръ. Въ этомъ шатрѣ нѣтъ ни дверей, ни соломы; пришлось спать на сырой землѣ, вслѣдствіе чего мы продрогли отъ холода. Ванька Михайловичъ Вербицкій сшилъ изъ полотна мѣшокъ для своихъ вещей.

Испытываемъ голодъ.

21 сент. Въ шатрѣ встрѣчаю Стефана Тыминскаго, стараго своего знакомаго, съ которымъ жилъ на квартирѣ у Брониславы и Феофилы Кржиштофовиковской въ гор. Яслѣ. Въ 10 ч. утра получаемъ впервые хлѣбъ и въ 5 ч. вечера полбу (пенцакъ).

22 сент. — Первый завтракъ. Визитъ врача. Получаемъ лекарства и незначительное количество соломы, которую раздѣлили между насъ коменданты шатра (циммеркоменданты).

Дождь. Шатры наши протекаютъ. Спать приходится на мокрой землѣ. Нѣкоторые изъ насъ вырѣзываютъ изъ дерева ложки, другіе играютъ въ самодѣльные деревян-

ные шахматы или же въ карты, а иные читаютъ книги, которыя случайно захватили съ собой. Врачъ осматриваетъ глаза интернированныхъ. На обѣдъ даютъ бульонъ съ рисомъ.

23 сент. — Пишу домой во Флоринку открытое письмо, а малограмотнымъ товарищамъ написалъ ихъ штукъ десять.

Для осмотра прибылъ нашъ врачъ д-ръ Цѣханскій изъ Крыницы. Въ 10½ ч. утра получаемъ хлѣбъ, а въ 3 ч. дня обѣдъ. Покупаемъ пледы, рубахи и пр. Новый визитъ врача. Спать пришлось въ платѣ, прикрываясь шинелью.

24 сент. — Ванька Вербицкій брилъ меня. Покупаю молока за 9 геллеровъ, а булокъ за 12 и кружку для питья. Для интернированныхъ устраиваютъ кухню. Я простудился и схватилъ жестокой насморкъ. Знакомство съ О. Фольварковымъ.

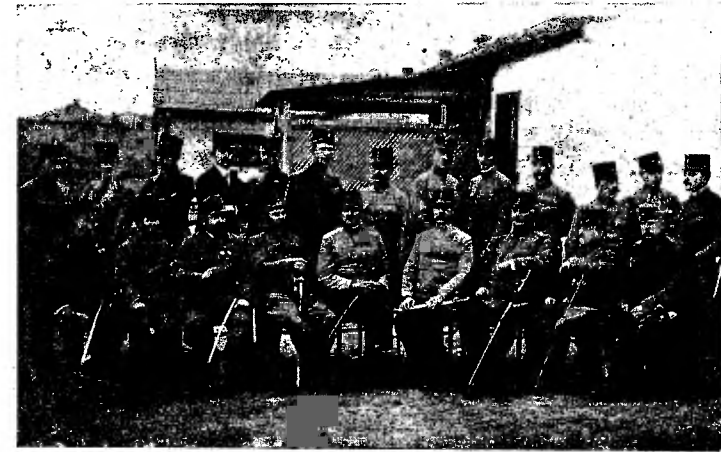
25 сент. — Свящ. о. Сеникъ, членъ львовскаго сейма, и Стеранка подаютъ жалобу властямъ лагеря, описывая наше бѣдственное положеніе, жалуясь на то, что отъ холода и негигиеническихъ условій жизни въ лагерѣ умерло уже 9 чело-вѣкъ интернированныхъ.

Сегодня довольно хорошій день. Женщинъ переводятъ въ деревянный баракъ. Я гуляю въ своемъ плащѣ. Укладываю хлѣбъ въ ряды для раздѣла его между интернированныхъ большого шатра. Ложусь спать въ 6 ч. вечера. Ночью у о. Хомицкаго было кровотеченіе изъ носа. Въ шатрѣ ночью холодъ невыносимый. Кому холодъ не даетъ спать, тотъ гуляетъ по шатру.

26 сент., суббота. — Въ 9½ ч. утра солдаты привязали (т. е. сдѣ-

лали т. наз. „anbinden“) одного русскаго къ столбу на 1¼ часа за то, что укралъ своему товарищу сорочку. Наказанный нѣсколько разъ терялъ сознание, а изъ промежутковъ между пальцами ногъ его показалась кровь. Стирка бѣлья производится у насъ, конечно, безъ мыла.

Результатомъ этого молебна было новое распредѣленіе насъ по всѣмъ шатрамъ. Случалось и такъ, что отдѣляли дѣтей отъ родителей, брата отъ брата. Я попалъ въ шатеръ № 15. По этому поводу во дворилось у насъ сумрачное и угнетенное настроеніе.

Группа австрійскихъ офицеровъ по укрѣпленію лагеря.

Встрѣчаю здѣсь моего вѣнскаго товарища Θεодосїя Перчинскаго, который заказалъ черезъ надзирателя мыло. Укравшій хлѣбъ тоже получилъ наказаніе „anbinden“.

И этой ночью невыносимый холодъ.

27 сент., воскресенье. — Хорошій день. Молебенъ Божїей Матери въ большомъ шатрѣ. Литургіи служить нельзя было, такъ какъ не было ни алтаря, ни сосудовъ, ни ризъ, ни даже богослужебныхъ книгъ. Пѣли всѣ, но многіе плакали и не могли больше пѣть.

28 сент., понедѣльникъ. — Новая мойка бѣлья, ибо уже начинаютъ появляться паразиты и то большихъ размѣровъ. Пилъ молоко сильно разбавленное водой, причемъ количество этого купленнаго мною черезъ надзирателя молока было значительно, а цѣна изрядная.

Встрѣчаю Маркуса, члена русскаго студенческаго Общества „Буковина“ въ Вѣнѣ.

29 сент., вторникъ. — Шесть чело-вѣкъ интернированныхъ умерло утромъ. Солдаты, посыпавъ ихъ негашеной известью, вынесли и закопали, не позволяя, не только что служить панихиду при ихъ гробѣ,

но даже сопровождать тѣла умершихъ ихъ родственникамъ.

Подверглись наказанію „ambinden“ еще 5 человѣкъ.

Сильный, холодный и пронизывающій вѣтеръ. Пишу малограмотнымъ крестьянамъ открытыя письма домой.

30 сент., среда. — Опять хорошая погода.

Вновь подверглись наказанію „ambinden“ 2 человѣка.

Опять закопали солдаты 2 умершихъ, изъ которыхъ одинъ былъ православный.

Переводятъ насъ въ большой центральный шатеръ, ибо военнопленныхъ русскихъ перевезли въ другое мѣсто.

Скончался благочинный о. Кушниръ.

Октябрь 1914 г.

1 окт. — Меня избрали комендантомъ шатра.

Кромѣ другихъ обязанностей я имѣю право дѣлить пищу среди заключенныхъ и платѣе и бѣлье, если таковыя присылаются въ шатеръ властями лагеря. Но увы, не смотря на то, что многіе изъ насъ ходятъ въ лохмотьяхъ и не имѣютъ средствъ покупать при посредствѣ властей лагеря необходимое платѣе (платить приходится за одно и то же по нѣсколько разъ), ни бѣлья, ни одежды ни разу власти не выдали бѣднѣйшимъ изъ насъ.

Ночью холодно, чтобъ согрѣться, варимъ тайкомъ чай и попиваемъ его.

2 окт. — Опять хорошая погода. Разрѣшено гулять между шатрами и похоронить 4 умершихъ,

въ ихъ числѣ одного студента, съ участіемъ хора. Вечеромъ даютъ намъ кофе.

3 окт., суббота — Хорошій день. Идемъ гулять между шатрами. Капитанъ осматриваетъ лагерь. Похороны баумайстра.

Встрѣчаю о. Стефана Копытянскаго и Григорія Пирого. Получаемъ кофе.

Прислали намъ жестяные котелки для супа (шалки). Дѣлаемъ списокъ людей другого шатра.

4 окт., воскресенье. — День ангела императора Франца Юсифа I. Въ отстояніи какихъ-нибудь 100 шаговъ отъ нашихъ шатровъ строятъ 2 деревянныхъ барака въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

На плацу между этими деревянными бараками состоялась полевая обѣдня, на которой присутствуютъ представители всѣхъ шатровъ и бараковъ. Обѣдню совершаетъ почтенный старикъ о. Долинскій, соборнѣ съ оо. членами сейма, Сеникомъ и Метеллой. Хоръ, состоящій изъ регентовъ, хорошихъ пѣвцовъ и студентовъ университета, числомъ до 150 человѣкъ, поетъ великолѣпно.

Присутствующіе австрійскіе офицеры изумлены и приходятъ въ восторгъ.

Изъ нашего шатра присутствуютъ о. Сприссъ и я.

Визитъ врача. Вечеромъ многіе изъ нашего шатра кашляютъ.

5 окт., понедѣльникъ — Хорошая погода. Кашель меня меньше мучитъ, желудокъ не въ порядкѣ, получилъ рвоту.

Къ намъ все прибываютъ новые интернированные. Число обита-

телей нашего шатра достигаетъ уже 300 человѣкъ.

6 окт., вторникъ. — Ночь холодная, спать нельзя. Несогласія между главнымъ комендантомъ шатра о. Сприссомъ, а цельткомендантами: Севериномъ Гайдашевскимъ, Теофиломъ Ляшемъ и гимназистомъ Тюкомъ. О. Сприссъ требователенъ по отношенію къ подчиненнымъ и смиренъ по отношенію къ высшимъ. Владѣя въ совершенствѣ нѣмецкимъ языкомъ онъ многимъ помогъ въ бѣдѣ, умѣя своевременно замолвить словечко у властей.

Въ разстояніи какихъ-нибудь 100 шаговъ отъ нашего шатра устроена купальня, состоящая изъ 2 маленькихъ комнатъ, могущихъ помѣстить человѣкъ 20. Въ каждой комнатѣ есть бассейнъ деревянный съ горячей водой. Насъ дѣлятъ на партіи не больше 30 человѣкъ, и каждую партію приводятъ къ купальнѣ каждые $\frac{1}{2}$ часа. Первая партія, прибывъ на мѣсто, выстроилась въ рядъ и по командѣ тутъ на дворѣ передъ купальней раздѣвалась и голая вошла въ купальню, гдѣ стала мыться горячей водой. Но за то вторая и слѣдующія прибывали значительно раньше, до выхода купающейся партіи, несмотря на это солдаты немедля по ихъ прибытію къ купальнѣ приказывали на дворѣ раздѣваться, и интернированные голые стояли въ строю, ожидая своей очереди иногда и полчаса. Шель мелкій снѣгъ, обсыпая ихъ тѣла и одежду, лежащую у ихъ ногъ. Только когда партія предыдущая выкупалась и выходила, дабы на холоду одѣтъ промерзлую одежду, эти смерзшіе люди шли въ

купальню мыться. Такое купанье явилось разсадникомъ болѣзней, тифа, воспаления легкихъ и т. п.

Идемъ въ деревянный баракъ № 2. О. Сприссъ, вмѣстѣ со своимъ дьякомъ Скобликомъ и мальчикомъ, идетъ купаться. Баракъ № 2 настроенъ враждебно по отношенію къ О. Сприссу почему главнымъ комендантомъ барака выбирается Гайдашевскій. Беспорядки при раздѣлѣ пиши. Возстанавливаетъ порядокъ главный поваръ („zwei und zwei“), штыкомъ наказавъ троихъ.

Въ баракѣ № 2 пробылъ я только одну недѣлю.

Производятъ дезинфекцію насъ и нашихъ вещей, кажется жидкимъ формалиномъ.

Какой-то священникъ держитъ проповѣдь.

Мы, лемки, сплавиваемся.

8 окт. — Холодный день. Гуляю съ Качоромъ. Похороны крестьянина. Купилъ молочную булку для больного о. Хомицкаго.

Встрѣчаю толстаго Козеровскаго, юриста, мосговѣнскаго знакомаго. Коцко собираетъ заказы на покупку вещей въ Грацѣ. Ъсть даютъ намъ не больше 2 разъ въ сутки; чтобъ убить ощущеніе голода, варю себѣ подобіе супа.

9 окт. — Познакомился съ о. Михаиломъ Еднакимъ, отцомъ Юльяна, б. предсѣдателя студенческаго Общества „Буковина“ во Вѣнѣ.

Съ пѣлью прогулки рѣшили носить воду въ ушатѣ. Хорошая погода. За рѣшеткой лагеря, на поляхъ, мѣстные крестьяне собираютъ кукурузу и вяжутъ ее въ снопы. На площади передъ бараккомъ интер-

нированные варятъ чай на импровизированной печкѣ. Одинъ изъ интернированныхъ приобрѣлъ машинку для стрижки волосъ и такимъ образомъ зарабатываетъ на хлѣбъ. Одни изъ интернированныхъ, подъ наблюдениемъ техника, строятъ бараки, другіе приводятъ бараки въ порядокъ извнѣ и внутри, третьи занимаются игрой въ волка и овецъ.

Среди интернированныхъ встрѣчаю нѣсколькихъ членовъ семьи Хомяковъ. Свящ. о. Семенъ Савула говоритъ проповѣдь окружающій его довольно многочисленной толпѣ. На обѣдъ даютъ мясо съ манной кашей (грысикъ). Съ о. Сприссомъ устанавливаемъ проектъ работъ въ баракѣ на слѣдующій день. Вечеромъ настроеніе удрученное. Всѣ сильно тоскуютъ по роднымъ мѣстамъ.

Прибываетъ транспортъ новыхъ интернированныхъ изъ Перемышля, между ними есть Наташа Несторовичъ.

10 окт., суббота — Холодный день. Главнымъ комендатомъ нашего барака состоитъ Унгехейеръ. Настроеніе въ баракѣ невеселое. На завтракъ даютъ намъ грязный супъ съ фасолью. Въ третьемъ баракѣ умеръ какой-то еврей, котораго вынесли изъ барака для установления его смерти. Похороны одного крестьянина.

Привезли лемковъ изъ грибовскаго и сандецкаго уѣздовъ. Лагерныя власти провѣряютъ списки всѣхъ живущихъ въ деревянныхъ баракахъ. Женщины моютъ бѣлье, а сапожники 2-го барака починяютъ обувь. Чтобы узнать, кто прибылъ съ послѣднимъ транспортомъ, я

вмѣстѣ съ однимъ священникомъ схватилъ ушатъ и отправился по воду.

Вижу передъ большимъ баракомъ, который предназначался для заболѣвшихъ холерой, своего отца свящ. Василия Курилло, настоятеля прихода Флоринки, о. Феофила Качмарчика изъ Бѣлцаревой, съ сыновьями Людомиромъ, нотарьяльнымъ депедентомъ, и Владиміромъ.

Обмѣняться съ ними хоть бы словечкомъ нельзя было, такъ какъ за нами по пятамъ слѣдовали солдаты съ ружьями.

Несмотря на это по нѣскольку разъ хожу по воду, дабы хоть издали посмотрѣть на своего отца.

Возлѣ этого большого барака для холерныхъ больныхъ находится главная кухня, а около нея стоитъ солдатская лавка, гдѣ съ разрѣшенія властей можно покупать и намъ необходимыя вещи.

11 окт., воскресенье. — Пасмурно. Въ три часа ночи о. Савула будитъ насъ плачемъ, говоритъ проповѣдь и, затихая, начинаетъ усердно молиться. Настроеніе подавленное, но молитвенное. Слышны кое-гдѣ стонъ и плачь. Днемъ о. Дольницкій совершаетъ богослуженіе, заканчивая его параклисомъ.

Брился и совершаю прогулку вмѣстѣ съ Качоромъ и Юсафатомъ Крулевскимъ. Похороны 2 человекъ.

12 окт. — Встаю раньше, чтобы принести въ ушатѣ завтракъ для барака, а главное, чтобы опять увидѣть своего отца.

Похороны православнаго священника. Затѣмъ о. Савула рассказываетъ собравшимся вокругъ него о своей долѣ и о своемъ отцѣ.

Толпа людей, окружающая костеръ и Савулу, слушаетъ внимательно его рассказъ.

Ввиду большого скопления народа въ лагерѣ лагерныя власти принуждены были запастись новыми котлами, чтобы устроить специальную кухню для интернированныхъ. Теперь уже власти стара-

кострюлькахъ или даже кружкахъ. Священники служатъ вечерню.

14 окт. — Утро холодное. По кровъ Пресв. Богородицы. По случаю этого праздника молебень (параклисъ).

Получаю отъ матери изъ Флоринки 20 кронъ, и покупаю каучуковый воротничокъ, также заказы-

Передъ баракомъ лѣтомъ

ются дѣлать запасы състныхъ припасовъ, чтобы не морить голодомъ заключенныхъ въ лагерѣ, что раньше водилось постоянно. Лагерный врачъ раздаетъ небольшое количество пледовъ особенно нуждающимся. Оканчиваютъ постройку начатыхъ бараконъ и начинаютъ строить новые.

13 окт. — Хорошая погода. Раздаютъ нѣкоторымъ изъ нашего барака одѣяла. За бараконъ дѣлаемъ въ землѣ примитивныя кухни, чтобы варить часть пищи въ

ваю гетры на ноги. Пишу Зенону Курилло, находящемуся въ арміи въ Лайбахѣ (Люблянѣ).

Вновь приводятъ въ Талергофскій лагерь нѣсколько новыхъ транспортовъ интернированныхъ. Ночь теплая.

15 окт., четвергъ — День пасмурный. Съ разрѣшенія врача удалось мнѣ передать отцу купонъ съ записками отъ денежнаго перевода (на 20 кронъ) изъ Флоринки. Свиданія съ отцомъ добиться не могъ. Посѣщаю больного Коцка. Къ своей

радости удалось мнѣ приобрести небольшой кусок мыла. Отдаю въ починку пришедшіе въ негодность сапоги.

Умеръ о. Людкевичъ, проф. каноническаго права.

13 окт. — Утро пасмурное. Позже распогодилось. Встрѣчаю судью Юліана Подлускаго изъ Перемышля. Умерла одна изъ женщинъ. Совѣтъ ночью, намѣреваясь просить помощи для интернированныхъ у военнаго прокурора (кригс-анвальта). Одинъ солдатъ, чехъ холерическаго темперамента, высказываетъ довольно дикій взглядъ на культуру русскихъ крестьянъ. О. О. высказывается съ возмущеніемъ объ этомъ чехѣ и его взглядахъ. Ночью до того сильный дождь, что протекаетъ черезъ крышу и каплетъ мнѣ прямо на лицо. Прикрываю шляпой голову и стараюсь заснуть, но напрасно.

Больному Коцку стало лучше, приношу ему пару носковъ. Г-жа Смигельская есть въ лагерѣ тоже.

17 окт., суббота. — Счастливымъ для меня день, ибо людей изъ транспорта Грибовскаго и Новосандецкаго перевели въ нашъ баракъ № 8, такъ что живу теперь вмѣстѣ съ отцомъ и о. Владиміромъ Мохнацкимъ изъ Черной. Передаемъ другъ другу событія, происшествія съ нами и наши переживания за время разлуки, вспоминаемъ прошлое. Впервые узнаю, что благочинный, о. Петръ Сандовичъ, и его сынъ Антонъ, студентъ философіи, с. Брунары, были разстрѣляны въ Новомъ Санчѣ. Эта вѣсть сильно потрясла всѣхъ насъ.

18 окт., воскресенье. — Заказываю вторично жилетку, ибо первый заказъ оказался безуспѣшнымъ. Холодно. Врачъ лечилъ по старымъ приемамъ военныхъ врачей времени Николая I. Онъ приносилъ съ собою лекарство одного рода и пичкалъ имъ всѣхъ больныхъ независимо отъ рода болѣзни, хотя мѣнялъ сорта лѣкарствъ, для разнообразія. Сначала давалъ аспиринъ, другой день каломель, а третій вновь аспиринъ или какое-то иное лекарство.

19 окт. — Подаю прошеніе объ освобожденіи меня изъ лагеря, и отдачу подѣ судѣ. Все тѣло моего отца ноетъ и болитъ, боли эти вызваны тѣмъ, что онъ былъ выброшенъ изъ автомобиля во время катастрофы, которая случилась по дорогѣ въ Новый Санчъ, куда его вмѣстѣ съ другими везли на военный судъ.

20 окт. — Меня избрали комендантомъ отдѣленія барака (цуг-комендантъ) По новому повелѣнію властей лагеря намъ нельзя выходить изъ бараконъ съ 5 ч. вечера до 11 часовъ утра слѣдующаго дня, подѣ угрозой удара штыкомъ. Разрѣшается выходъ или больнымъ или же за надобностью и то только партиями черезъ каждые 2 часа. Въ сортирѣ шли мы сопровождаемые солдатами. Здѣсь по командѣ должны были скинуть брюки и сѣсть на шесть (дрючекъ) для отпавленія надобности, по истеченіи короткаго времени (около 2—3 мин.), успѣлъ-ли кто отбыть надобность или нѣтъ, раздавалась команда „одѣвайся“. Вся картина продолжалась не больше 5 минутъ. Одинъ

старикъ не успѣлъ во время раздѣться, за что солдаты сбросили его въ гноевикъ и остались очень довольны своей шуткой. Бѣднаго почти цѣлкомъ испачканнаго испражнениями, съ трудомъ удалось намъ вытащить изъ этой ямы. Сначала и для мужчинъ и для женщинъ было одно отхожее мѣсто, такъ, что женщины должны были садиться на шесть вмѣстѣ съ мужчинами. Только значительно позже для женщинъ устроили отдѣльное отхожее мѣсто.

21 окт. — Утромъ мыться можно только съ опредѣленнаго часа и то не больше 15 минутъ; кому бы пришла охота мыться больше или же не въ дозволенное время, того ожидалъ ударъ ногой и т.п. наказанія. Подавленное настроеніе среди интернированныхъ. День теплый, но пасмурный. 65 похоронъ уже было. Сегодня похоронятъ 66-го умершаго. Лагерныя власти сняли съ нашего барака запрещеніе выхода съ 5 ч. вечера до 11 ч. утра и раздаютъ намъ нѣсколько пледовъ и одѣяль.

22 окт. — Холодный день. Какой-то купецъ-нѣмецъ продаетъ намъ фрукты по баснословно высокой цѣнѣ, при томъ держитъ себя вызывающе и гордо, какъ какой-нибудь паша турецкій. Сильный туманъ надъ лагеремъ.

Покупаю лекарство моему больному отцу.

Возлѣ новыхъ деревянныхъ бараконъ строятъ новую кухню. Въ полѣ сохнетъ кукуруза въ снопахъ. Стирійскіе воробы больше нашихъ. Военныя власти наказали одного солдата 5-часовымъ арестомъ за то, что не пробилъ штыкомъ

интернированнаго крестьянина, за мнимое неповиновеніе ему же, т. е. солдату. Одинъ мальчикъ, осмѣлившійся закурить папирску, подвергся наказанію „шпанги“.

Черезъ Абтиссендорфъ проѣзжаютъ на южный фронтъ одинъ за другимъ военные поѣзда.

На площади передъ бараконъ одни курятъ тайкомъ, ибо запрещено, другіе варятъ чай, а иные гуляютъ въ деревянные бараки. Нѣкоторые изъ интернированныхъ молятся по книгамъ. Женщины моютъ платья, а крестьяне держа грязныя рубахи въ рукахъ ищутъ и бьютъ вшей. Кое-гдѣ можно видѣть лежащихъ въ тѣни барака на землѣ, людей и ведущихъ разговоры. Одни пишутъ прошенія къ начальству, на которые оно не даетъ отвѣта, другіе — полевые открытыя письма, которыя большей частью не выходятъ изъ Талергофа.

Въ нашемъ баракѣ глухонѣмой изъ недопеченнаго хлѣба дѣлаетъ корзинки. Въ большомъ шатрѣ, въ которомъ совершался молебень (параклисъ), живутъ или жили въ разное время: о. Сприссъ, о. Михаилъ Вербицкій, бывший законоучитель гимназіи въ Яслѣ, о. Калужняцкій изъ Бортнаго, о. Волянский, о. Дуркотъ, о. Цюкчинскій, о. Винницкій. о. Отго, о. Михаилъ Еднакій изъ Знагуевиць, о. Теофилъ Хомицкій, свящ. членъ сейма Метелла, о. Билинскій, о. Кучма, о. Кушниръ, Д-ръ Костышинъ, о. Юркевичъ, Сваричевскій, Д-ръ Совинъ Димитрій изъ Горлицъ, Тыминскій Стеф., Дм. Вислоцкій - юристъ, Вислоцкій, народный учитель, Теоодо-

сий Ядловскій, сынъ дьяка изъ Смерковца, Андрей Карлъ — юристъ изъ Лося, Димитрій Качоръ изъ Бодановъ, юристъ, Асафатъ Крулевскій, Емилъ Гривна, уч. нар. съ отцомъ своимъ изъ Маластова, Слюзаръ, бухгалтеръ изъ Горлицъ, о. Сеникъ, Понтцкій, Юркевичъ и др.

24 окт. — День теплый. Раздача соломы и пледовъ и составление списковъ новыхъ интернированныхъ.

25 окт. — воскресенье. Хорошая погода. Богослужение.

26, 27, 28, 29 окт. — Не писалъ за отсутствиемъ бумаги, которой купить было негдѣ. О. Василий Курилло, съ о. Еднакимъ, и Мохнацкій заказываютъ въ лавкѣ таза для мытья, ибо до сихъ поръ мылись мы, поливая воду другъ другу на руки. Сильный дождь и какъ слѣдствие его ужасная грязь кругомъ барака. Сидимъ въ баракѣ и скучаемъ.

30 окт. — Грязь просыхаетъ. День теплый. Приходятъ вещи моего отца (постель) изъ Бялой. Для насъ это событіе было радостью, ибо до сихъ поръ спали мы на соломѣ, а подъ голову приходилось класть или одѣяла или чтонибудь подобное.

Наконецъ устроили почтовое отдѣленіе въ лагерѣ. О. Сприссъ избранъ главнымъ комендантомъ барака № 11. Читаю книгу „Пиусъ IX и его политика“ Пельчара. Впервые моемя въ тазу. Наказанію „apbinden“ подвергся одинъ актеръ-полякъ за то, что ударилъ русскаго студента унив. Растваецкаго по лицу такъ сильно, что Растваецкій облился кровью.

Добія загоняетъ людей въ бараки, чтобы не смотрѣли на наказаннаго актера. Получаю заказанный пледъ, уплаченный до его получения, но онъ плохого качества и очень тонкій.

31 окт. — Теплый день. Владимиръ Гоцкій захворалъ. О. С. надѣвъ на голову шляпу бой-скаута и подбоченясь, танцуетъ гопака къ общему веселію. Большая часть соблазненная теплымъ днемъ вышла изъ барака: нѣкоторые сѣли на скамейку, другіе варятъ чай, третьи гуляютъ или, держа руки въ дырявыхъ карманахъ, тускло посматриваютъ на проходящихъ, иные курятъ тайкомъ изъ приобрѣтенныхъ тоже тайкомъ трубокъ, еще иные играютъ въ карты или самодѣльные шахматы. Иногда прохожіе толкаютъ другъ друга, извиняясь при этомъ. Нѣкоторые заняты вырѣзываніемъ изъ дерева ложекъ, вилокъ, палокъ или изъ проволоки рѣшетчатыхъ корзинокъ, иные же просто лежатъ на соломѣ и плюютъ въ потолокъ, на подобіе Теттикова („Мертвыя души“ Голя).

Главный поваръ приказалъ всѣмъ собраться съ котелками для получения обѣда за полъ часа до его прихода. Мы собрались и, выстроившись въ ряды по четыре человека, ожидали прибытія повара болѣе 1/2 часа. Одинъ старикъ при этомъ заснулъ, когда дошла до него очередь, то главный поваръ черпакомъ отъ супа ударилъ его по головѣ за то, что тотчасъ же не подставилъ своего котелка.

У насъ господствуетъ ужасная скука. Нѣтъ хуже наказанія, чѣмъ

бездѣйствіе. Читаю одну и ту же книгу по нѣскольку разъ, ибо другой нѣтъ. Среди насъ появляются самоуки парикмахеры. Лучше и дешевле всѣхъ брѣть какой-то батюшка.

За бараками мѣстные стирійскіе крестьяне укладываютъ кукурузу на телѣги и свозятъ домой. Коровы пасутся въ полѣ. Озимъ зеленѣетъ. Раздача въ баракѣ рубахъ и подштанниковъ въ небольшомъ количествѣ.

Ноябрь 1914 г.

1 ноября, воскресенье. — Холодный и пасмурный день. У кого-то пропалъ браслетъ. Въ 9 ч. утра лагерныя власти производятъ обыскъ по баракамъ, отнимаютъ курительную бумагу „Абади“, и составляютъ списки денегъ, имѣющихся у интернированныхъ.

Нашъ „дядя“ С. несетъ осторожно черезъ площадь съ гордымъ видомъ, котелокъ полный супа, посвистываетъ и кричитъ, чтобы ему уступали всѣ съ дороги, ибо жаль каждой пролитой капли супа.

Священники совершаютъ вечерню. Комендантъ поста зоветъ меня и велитъ передать священникамъ, что совершать вечерню запрещается. Благодаря моимъ настояніямъ онъ разрѣшаетъ окончить вечерню, но запрещаетъ ее впредь совершать.

2 ноября. — Дождливый и пасмурный день. Лагерныя власти отнимаютъ у интернированныхъ деньги, вносятъ ихъ въ депозитъ. Вводится строжайшая цензура всѣхъ писемъ.

Лемковъ изъ Горлицкаго и Ново-Сандецкаго уѣздовъ, совершенно безъ основанія заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ, переводятъ въ Грацкую тюрьму. О. Тофанъ подвергся 8-дневному одиночному тюремному заключенію въ лагерѣ за то, что продавалъ табакъ.

Вечеромъ, за бараками, возлѣ отхожихъ мѣстъ, подъ электрической лампой, О. Савула сказалъ собравшимся такую прочувственную рѣчь о будущемъ возвращеніи нашемъ въ Галичину, что у многихъ навернулись слезы на глаза.

3 ноября. — Пасмурно. Власти реквизируютъ суммы денегъ свыше 10 кронъ у интернированныхъ нашего барака.

Дядя С., видя солдата съ ружьемъ, сопровождающаго женщину съ младенцемъ на рукахъ, обратился къ нему со словами: „господинъ постовой, стерегите зорко этого маленькаго измѣнника, чтобы онъ вамъ не удралъ“. Всѣ присутствовавшіе скрытно улыбнулись, опасаясь ударовъ постового. Юречко изъ Новаго Санча внезапно заболѣлъ и исповѣдывался у присланнаго къ нему священника.

Встрѣчаюсь со вдовой о. Максима Сандовича, православнаго священника изъ Ждыни, котораго разстрѣляли безъ суда и слѣдствія въ тюрьмѣ Горлицкой 6 сентября 1914 г., въ 6 часовъ утра.

4 ноября. — Раздача соломы по баракамъ. Лагерныя власти производятъ дознание, заносятъ въ протоколъ показанія въ нѣкоторыхъ интернированныхъ изъ Перемыльскаго транспорта.

Солдатъ прокололъ штыкомъ одного ни въ чемъ неповиннаго интернированнаго.

Юстинъ Воргачъ изъ Флоринки просится въ нашъ баракъ, просьба его удовлетворена.

Воздухъ чистъ. Вечеромъ же туманъ покрываетъ землю, спустя нѣкоторое время онъ подымается вверхъ. Власти свозятъ дрова въ лагерь волами и лошадьми.

Сегодня кончается третій мѣсяцъ моего заключенія, напрасно потерянное время. Это наводитъ тяжкія думы, все раздумываю я, за что и зачѣмъ меня здѣсь держатъ такъ долго, сколько дней потерялъ я даромъ, никто и никогда мнѣ ихъ не вернетъ. Грустно и скучно! Каждую минуту можно ожидать ударовъ, побоевъ, криковъ и ругни.

Захарій Ставискій изъ Снѣтницы получилъ отъ своего тестя Александра Дубца переводъ на 10 кронъ, но безъ всякой дописи.

5 ноября. — День теплый, но пасмурный, солнца не видно. Встрѣчаю цыганъ полотнянаго шатра, которые привѣтствуютъ меня радостно, какъ бывшаго своего коменданта, и хвастаютъ полученными отъ властей сапогами и платьемъ, такъ какъ, было, совершенно обносились. Все одна и таже пѣсня. Скука и тоска по роднымъ мѣстамъ.

6 ноября. — Маркусъ — комендантомъ какого то барака. Въ баракахъ № 13 померло двое, одного изъ нихъ прокололъ солдатъ штыкомъ за то, что ссорился съ товарищемъ при раздачѣ соломы. Читаю

вѣроятно сотый разъ „Потопъ“ Сенкевича.

Въ лагерѣ холера. Уже ночью власти вывели караулы изъ лагеря и помѣстили ихъ за рѣшеткой. Курить въ виду этого уже можно, ибо никто не наблюдаетъ. Ужасный переполохъ въ лагерѣ. Новыя распоряженія по случаю холеры, изданныя врачами — интернированными. На плацу грязь. Запрещается варить чай! Караульные солдаты стоятъ сначала въ разстояніи 3-хъ шаговъ отъ рѣшетки, а потомъ въ разстояніи 10-ти шаговъ. Лагерные повара уже не раздаютъ пищи каждому отдѣльно въ котелки, а только въ ушаты, на каждый баракъ въ отдѣльности. Изъ ушатовъ мы сами дѣлимъ пищу между собою. Всѣ лагерныя лавки (кантины) закрыты. Получить съѣстныхъ припасовъ, табуку или чего-либо другого, нельзя. Курильщики собираютъ послѣднія крохи табуку, вытряхивая изъ кармановъ табачную пыль и курятъ эти остатки, съ трепетомъ думая и спрашивая, что имъ придется курить, если кантина долго будетъ закрыта. Ванька Вербицкій изображаетъ на бумагѣ картинку жизни интернированныхъ въ лагерѣ. Онъ тщательно оберегаетъ и прячетъ свою живопись отъ ненадежныхъ глазъ.

7 ноября — День холодный и пасмурный. Стирійскіе крестьяне продаютъ намъ хлѣбъ за рѣшеткой. Покупаю 4½ головки чесноку за 30 геллеровъ, какъ противохолерное средство. Иду съ людьми за хлѣбомъ за рѣшетку. Въ ангарахъ для аэроплановъ встрѣчаю массу русскихъ. Полотняные шат-

ры, какъ видно, опорожнены отъ живущихъ въ нихъ.

Лагерныя власти созываютъ всѣхъ врачей на совѣтъ. Учитель народный Ч. рассказываетъ исторію своей жены, которая была еврейкой и перешла въ католичество. Евреи хотѣли ее отравить, но ей удалось бѣжать и спрятаться у католическаго священника, который и обвинчалъ ихъ.

всего на все имѣется одна епитрахиль. Лагерныя власти передаютъ намъ новыя распоряженія черезъ свящ. о. Коломыйца.

8 ноября. — Отецъ Василій Курилло собралъ 14 кронъ 41 геллеровъ на покупку ризъ. Смѣна караула возлѣ кухни. Д-ръ фил. Брытъ Симеонъ, еврейскій раввинъ изъ Ценшковиць, собираются ѣхать въ Вѣну вмѣстѣ съ другими русскими

На прогулкѣ.

Вечерню совершаютъ священники на плацу. Полякъ Уѣйскій, редакторъ „Боруты“, рассказываетъ мнѣ исторію своего заключенія. Среди насъ находится польскій литераторъ Корнилій Попель со своей женой.

Сегодня канунъ праздника св. Димитрія. Это напомнило мнѣ ярмарки въ Избахъ и Бѣлцаревой. Это были хорошіе дни.

Священники собираютъ деньги на покупку церковныхъ ризъ, ибо

подданными, по сколько получить разрѣшеніе. За рѣшеткой русскіе военнопленные продаютъ съѣстные припасы, ибо кантина закрыта. Разговариваю съ Попелемъ. Ночной караулъ въ каждомъ баракѣ. Даю для починки брюки, и въ ожиданіи ихъ починки хожу въ бѣльѣ въ теченіе 2 часовъ, вслѣдствіе чего сильно простудился, такъ какъ другихъ брюкъ не было.

9 ноября. — По площади ходитъ въ веселомъ настроеніи дядя

С. и поетъ: „Поѣдемъ нынѣ, о которой годинѣ, скажите менѣ добрыи люди, о которой годинѣ?“ — и говоритъ окружающимъ: „Дядя пѣлъ бы вамъ, но горло просохло, надо его смазать смальцемъ.“ Получивъ 26 геллеровъ отъ кого-то, говоритъ: „Дядя теперъ, пожалуй, и споетъ вамъ, а-лишь смогрѣтъ, нѣтъ ли гдѣнибудъ караульныхъ“. Оглядываясь на всѣ стороны, поетъ и танцуетъ. Всѣ смѣются. Напуганный этимъ громкимъ смѣхомъ, онъ вдругъ останавливается и пуливно озирается на всѣ стороны, не идетъ ли гдѣ караульный солдатъ.

„Жебысте до Галичины поѣхали
И мене вспомняли
Жебысте до Галичины поѣхали
И мене съ собой забрали“.

Говоритъ эти слова, прощаясь съ нами.

День холодный. Кантина для продажи сала открыта. За рѣшеткой продаютъ хлѣбъ и чай. Въ шатрахъ умерло двое людей. Такой холодъ, что весь день приходится ходить въ шинели, а то еще продрогнешь. Обыкновенная каргина барачной жизни, описанная уже нѣсколько разъ.

Знаменіе момента: Среди насъ появились торговцы лукомъ и чеснокомъ, какъ противо-холернымъ средствомъ. Д-ръ Брытъ и Генрикъ Боссовскій торгуютъ чаемъ и сахаромъ. Порція съ сахаромъ стоитъ 6 геллеровъ. Нѣкоторые изъ насъ ѣдятъ хлѣбъ съ саломъ или смальцемъ, которые покупа отъ въ кантинѣ по значительно взвинченной цѣнѣ. Лагерныя власти разрѣшаютъ покупать по небольшому ломтику бочна (кайзерфляйтъ) у

торговца нѣмца, опять таки по баснословно высокой цѣнѣ. Ночью Коломыець съ понатыми производитъ осмотръ всѣхъ и всего, провѣряетъ наличность у всѣхъ заключенныхъ въ баракахъ.

10 ноября. — День солнечный и теплый. Встаю позже обыкновеннаго. Коломыець прочелъ намъ бумагу, по которой 70 человекъ поминенно судъ освободилъ и вскорѣ ихъ пустятъ домой. Слѣдственные власти производятъ допросы интернированныхъ черезъ рѣшетку.

Осматриваемъ картины Ваньки Вербицкаго и онѣ намъ очень нравятся, какъ дѣйствительно вѣрное воспроизведеніе лагерной жизни. Совершаю прогулку по площади въ обществѣ г-жи Сандовичъ и студентовъ.

Врачъ разрѣшилъ намъ ѣсть ветчину, но только больнымъ, каждому больному по 2 небольшихъ ломтика. Заказанная нами ветчина прибыла, и я съ Гоцкимъ дѣлимъ ее между интернированныхъ, за плату. Часто переносимъ зубную боль. Врачи казенные неумѣло рвутъ зубы до того, что послѣ этой операціи все лицо напухаетъ. Мнѣ тоже былъ вырванъ зубъ. Д-ръ Могильницкій изъ Бучача констатировалъ у меня разрывъ десны и кровоточеніе. Въ баракахъ очень много больныхъ, которымъ не даютъ молока. О. Владиміръ Мохнацкій впервые за все время своего интернированія осмѣлился закурить папироску. Одинъ студентъ продаетъ табакъ и бумагу на папиросы. За одинъ листокъ на одну папироску беретъ 6 геллеровъ. Пачку табаку, цѣна которой въ обн-

чное время была всего 13 геллеровъ, продаетъ за 1 крону 60 геллеровъ. Узнаю, что матеріалъ на постройку барака стоитъ 5.000 кронъ. Работа почти ничего не стоила, ибо мы сами строили бараки по приказу властей. Вѣроятно главный мастеръ и его подчиненные, состоящіе на казенной службѣ, что-нибудь и получали изъ казны, но мы обязаны были работать даромъ. Сегодня карауль-нымъ ночью въ бараки нашемъ состоитъ равинъ Брытъ; отъ этой обязанности освобождаются только или старики или же больные.

11 ноября. — Туманъ, около 10 ч. появляется солнце. Иду съ однимъ священникомъ за хлѣбомъ и вижу, что въ шатрахъ еще много — интеллигентовъ. Оять составляю списокъ людей нашего барака. Нашъ дядя ведетъ веселую бесѣду съ барышнями. Нѣкоторыя женщины варятъ гуляшъ изъ копченаго мяса. Скука ужасная.

12 ноября. — Въ 10½ час. утра падаетъ дождь. Выйти нельзя. Сидимъ въ баракахъ и со скуки всѣ варимъ чай, или куримъ. Мыд-лякъ заболѣлъ инфлуэнцой. Въ 4 ч. пополудни 77 „украинцевъ“ выходятъ въ сопровожденіи невооруженныхъ 5 солдатъ изъ лагеря, это тѣ, кого выпустили на волю. Идутъ въ Граць. Многіе изъ насъ сопровождаютъ ихъ до рѣшетки. Въ баракахъ № 8 выпущены на свободу: Шеремета, о. Коренець и Чеснокъ. У нихъ отбираютъ котелки.

13 ноября. — Ясный солнечный и теплый день. Нашъ баракъ долго былъ изолированъ и входъ неживущимъ въ немъ былъ запре-

щенъ. Я караулилъ ночью въ бараки и передъ баракомъ. Встаю въ обыкновенное время и иду съ другими за хлѣбомъ въ ангары, ибо услышалъ, что прибылъ какой-то транспортъ новыхъ интернированныхъ. Увидѣлъ, понятно, издали, о. Хиляка Дмитрія, пароха изъ Избъ, Грибовскаго уѣзда. Слѣдственные власти допрашиваютъ „украинцевъ“. Власти не хотятъ отправлять нашихъ писемъ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній изъ Галичины. Зарождаются предчувствіе великихъ событій.

14 ноября. — Хорошій день. Чувствую сильную боль въ спинѣ. За баракомъ и гимназисты и старшіе занимаются гимнастикой. Вечеромъ видимъ, какъ люди возлѣ полотняныхъ шатровъ жгутъ солону съ шами на кострахъ. Дымъ отъ этихъ костровъ стелется по цѣлому лагерю. Собралъ 6 кронъ 9 геллеровъ на покупку лизоля, какъ дезинфекціоннаго средства. Лизолемъ моемъ руки по нѣсколько разъ въ день.

15 ноября. — Воскресенье. Сумрачно и грязно. Иду съ людьми за хлѣбомъ и завтракомъ. Священники правятъ обѣдню. Стере-гущіе насъ солдаты, пользуясь свободнымъ временемъ, охотятся на зайцевъ въ ближайшемъ лѣсу.

Вечерня. Послѣдній день карантинна. Раздаютъ почту. Священники, развлечения ради, играютъ въ карты. Вчера Д. посорился съ Манькой изъ-за аферы Корнгольда. Маньку переводятъ въ пятый баракъ.

16 ноября. — Приморозокъ. Мои штаны и сапоги пришли въ негодность. Читаю повѣствованіе

„Бриллианты барышни“. Приводятъ два новыхъ транспорта интернированныхъ, одинъ изъ Горлицъ, сопровождаемый преподавателемъ гимназiи Ельяшомъ, какъ комендантомъ транспорта, а другой изъ Кракова. Разрѣшенiе полковника курить явно, вызвало великую радость у курящихъ, которые тотчасъ же воспользовались правомъ, демонстративно куря на открытомъ воздухѣ.

17 ноября, вторникъ. — Врачъ призналъ меня больнымъ и велѣлъ лежать въ теченiе 3 дней. Лежу на соломѣ; народный нашъ поэтъ Федорчика посѣщаетъ меня и читаетъ мнѣ для развлечения свои произведения.

Священникъ о. Кмицикевичъ — Савинъ заболѣлъ инфлуэнцой и лежитъ тоже на соломѣ.

Сегодня врачъ впервые приказалъ натопить желѣзную печку, что вызвало среди насъ восторгъ, ибо часто мы прямо таки замерзали отъ стужи, въ особенно-сти ночью. Всѣ мы собрались кругомъ печки и радуемся, словно дѣти, теплу, распространяемому этой благодѣтельницей. Килограмъ чаю, какъ я узналъ, стоитъ 15 кронъ. Посѣщаютъ меня д-ръ Дм. Собинъ и юристъ Карель Андрей изъ Лося. Говорятъ, чтобы я составилъ списокъ всѣхъ интернированныхъ лемковъ и возобновилъ Горлицкiя записки. Первые мои записки изъ Горлицкой тюрьмы, послѣ разстрѣла православнаго священника о. Максима Сандовича, бросилъ въ терновникъ, опасаясь обыска. (Машакъ и картины Ивана

Вербицкаго). Отецъ Курилло впервые со дня заключенiя курить папиросу.

Власти лагеря приказали впервые наклеивать на письма почтовые марки. Очевидно, до сихъ поръ онѣ бросали наши письма въ мусоръ, не высылая ихъ. Марка на письмо стоитъ уже 35 геллеровъ, а не 25 какъ прежде. Поляки идутъ въ 5-ый баракъ, а свящ. о. Отто, Еднакiй, и учитель Емильянъ Гзивна, вмѣстѣ со многими другими, переходятъ въ нашъ баракъ. Нашъ баракъ переименовали въ 5-ый, а пятый въ первый! Власи лагеря заводятъ новые порядки. Коломыець и Добiя состоятъ ихъ адъютантами. Первый изъ нихъ усердно работаетъ съ утра до поздней ночи.

18 ноября. — День немного солнечный, но вѣтранный. Возлѣ шатра раздають почту. Я выбралъ двухъ изъ нашего барака въ качествѣ надзирателей за исправностью печекъ, за ихъ отвѣстностью. Эти люди вскорѣ прiобрѣли у насъ особое уваженiе, такъ какъ даже само приближенiе любого изъ насъ къ печкѣ отъ нихъ зависитъ.

19 ноября. — Похороны свящ. о. Сандровскаго. День солнечный, но дуетъ холодный вѣтеръ. Распространился слухъ, что 98 „украинцевъ“, выпустятъ на свободу. Свящ. Отто и Еднакiй на паяхъ намѣреваются прiобрѣсти умывальникъ (тазъ). Составляю списокъ лемковъ нашего барака.

20 ноября. — День солнечный, но вѣтранный. Произвожу дезинфекцию нашего барака известью,

посыпая ею дорожки между рядами соломы, на которой мы спали.

21 ноября. — Холодно. Первая „вечерница“ въ 4 баракѣ. Свящ. Дм. Хилякъ переходитъ въ нашъ баракъ.

22 ноября, воскресенье. — День св. Михаила. Первый снѣгъ. Первая обѣдня и вечерня въ нашемъ баракѣ, которыя о. Отто совер-

23 ноября. — Большой снѣгъ. Встрѣчаюсь съ Дм. Вислоцкимъ. За бараками молодежь играетъ въ снѣжки. Раздають нѣсколько паръ рубахъ и одѣялъ въ нашемъ баракѣ.

24 ноября. — Утромъ снѣгъ, нѣсколько позже мелкiй дождь. Иду за завтракомъ. Высылаемъ Могилу, Савицкаго и Шула за углемъ, ибо

Вмѣсто лошадей.

шають себорнѣ со всѣми священниками.

Я состою второй день замѣстителемъ главнаго коменданта барака. Феологъ Орскiй и философъ Перегинець состоятъ надзирателями отдѣленiй въ баракѣ.

Вчера нѣкоторые изъ нашего барака справляли свои именины. Свящ. Дiонисiй Мохнацкiй изъ Мохначки находится въ нашемъ баракѣ. Въ баракѣ № 7 устроена вечерника. Посѣщаю больного о. Нестора Полянскаго.

становится холодно. Власти не хотятъ дать угля, утверждая, что переговоры съ поставщиками (собственно торговцами) угля еще незакончены. Многие, въ ихъ числѣ и я — сильно кашляютъ. Похороны Кобылки Николая.

Власти перевели всѣхъ евреевъ въ 11 баракъ, который потому и получилъ названiе „еврейскаго.“

25 ноября. — Сегодня раздаемъ полученные отъ властей рубахи и

подштанники между людей нашего барака.

26 ноября. — Узнаю, что почти въ каждомъ баракѣ образовался хоръ.

27 ноября. — Много новыхъ людей переходитъ въ нашъ баракъ. Падаеть снѣгъ, но въ общемъ тепло.

28 ноября. — Пришелъ новый транспортъ интернированныхъ, который распредѣляютъ по баракамъ. Въ нашемъ баракѣ есть 200 человекъ, изъ которыхъ нѣкоторые спятъ на сырой землѣ, ибо нѣтъ соломы. Солома, на которой мы спимъ, стерлась и смѣшалась съ грязью.

29 ноября. — Холодно. Вода замерзла. Потомъ потеплѣло. Иду съ людьми къ повару съ ушатомъ за завтракомъ, котораго поваръ старается дать какъ можно меньше. Отправляюся послѣ этого вторично къ повару съ просьбой дать намъ немного угля, ибо въ баракѣ отъ стужи нельзя выдержать, а много больныхъ стонетъ и трясется отъ холода, но пьяный поваръ съ палкой бросился на меня и лишь благодаря его помощнику, русскому, я успѣлъ спастись бѣгствомъ. Мои люди тоже удираютъ, послѣдній изъ нихъ, стоявшій ближайше къ повару получилъ ударъ въ спину палкой, которую поваръ, съ выкрикомъ, отборныхъ ругательствъ, бросилъ ему въ догонку.

Молодежь устраиваетъ хорошее пѣніе въ баракѣ. Она поетъ и лемковскія свѣтскія и церковныя пѣсни. Люди злой воли доносятъ на нее 2 постовымъ, которые сейчасъ послѣшили къ нашему бара-

ку, но намъ удалось уладить этотъ инцидентъ мирнымъ образомъ.

Получилъ открытку отъ Ивана Черкавскаго, преподавателя гимназій въ отставкѣ, который спрашивается про адресъ живущаго теперь во Вѣнѣ Юсифа Гартвига, полковника въ отставкѣ.

30 ноября. Понедѣльникъ. — Въ баракѣ холодно. Власти раздаютъ женщинамъ нѣсколько десятковъ сапогъ и солому. Одному священнику за то, что хотѣлъ взять себѣ, немного соломы, солдатъ палкою перебилъ руку.

Слѣдственные власти допрашиваютъ гимназиста Богдана Кмицикевича. Въ нашемъ баракѣ починаютъ дверь, которую никогда нельзя было плотно закрыть. Мизеракъ чиститъ лампу. Д-ръ Масцюхъ ѣстъ хлѣбъ съ масломъ и, слыша пѣніе, говоритъ: „вотъ лемки поютъ!“ Червинскій просматриваетъ исторію. Одни варятъ чай, другіе же изъ кубиковъ, купленныхъ въ кантинѣ, варятъ гороховый супъ. Нѣкоторые же отогрѣваютъ полбу, воображая себѣ, что она приобрѣтеть лучшій вкусъ.

Кирилловъ, производящій чистку бѣлья, приводитъ его въ порядокъ, совмѣстно со старикомъ Базаромъ. Кто-то изъ крестьянъ просилъ другого остречь его. Гривна съ какимъ-то филологомъ играютъ въ шахматы. Свящ. Отто ѣстъ очень медленно, а о Еднакій молится изъ молитвенника.

Декабрь 1914.

1—2 декабря. — Около 130 человекъ, наши „украинцы“ и по-

ляки, выпущенные на свободу, выѣхали уже не сопровождаемые конвоемъ, въ Граць. Передъ тѣмъ лагерныя власти отобрали у нихъ данные имъ казенные предметы, какъ „менажки“, одѣяла и пр.

Изъ нихъ 10 человекъ, за неимѣніемъ путевого документа, вернулись. Нашъ баракъ получилъ незначительный транспортъ соломы. Выѣхавшіе въ Граць были: Подлускій Владиміръ изъ Перемышля, Посадскій Левъ, о. Крушельницкій, о. Левицкій Августъ и Владиміръ, оо. Охримовичъ, Гродзицкій изъ Зарѣча, юристъ Ладька, Шухевичъ Юліанъ, начальникъ почтоваго отдѣленія въ Ценжковицахъ, Ганкевичъ, завѣдывающій высшимъ начальнымъ училищемъ, д-ръ Назарукъ, редакторъ „Громадского Голоса“, Чиждъ, преподаватель учительской семинаріи, Мыдляръ, почтовый чиновникъ, и др.

3 дек. — Императорскій день. Собираемъ деньги на Красный Крестъ. Я собралъ въ нашемъ баракѣ почти 6 кронъ. Поляки устраиваютъ иллюминацію и украшаютъ свой баракъ флагами. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ петличкѣ ленточки цвѣтовъ флаговъ австрійскаго и польскаго.

Обѣдно совершаетъ соборнѣ съ другими священниками, старшій изъ нихъ о. Дольницкій. Многочисленный хоръ поетъ великолѣпно и приводитъ въ восторгъ присутствующихъ австрійскаго офицера и его солдатъ. Во время пѣнія австрійскаго гимна „Боже буди покровитель“ одинъ изъ солдатъ держалъ въ зубахъ папироску. На обѣдно пришли преимущественно люди

изъ нашего барака, даже старики. Престоль украсилъ зеленью Данилюкъ.

Сегодня выпустили на свободу 8 человекъ, а изъ нашего барака: Галаха и Бабяка. Вечеромъ упалъ почти лондонскій туманъ, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Разсматриваю всеобщую исторію. Врачъ д-ръ Могильницкій констатируетъ у Телищака изъ Криницы воспаленіе легкихъ, а у Жолкевича воспаленіе почекъ.

4 дек. — День довольно теплый. Бѣлградъ занятъ, почему въ Граць ночью на воскресенье открыли побѣдно торжествующую пальбу.

Занятія людей въ баракѣ изо дня въ день почти тѣ же: послѣ завтрака идетъ ловля вшей, сначала осматриваютъ бѣлье, потомъ и платье. Вшей масса. Послѣ этого курятъ или дѣлаютъ папиросы на продажу, затѣмъ ходятъ изъ барака въ баракъ навѣстить своихъ знакомыхъ, собираются кучками и или бесѣдуютъ кой о чемъ, или поютъ, или же играютъ въ разныя игры.

Дорошъ уѣзжаетъ въ Граць. Падаеть сильный дождь. О. Оришкевичъ устроилъ надъ своимъ логовищемъ навѣсъ изъ соломы для охраны отъ дождя. О. Копыстанскій держитъ надъ головой зонтикъ, ибо протекаетъ черезъ крышу. Это дало мнѣ возможность обратитъ вниманіе д-ра на неисправность крыши и просить его о представленіи властямъ рапорта о необходимости починки крыши.

Гимназисты составили группу съ дѣвушками и поютъ. По иници-

тивъ о. В. Курилло въ нашемъ баракѣ впервые совершается вечерня, во время которой многіе плачутъ. Онъ приказалъ сшить епитрахиль изъ сѣраго полотна, на оборотной сторонѣ которой всѣ бывшіе въ лагерѣ священники положили свои подписи въ память талергофскаго лѣна.

5 дек. — Введеніе въ храмъ Пресв. Богородицы. Съ разрѣшенія властей о. Гнатышакъ ѣдетъ въ Граць на операцію. Слѣдственные власти допрашиваютъ Будзиновскаго и многіхъ другихъ. Макаръ, комендантъ, утверждаетъ, что (старики) 60-лѣтніе „украинцы“ должны получать лучшій столъ. Первые пенсіонеры получаютъ эмеритурю. Вечеромъ въ нашемъ баракѣ молодежь поетъ „коляды“. По приказу властей составляемъ списокъ столяровъ, вѣроятно заставятъ ихъ что-то строить.

6 дек. — Утромъ исторія съ Морисомъ из-за ушата.

Постовой солдатъ выстрѣлилъ въ одного человѣка, намѣревающагося перейти за рѣшетку, однако пуля попала не въ этого человѣка, а въ другого, который въ тотъ моментъ молился въ баракѣ № 15. Сейчасъ прибылъ д-ръ Могильницкій и 2 лейтенанта, велѣли взять раненаго въ лазаретъ, гдѣ спустя 2 часа раненый скончался. Его похоронили въ 6 ч. послѣ обѣда.

Изъ нашего барака посланъ былъ на похороны, какъ представитель, Гоцкій. Умершій былъ русскимъ душою.

Власти открываютъ госпиталь. Изъ нашего барака врачъ перево-

дитъ въ госпиталь Зуба и Петришака Антона изъ Криницы, такъ какъ у одного было гнойное а у другого обыкновенное воспаление легкихъ, полученное ими вслѣдствіе нестерпимой стужи, господствующей изъ-за недостатка топлива въ нашемъ баракѣ.

Вечерня, на которой присутствуютъ многіе изъ другихъ барачковъ. Въ баракѣ № 2 столяры дѣлаютъ нары (причи) изъ досокъ. Кулинарное искусство въ нашемъ баракѣ разсраивается, теперь все время царитъ зловоніе отъ пригорѣвшихъ съѣстныхъ припасовъ. Многіе съ вымытыми, но мокрыми носовыми платками стоятъ или сидятъ у печки и сушатъ ихъ, а потомъ пряча въ карманъ сухой носовой платокъ, возвращаются къ своему ложу. Нѣкоторые мастерятъ чемоданчики изъ дерева, получаемаго и покупаемаго за рѣшеткой. Лемко Барна рассказываетъ товарищамъ исторію пріобрѣтенія накидки и сапогъ, многіе осматриваютъ съ нескрываемой завистью эти вещи и разсуждаютъ, что изъ этого плаща можно было бы сдѣлать.

7 дек., воскресенье. — Постовые шатра сдѣлали изъ снѣга чорта къ великой радости дѣтей, которую однако одинъ изъ нихъ омрачилъ словами: „это русскій батюшка, сѣлуйте его“.

Сегодня выдускаютъ „патріарха лагеря“ о. Дольницкаго. Я захожу къ рѣшеткѣ, возлѣ которой собралась значительная толпа интэрнированныхъ, и вижу, за рѣшеткой стоитъ въ черномъ лѣтнемъ пальто и черной поярковой

шляпѣ почтенный старикъ съ 2 котомками въ рукахъ, привѣтливо прощающійся съ провожающими его людьми. Это и есть о. Дольницкій, душа лагеря, поддерживающій въ насъ бодрость духа.

Онъ стоитъ въ снѣгу и печально глядитъ на своихъ и обводитъ глазами весь лагерь, гдѣ пробылъ нѣсколько тяжелыхъ мѣ-

Конвойный солдатъ ведетъ о. Дольницкаго на станцію. Они съ нимъ вышли уже на дорогу. Мы всѣ смотримъ имъ вслѣдъ и видимъ, что солдатъ, замѣтивъ утомленіе о. Дольницкаго, взялъ у него одну изъ котомокъ. Тогда о. Дольницкій еще разъ оборачивается и издали креститъ рукой всѣхъ.

Уборка снѣга.

сяцевъ. Ноги у старика лодкашиваются, видя это, выносимъ скамейку, на которую старикъ садится и тихо бесѣдуетъ съ Коломыйцемъ, но и этотъ стдыхъ его недолго: появляются офицеры и велѣтъ ему идти. Тогда онъ робко поднимается, снимаетъ шляпу и прощается со всѣми, благославляя ихъ словами: Слава Иисусу Христу.—Слава во вѣки — отвѣчаетъ толпа — счастливый путь, дядя, будь здоровъ, до свиданія!—Тысяча шляпъ поднимается въ воздухъ.

Печально смотримъ въ сторону ушедшихъ и каждый въ душѣ винитъ власти, что не подвезли его на станцію лошадьми. Долго стоимъ и смотримъ за удаляющимися отъ насъ, пока густой туманъ не скрываетъ ихъ отъ нашего взора. Съ поникшей головой расходимся, ибо ушла отъ насъ душа лагеря.

8 дек. — Въ 9 ч. утра уѣзжаетъ 11 человѣкъ, а въ 11 часовъ 17 человѣкъ въ Граць. Изъ нашего барака Мужинець и Сколевый. День солнечный и ясный.

9 дек. — Удалось мнѣ получить отъ властей 50 рубахъ, 18 одѣялъ и 35 онучей для нуждающихся въ нашемъ баракѣ. Я покупаю лампы за 4 кроны. Эта первая лампа въ лагерѣ вызвала восторгъ въ нашемъ баракѣ, ибо даетъ возможность читать и писать даже ночью.

10 дек. — Получаю изъ магазина для нашего барака 50 паръ онучей и 30 одѣялъ датскихъ, которые набиты вмѣсто ваты тоненькими обрѣзками бумаги, но толщина одѣялъ незначительна. И такія одѣяла произвели радость, ибо многіе спали въ томъ, въ чемъ ходили.

Передъ обѣдомъ уѣзжаетъ въ Граць на свой счетъ транспортъ изъ 56 человекъ.

Въ 4 часа пополудни скончался въ госпиталѣ св. о. Сприссъ. Немедля отправляюсь въ госпиталь, гдѣ застаю священниковъ, отправляющихъ панихиду по покойномъ. Власти лагеря впервые выдаютъ депозиты людямъ 5-го барака.

11 дек. — Похороны о. Сприсса и 2 другихъ умершихъ. Польскій ксендзъ Замойскій тоже присутствуетъ на похоронахъ. Хоръ, регентомъ котораго является Смоленскій, поетъ соотвѣтственныя русскія пѣсни и одну польскую похоронную пѣсню „Въ могилѣ темной“. Гоцкій — завсегда въ всѣхъ похоронъ. Грязь ужасная. О. Сприссъ похороненъ подъ соснами.

Власти берутъ 4 сотни интернированныхъ на земляныя работы, платя имъ по 20 геллеровъ въ сутки. У комендантовъ бараконъ съ

ними больше хлопотъ, ибо приходится специально для нихъ держать ушаты съ ѣдой.

По приказанію властей дѣлаемъ списокъ больныхъ и калѣкъ и стариковъ, для осмотра и — допроса.

12 дек. — Ужасная грязь на площади и между бараками. Слѣдственныя власти допрашиваютъ Гоцкаго, Гладія и другихъ.

Казенный врачъ далъ распоряженіе комендантамъ бараконъ привести больныхъ, въ госпиталь съ книгой больныхъ, которую я получила отъ Гельмана.

Послѣ вечерни священники играютъ въ „тарока“ а молодежь поетъ сначала коляды, а потомъ и свѣтскія пѣсни. О. Дикій и Гривна присматриваются играющимъ и вставляютъ свои замѣчанія знатоковъ. Н. Копыстанскій пишетъ прошеніе властямъ, о. Мохнацкій Влад. бесѣдуетъ со своими прихожанами. Многіе варятъ чай. Морисъ при печкѣ вѣчно занимается мойкой бѣлья. Печка хорошо грѣетъ, ибо трубочистъ привелъ ее въ порядокъ. Кузминскій, обыватель г. Дор., каменщикъ, рассказываетъ встрѣчному и поперечному, какъ его допрашивалъ аудиторъ (военный судья), и какъ онъ удостоился чести быть позваннымъ первымъ къ судья, въ присутствіи какого-то коменданта барака. Крестьяне слушаютъ его съ любопытствомъ и съ почтеньемъ. Послѣ этого поетъ пискливымъ старческимъ голосомъ: „Миръ вамъ, братья, всѣмъ приносимъ“, а потомъ рассказываетъ крестьянамъ сказки. Онъ — сѣдой старикъ, худощавый, одѣтый въ заплатанное разноцвѣтными кусоч-

ками платье, съ самодѣльнымъ колакомъ изъ разноцвѣтнаго одѣяла. Онъ производитъ впечатлѣніе какого-то восточнаго „мага“.

Наши трубочисты чистятъ всѣ печки въ лагерѣ.

На канунѣ св. Андрея по обыкновенію гадали.

13. дек. — День св. Андрея Первозваннаго. Обѣдня.

Главный комендантъ лагеря приказалъ черезъ комендантовъ бараконъ всѣмъ священникамъ явиться къ нему. Когда у него сбѣжалось нѣсколько сотъ священниковъ, онъ обратился къ нимъ съ требованіемъ повліять на крестьянъ, дабы они работали и въ праздники, мотивируя это тѣмъ, что военное время не признаетъ никакихъ праздниковъ. Священники, выслушавъ его требованіе, разошлись, понуря головы и рѣшивъ не говорить объ этомъ крестьянамъ.

Видно, какъ работники, несмотря на праздникъ, копаютъ на площади въ ужасной грязи. Въ баракѣ собираемъ деньги для уплаты трубочистамъ и на расходы по канцеляріи.

14. дек. — Орскій, д-ръ Масцюхъ, Клецко и Бутринскій должны выйти изъ лагеря въ Граць. Въ лагерѣ подъ управленіемъ офицера сапернаго багаліона производятся дороги между бараконъ; волами навозятъ камни и песокъ, а по бокамъ дороги дѣлаютъ рвы для стока воды. Строятъ при этомъ новые бараки и готовятъ предварительныя работы для проведенія сѣтей электрическаго освѣщенія.

Власти выдаютъ депозиты людямъ и разрѣшаютъ совершать покупки одежды въ Граць черезъ агентовъ.

15 дек. — Продолжаютъ работу около дороги. Сносятъ ограду у бараконъ. Грязь ужасная.

Составляю списокъ обитателей нашего барака. Священникамъ впервые выплачиваютъ жалованіе. Кузминскій, „обыватель и каменщикъ“, заболѣлъ.

Вечеромъ выхожу на площадь покурить и вижу Гоцкаго, держащаго въ одной рукѣ стаканъ чаю, а въ другой папиросу, одновременно и куритъ и пьетъ чай.

За бараками проводятъ дорогу. Съ цѣлью утрамбованія дороги саперный офицеръ, съ помощью сотни человекъ и трехъ паръ воловъ, доставилъ тяжелый трамбовочный валъ, который эти люди съ трудомъ вытащили изъ грязи. Возлѣ кантины проводятъ водопроводы. Гурра назначается комендантомъ отдѣленія барака. Собираю на память подписи всѣхъ живущихъ въ баракѣ.

16 дек. — День теплый. Въ 2 ч. пополудни выходитъ изъ лагеря транспортъ интернированныхъ въ Граць, среди нихъ: Петръ Яворскій — старикъ, который сначала не хотѣлъ ни за что ѣхать, но послѣ раздумья, собралъ вещи, распрощался со всѣми и уѣхалъ.

Въ моемъ баракѣ 212 человекъ, изъ которыхъ много больныхъ, такъ что ежедневно веду по нѣскольку человекъ въ лазаретъ. Вшей такъ много, что не успѣваемъ ихъ уничтожать, солома пропитана и ими и грязью.

Барна и Демчакъ, крестьяне — лемки, у которыхъ бороды значительно отросли, бръютъ другъ друга обыкновеннымъ перочиннымъ ножикомъ и даже общаются даромъ обрить старика Базара, обросшаго на подобіе первобытнаго человѣка. Базаръ лежитъ скорченный на горсточкѣ грязной соломы и, опираясь на руку, недоверчиво глядитъ на нихъ. Одинъ дьякъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, народный учитель, подходитъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и полупшепотомъ вредлагаетъ мнѣ пойти въ одинъ изъ бараконъ на рюмку „сливянки“, которую тому баракону удалось раздобыть.

Впервые удалось мнѣ купить чернилъ и перьевъ; до сихъ поръ я писалъ письма только карандашомъ.

Одинъ изъ священниковъ, съ дьяками и крестьянами, поетъ коляды, вторитъ имъ одинъ народный учитель и, видно, отдался этому пѣнію всей душой. Вдругъ пересталъ пѣть и заплакалъ, крестьяне снимали шляпы и дальше поютъ. У другихъ также появились на глазахъ слезы. Приготавлиющіе супъ сидятъ, понуривъ головы. Старики же, лежа на соломѣ, разговариваютъ со своими сосѣдями. Одинъ желѣзнодорожный чиновникъ ложится спать съ видомъ оскорбленнаго человѣка, ибо Балабанъ сказалъ ему, что у него борода такая, какъ у „москаля“.

17 дек. — Морозъ сковалъ грязь. До обѣда уѣзжаютъ въ Граць: д-ръ Масцюхъ Вас., д-ръ Николай Ив. Антоневиць, Орскій Влад., Сав. Вудзиновскій, Теофиль

Хомицкій и другіе, числомъ 26 человѣкъ. Они прощаются съ нами сердечно, а мы сопровождаемъ ихъ до ограды.

Въ 1-омъ баракѣ заведено электрическое освѣщеніе. Нашъ баракъ солдаты покрываютъ извнѣ папкой. Нѣкоторые изъ насъ приобретаютъ тайкомъ отъ солдатъ обрѣзки папки съ цѣлью подложить ихъ подъ солону, чтобы вода не пропитывала соломы.

Сегодня съ почты прибыло значительное количество посылокъ изъ Галичины съ съѣстными припасами для интернированныхъ.

Я получилъ отъ одного изъ интернированныхъ нашего барака нѣсколько яблокъ. Впервые послѣ долгомѣсячнаго заключенія я, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, ѣлъ яблоки и восхищался ихъ вкусомъ. У о. Еднакаго есть здѣсь одинъ изъ прихожанъ по фамиліи Гаврилюкъ, который ради того, чтобы быть близко своего батюшки, служитъ ему безвозмездно. Это человѣкъ добрый, съ голубыми глазами, весьма преданный своему священнику. Онъ моетъ его бѣлье, чиститъ платье, готовитъ чай и всякую ѣду, стаканы моетъ, протирая пепломъ, сполоскивая водой, и вытираетъ рукавомъ своей дыравой свитки.

18 дек. — Канунъ св. Николая Чудотворца. Угнетенное настроеніе, ибо праздникъ приходится справлять далеко отъ родныхъ.

Въ лазаретъ, въ виду множества больныхъ, прибыли два новыхъ медика и одна сестра милосердія. День почти холодный.

Макаръ, посредникъ между нами а властями лагера, составляетъ списокъ крестьянъ, вызываемыхъ къ допросу. Податной чиновникъ, живущій въ нашемъ баракѣ, рассказываетъ мнѣ, на какихъ основаніяхъ Макаръ составляетъ списокъ допрашиваемыхъ Съ Гоцкимъ назначенъ Борухъ комендантомъ 1 отдѣленія. Власти приказываютъ провести въ нашемъ баракѣ электрическое освѣщеніе.

ромъ Гр. Дѣвушки и гимназисты колядуютъ „Богъ предвѣчный“, а затѣмъ затягиваютъ лемковскія пѣсни. Костовецкій поетъ что-то другое, кажется „Bog się rodzi“, а Котельницкій вторитъ ему. О. Отто старательно поправляетъ свое ложе, чтобы солома не оказалась слишкомъ жесткой и одѣяло его хорошо прикрывало. Жолкевиць молится, со сложенными на груди руками и устремивъ взоръ въ электричес-

Землянки рабочихъ дружинъ.

Уже нѣсколько дней Базаръ боленъ и лежитъ на соломѣ, держа ноги въ мѣшкѣ съ соломою. За котелкомъ съ ѣдой протягиваетъ свою тощую руку и съ жадностью принимаетъ за ѣду. Порой ведетъ бесѣду со своимъ сосѣдомъ Куриловымъ о своей сторонущкѣ. О. Хилякъ Дм. ведетъ уроки съ 2 гимназистами въ темномъ углу барака. Послѣ науки играютъ въ „торока“ съ Гривной и о. Мака-

кую лампу. У печки собралась группа особенно продрогшихъ людей. Морисъ, по обыкновенію, кипятитъ воду на чай, жаритъ картошку и болтаетъ безостановочно со всѣми. Тутъ же о. Игнатій Мохнацкій уже, можетъ быть, съ полчаса силится продѣть нитку въ иголку, но напрасно: то нитка влѣво, а иголка вправо, то на оборотъ. Видя эти безплодныя попытки, Куриловъ подходитъ къ нему

съ помощью и наконецъ дѣло налаживается. Любезно благодаря за содѣйствіе, о. Мохнацкій, съ торжествующимъ видомъ, принимается за шитье.

20 дек., воскресенье. — Борухъ, какъ комендантъ отдѣленія, хозяйничаетъ съ выдающейся энергіей.

Прибыль новый транспортъ интернированныхъ. Въ нашемъ баракѣ помѣстились 3 „украинцевъ“ и одного нѣмца.

Юстинъ Воргачъ, солтысъ изъ Флоринки (лемко), обращается съ просьбой къ Базару дать ему нѣсколько небольшихъ гвоздей (цвяковъ), которые по его мнѣнію должны бы быть у Базара. Больной Базаръ, недовольный тѣмъ, что кто-то нарушаетъ его покой, въ сердцахъ бросаетъ фразу: „чтобъ зубы твои стали цвяками!“ послѣ чего всовываетъ ноги въ мѣшокъ съ соломой и, ложась на спину, закрываетъ глаза, но все таки поочередно открываетъ то одинъ, то другой глазъ, слѣдя за движениями Воргача, какъ бы опасаясь непріязненныхъ съ его стороны дѣйствій. Увидѣвъ же, что Воргачъ надѣваетъ свой кожухъ и выходитъ на дворъ, чтобы покурить, говоритъ: „вотъ, смотрите, Воргачъ не даетъ мнѣ покоя, докучаетъ, хорошо что уже ушелъ“.

Приходятъ 2 юриста и рассказываютъ о новомъ военномъ законѣ. Еврей Мандель, кучерявый, по обыкновенію, читаетъ книгу, лежа на соломѣ. Гоцкій, въ самодѣльной фескѣ на головѣ, со стаканомъ чаю въ одной и папироской въ другой рукѣ, ведетъ диспутъ съ однимъ

священникомъ, о. Дикій, прислушиваясь этому диспуту, гладитъ изрѣдка свою жиденькую бородку и, кивая головой, приговариваетъ. „ну такъ, ну такъ“, и частенько вздыхаетъ. Затѣмъ Гоцкій надѣваетъ длинную овечью шубу и самодѣльные сапоги. Калоши изъ соломы, съ деревянными подошвами, и, въ той же фескѣ, держа стаканъ чаю въ одной, а папиросу въ другой рукѣ, отправляется медленнымъ шагомъ на дворъ гулять, стуча деревянными подошвами своихъ самодѣльныхъ калошъ. Тутъ онъ поочередно подходитъ то къ одному то къ другому изъ своихъ знакомыхъ, а въ лагерѣ почти всѣ знакомы между собой, угощаетъ каждо папироской и жадно спрашиваетъ про новости Собратьихъ такимъ образомъ, утомленнымъ возвращается въ баракъ и съ видимымъ наслажденіемъ передаетъ ихъ намъ. Одѣтый въ теплое плотно прилегающее пальто, о. Гр. Макаръ лежитъ на соломѣ, накрывъ голову каракулевой шапкою и все думаетъ, видно, не веселую думу, но неожиданно для стоящаго возлѣ него сосѣда студента университета, обращается къ нему со словами: „а ты отправилъ на почту открытку къ женѣ?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ,ворачивается и засыпаетъ.

21 дек. — Впервые появились въ баракѣ 2 электрическія лампы. Стало въ немъ свѣтло. Эта новость привела живущихъ въ баракѣ въ восторгъ. Священники тотчасъ же встали и начали служить вечерню. Врачи производятъ прививки противотифозной сыворот-

ки. Послѣ этого одинъ изъ живущихъ въ баракѣ устраиваетъ концертъ. Сначала поетъ изъ оперы „Страшный дворъ“, а потомъ мелочи. Составленъ списокъ пѣсней, распѣваемыхъ во всемъ талергофскомъ лагерѣ.

22 дек. — Простудился гдѣ-то, ибо сапоги мои протекаютъ, а починить ихъ негдѣ. Лежу, какъ и многіе другіе, на соломѣ, въ горячкѣ. Многіе изъ насъ больныхъ на-

а въ третій еще какое-то лекарство.

Солдаты, видя, что въ баракѣ всѣ больны, не берутъ никого на работу. Живущимъ вначале въ шести первыхъ баракахъ прививаютъ противотифозную сыворотку, а затѣмъ во всѣхъ прочихъ баракахъ.

Вечеромъ выпалъ снѣгъ. Борухъ заступаетъ комендантовъ барака, ибо оба они больны.

Зимой передъ баракомъ.

ходятъ даже въ бреду. Лѣкарствъ нѣтъ, а врача видимъ только утромъ и то не больше 15-ти минутъ, его замѣняютъ студенты-медики I, II и III курсовъ, принося лекарство одного типа и пичкая имъ всѣхъ больныхъ, безъ разбора, не принимая во вниманіе характера болѣзни хвораго. И такъ больной глазами получаетъ въ одинъ день аспиринъ, а въ другой каломель,

Власти, замѣтивъ усиливающуюся смертность у интернированныхъ, разрѣшаютъ одному изъ купцовъ Граца продавать интернированнымъ сахаръ, чай и пр. съѣстные продукты.

23 дек. — Лежу и читаю фелетонъ Т. Герцля, ибо, не имѣя сапогъ, не могу ходить. Грязь смѣшалась со снѣгомъ. Изъ Граца прибываетъ братъ Вл. Бачинскаго

и черезъ рѣшетку здороваются съ нимъ и передаетъ ему вещи и письма. Въ нашъ баракъ переводятъ власти изъ Граца 4 людей и налагаютъ на нашъ баракъ 15-дневной карантинъ.

Ухъ, какъ грустно и тяжело жить въ баракѣ!

24 дек. — День теплый. Получаю починенные сапоги, за что уплатилъ 4 кроны, и гуляю по площади. Впервые получаемъ капусту и фасоль, къ которой примѣшано что-то похоее на мясо.

Получаемъ свѣжую солому, что даетъ возможность выбросить гнилую солому и на ея мѣсто положить свѣжую, но не всѣмъ это удается, ибо соломы немного. Барачный сапожникъ изъ интернированныхъ только сегодня получилъ кожу и тотчасъ же принялся за починку сапогъ интернированныхъ. Цыруль и Осмянъ дѣлаютъ деревянные чемоданчики. Подсаднякъ дѣлаетъ небольшіе деревянные кресты съ надписью: „на память изъ Талергофа“. Лемки изъ села Лосье играютъ въ карты, а другіе, лежа на соломѣ, бесѣдуютъ между собою. Базаръ произвелъ сенсацию, ибо постригся и побрился, т. е. снялъ свою густую и длинную бороду, послѣ чего разсѣлся на солому, на мѣшкѣ, и шьетъ. Въ баракѣ продаютъ казенный хлѣбъ по весьма дешевой цѣнѣ, по 20 геллеровъ за булку, ибо деньги нужны на лекарства, кожу и прочее.

Фута и Кузьминскій, сидя возлѣ печки, ведутъ бесѣду о чемъ-то въ душешномъ тонѣ. Бандровскій вновь пишетъ, уже красками, картины изъ талергофской жизни.

Евусякъ, чумакъ занимающийся извозомъ дегтя (мазарь) изъ Лосья, жуя хлѣбъ, въ лежачемъ положеніи, иронически моргаетъ на присутствующихъ.

Интернированные разговариваютъ между собой о событіяхъ войны почти полушопотомъ. Вдругъ приходитъ кто-то и спрашиваетъ у одного изъ разговаривающихъ, не узналъ ли онъ какихъ-нибудь новостей съ театра военныхъ дѣйствій. Спрошенный, не зная въ лицо пришедшаго, отвѣчаетъ, что ничего не знаетъ. За то другой говоритъ пришедшему, что расскажетъ ему и начинаетъ фантазировать, переплетая свои фантазіи общезвѣстными дѣйствительными фактами.

25. дек. — Снѣгъ таетъ, грязь невозможная. Въ сортиръ проложена лишь одна доска, по которой можетъ пройти одинъ человекъ, такъ что встрѣчаясь съ выходящимъ изъ сортира, или самъ же встрѣчный, должны всегда сойти въ грязь. Куртуазія во всемя. Г. гуляетъ въ въ лѣтнемъ плащѣ и съ зонтикомъ, единственнымъ въ лагерѣ.

Латинскій праздникъ Рождества Хр. Получаемъ раньше обыкновеннаго завтракъ и что-то сладкое, но неизвѣстно что: чай или кофе. Въ третій разъ выдаютъ интернированнымъ депозиты. — Нѣкоторые изъ Восточной Галичины записываютъ лемковскія пѣсни. Многіе изъ досокъ и папки устраиваютъ навѣсы надъ головой, ибо крыша протекаетъ. Одному спящему упало нѣсколько капель воды на лицо, онъ срывается съ мѣста, оглядывается безпокойно вокругъ и бѣ-

жить къ тому мѣсту, гдѣ сухо, ложится и засыпаетъ вновь.

26. дек. — День теплый. Собираемъ 5 кронъ на телеграмму Францу-Иосифу и его 3 министрамъ и даемъ деньги о. Евгенію Хиляку изъ 8-го барака. Вѣроятно эта телеграмма останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Во второмъ отдѣленіи официально константированы возвратный тифъ. Это вызываетъ у каждого изъ насъ опасеніе зараженія, но полагаться остается только на волю Божию и отпорность и выносливость своего организма.

Ночью приходитъ транспортъ интернированныхъ поляковъ изъ Кракова. Когда они узнали, что въ лагерѣ тифъ, то пришли въ ужасъ.

Въ баракѣ выдѣлываютъ изъ дерева сапожные гвоздики для ботинокъ. Многіе изъ больныхъ передаютъ словесное завѣщаніе односельчанамъ на случай своей смерти и даютъ имъ наказъ, какъ распорядиться оставшимся послѣ нихъ добромъ.

27. дек. — Воскресенье. Грязь. День почти теплый. Священники совершаютъ обѣдню, а спустя короткое время, вечерню. Одного интернированнаго, который взялъ тайкомъ у повара 10 картошекъ, лагерныя власти наказали 2-часовымъ „anbinden“, при чемъ солдатъ до того сильно затянулъ веревками почти голаго человека, что тотъ, несмотря на то, что наши ухажи-вали за нимъ, прикрыли его своими одѣялами и т. п., не выдержалъ этого наказанія и ночью скончался. Многіе печально смотрятъ на эту жертву, а одинъ гимназистъ силится увѣковѣчить эту картину,

зарисовывая ее на полотнѣ. Голодъ и холодъ донимаютъ насъ все острѣй. О. Еднакій говоритъ, что мы ѣдой талергофской не „напханы“, а только „наляны“ (налиты), ибо поваръ на литръ воды даетъ одну картошку.

Власти свозятъ хлѣбъ, солому, полбу и др. свѣстные припасы лошадыми и волами.

Распространился слухъ, что администрація лагеря намѣрена перевести всѣхъ изъ I. участка въ III., гдѣ господствуетъ тифъ. Опасаясь этого, выбираемъ депугацию къ властямъ, съ просьбой оставить насъ на мѣстахъ. Въ нашемъ баракѣ, по соглашенію съ врачомъ, издано распоряженіе касательно тифа. Врачъ д-ръ Дорикъ прочелъ лекцію о тифѣ и о предохранительныхъ средствахъ. Собираемъ деньги для больныхъ и нищихъ, Я собралъ 5 кронъ 30 геллеровъ и сдалъ ихъ Вл. Венгриновичу. Нѣкоторые студенты изучаютъ французскій языкъ. Дѣяки поютъ коляды.

28. дек. — Главный комендантъ лагеря приказываетъ комендантамъ бараковъ явиться къ нему съ рапортомъ и говорить, что до сихъ поръ насъ власти наказывали плетью, а теперь станутъ прокалывать штыками, ибо вахтеннымъ отдано приказаніе прокалывать штыкомъ всякаго упрямаго или дерзкаго по ихъ мнѣнію интернированнаго. Тоже самое повторяетъ нашъ комисаръ Тымчакъ.

Въ 2 ч. ночи скончался 67-лѣтній крестьянинъ Афанасій Павловскій изъ Галича. Похоронное шествіе сопровождали оо. В. Курилло,

Вл. Венгринович и еще один священник, только до рѣшетки. Дальше запрещено было сопровождать покойника, котораго понесли 4 человекъ изъ нашихъ, сопровождаемые конвойными солдатами, подь сосны. Наконецъ-то Головка получаетъ кожу и съ усердіемъ принимается за починку сапогъ. Жаркая ссора изъ-за лампы съ наблюдающимъ за ея исправностью. Раздаютъ впервые жалованіе преподавателямъ гимназій. О. Вас. Курилло заказываетъ очки, ибо глаза его ослабѣли вслѣдствіе сырости и др. лагерныхъ причинъ.

29. дек. — Сегодня раннимъ утромъ одинъ изъ больныхъ, почти въ бреду, взялъ котелокъ и пошелъ къ рѣшеткѣ за водой, ворота были открыты. Поставой солдатъ вѣроятно крикнулъ ему „стой“ (halt), но онъ, сонный, не слышалъ окрика и шелъ дальше, тогда солдатъ выстрѣлил и ранилъ его, при чемъ ранилъ вторымъ выстрѣломъ другого, который побѣжалъ за первымъ, чтобы его вернуть. Раненыхъ тотчасъ же отвели въ лазаретъ. Распространился слухъ, что въ лагерѣ воскресъ мертвецъ.

Это, вѣроятно, былъ больной, который находится въ легкомъ летаргическомъ снѣ. Прибывшій медикъ, констатировалъ смерть вѣлѣлъ похоронить его. Мнимаго покойника, положили въ гробъ, въ дѣйствительности въ ящикъ, въ которомъ обыкновенно доставляютъ въ Галичинъ яйца, забили крышку и понесли „къ соснамъ“, въ боковыхъ воротахъ рѣшетки одинъ изъ несущихъ покойника спотыкнулся, чѣмъ вызвалъ сострашеніе ящика;

почти тотчасъ же, внутри ящика, послышался стукъ, несущіе, въ испугъ, опустили ящикъ и стали отбивать крышку. Лежащій въ ящикѣ пошевелинулся и даже открылъ глаза, тогда вынули его изъ ящика и повели обратно въ лазаретъ. Поставой же солдатъ донесъ властямъ, что мертвецъ воскресъ.

Весьма возможно, что проверка факта смерти производилась медиками небрежно, только для виду. Такой медикъ тыкалъ предполагаемаго мертвеца палкой въ разныя мѣста тѣла и, если тотъ не шевелился, признавалъ его мертвымъ, хотя тотъ могъ находиться въ летаргическомъ снѣ. Что же касается трехдневнаго срока для похоронъ, то его не придерживаются изъ-за эпидеміи тифа. Въ виду этого могло быть и больше такихъ случаевъ, когда мы по приказанію властей хоронили своихъ товарищей въ летаргическомъ снѣ, сами не зная этого. Только случай съ мнимо воскресшимъ открылъ намъ глаза на эту полную ужаса возможность.

Гура и Сулятицкій сушатъ бѣлье у печки. О. Оришневичъ, смотря въ маленькое зеркальце, тщательно расчесываетъ свою бороду. Дьяки и псаломщики ищутъ старательно въ молитвенникѣ тропари и кондаки къ ближайшему празднику.

Крыша нашего барака до того покрылась дырами, что вода во время дождя льется струями на наши головы.

Власти приказали намъ составить списки всѣхъ неграмотныхъ

и учителей, не объявивъ цѣли этихъ списковъ.

Заика мальчикъ, Павелъ Мизеракъ, рассказываетъ о домѣ своего прежняго хозяина. Лѣсникъ Крайнякъ (лемко) съдой старикъ, худощавый, съ длинными усами и бородой, человекъ нрава тихаго, съ болѣзненнымъ видомъ лица, небольшого роста, разговариваетъ со своимъ сосѣдомъ о томъ, какъ теперь проводятъ время зайцы и серны,

сильный туманъ. Фельдфебель приказываетъ всѣмъ намъ выйти на площадь и строиться въ ряды, послѣ чего проверяетъ нашу численность, дабы убѣдиться, не удралъ ли кто изъ насъ, но всѣ оказались налицо.

Изъ „семеинаго барака“ переводятъ часть людей въ бараки III участка. Главный комендантъ лагеря издаетъ новыя распоряженія по лагерю и приказываетъ подчинить

Борьба съ „внутреннимъ“ врагомъ.

на Лемковщинѣ, послѣ этого выказываетъ мнѣніе, что лучше всего живется на свѣтѣ кошкѣ, ибо она всегда найдетъ мышку, а убить кошку не такъ легко, а онъ врядъли доживетъ до освобожденія изъ плѣна и возвращенія домой, и скорѣй же придется лежать „подъ соснами“. Послѣ чего поворачивается и засыпаетъ.

30. дек. — День солнечный и въ общемъ хорошій, вечеромъ

ся имъ съ 1-го января 1915 года. Вслѣдствіе весьма сильнаго тумана никто не выходитъ изъ баракозъ О. Зацерковный поетъ нѣкоторыя выдержки изъ оперъ „Лознгринъ“, „Гальки“ Монюшки и „Страшнаго Двора“; пріятный тембръ его голоса трогаетъ всѣхъ, даже больные приподымаются и слушаютъ его пѣніе съ видимымъ удовольствіемъ. Послѣ этого присоединяется къ нему Каз. Червинскій и по-

еть съ нимъ коломыйки и краковьяки.

31. дек. — Афера Д., коменданта III участка, и другихъ интернированныхъ. Говорятъ что онъ еще какъ комендантъ ангара, уже присваивалъ себѣ много вещей, которыя власти присылали для интернированныхъ, билъ сильно послѣднихъ и вообще обходясь съ ними жестоко, старался нажить на ихъ счетъ. Предпринятая у него ревизія дала уличающіе его доводы. У него нашли много одѣялъ, бѣлья, сапогъ и др. вещей. Всѣхъ виновныхъ арестовали, посадили въ тюрьму въ Грацѣ. Это было для насъ маленькимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, ибо впервые лицо, имѣвшее власть надъ жителями ангара, понесло вѣроятно заслуженное наказаніе. (Точнѣе узнать бы можно изъ уголовныхъ актовъ въ судѣ въ Грацѣ). Въ баракахъ III участка есть по нѣскольку комнатъ съ печками, тогда какъ у насъ баракъ представляетъ одну длинную комнату съ 2 печками. Недалеко отъ бараконъ III участка стоитъ церковь съ 2 престолами. Если бы не то обстоятельство, что вблизи III участка находится тифозный баракъ, жить въ баракахъ III участка многіе согласились бы, въ виду ихъ большаго удобства. Немного подальше виднѣется арестный баракъ, баня и землянки.

Власти разрѣшаютъ чтеніе польскихъ и нѣмецкихъ газетъ.

1915 годъ.

1. января. Латинскій новый годъ. Харчи сегодня даютъ лучше и 2 раза въ день кофе. День

теплый. Беру съ собою 13 человекъ, не имѣющихъ одежды, и иду съ ними къ фельдфебелю Новаку, завѣдывающему магазиномъ съ одеждой. Къ радости неизреченной приведенныхъ мною, всѣ они получили по платью, благодаря только хорошему настроенію фельдфебеля. О. Курилло покупаетъ въ Грацѣ черезъ агента шахматы. Вотъ цѣна денегъ: Зелесу упала 10-геллеровка въ солому; ставъ на колѣни, онъ шаритъ рукой въ солому, раздвигая ее, но все безрезультатно. Лобъ его поморщился, лицо приняло напряженное выраженіе, все ищетъ, все глубже раздвигая солому, наконецъ видно, какъ лицо его проясняется, онъ вынимаетъ платокъ, давно не видѣвшій мыла и отираетъ потъ съ чела. Ока зывается 10 галлеровъ были неподалеку отъ доски. Схвативъ ихъ, онъ, завязываетъ эту монету въ платокъ и сорвавшись съ мѣста почти бѣгомъ направляется въ лавку съ съѣстными припасами.

3. января. — Послѣ обѣда у палъ до того сильный и густой туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Въ 2 ч. пополудни уже начинаетъ пробиваться сквозь туманъ солнце. Врачъ (медикъ) уменьшилъ число порцій бульона, выдаваемого по рецепту больнымъ, до нѣсколькихъ порцій на весь баракъ.

Интернированнымъ выдаютъ только заказныя письма. Вотъ обычная картина: Базаръ спитъ прикрытый съ головой датскимъ одѣяломъ, но ноги его торчатъ изъ подъ одѣяла голыя. Одѣяло это онъ старается держать въ возможной чистотѣ, выбивая ежедневно

изъ него пыль передъ бараконъ. Русинякъ, изъ Верхомли, сидитъ на деревянной скамейкѣ, понуривъ голову, печальную думаетъ думу.

4. янв. — Грязь. Кузьминскаго и Моруса переводитъ комендантъ участка въ 8-ой баракъ. Кузьминскій сначала объявилъ намъ, что онъ не пойдетъ, ибо если его перевелъ въ баракъ солдатъ, то и солдатъ его долженъ отвести въ другой баракъ, но послѣ соображивъ, что сказалъ чепуху, говоритъ, „а что будетъ, если пойдетъ солдатъ и еще чего доброго изрядно поколотитъ, ужъ лучше пойду, по доброй волѣ“ — и пошелъ.

Власти объявили списокъ лицъ, которые должны явиться за дорожными (легитимациями) документами. Можно себѣ представить радость тѣхъ, чьи фамилии были прочтены, ибо это означало свободу. 6-ой баракъ изолированъ, ибо въ немъ появились заразительныя (эпидемическія) болѣзни. Всѣ съ понятнымъ трепетомъ проходятъ мимо 6-го барака и читаютъ надпись „заразительныя болѣзни“. Женщины молятся, подходя къ кресту, и цѣлуютъ его, нѣкоторыя же плачутъ.

О. Сѣлецкій Алек., „бояринъ“ изъ Дошницы, стоя у окошка кантины въ хвостѣ за молокомъ, въ тотъ самый моментъ, когда дошла до него очередь получить часть стакана молока и уплатить за него, неожиданно покачнулся и упалъ, и подняли мы уже мертвеца. Эта мгновенная смерть, въ связи съ появившимися заразительными болѣзнями и большой смертностью, подѣйствовала на насъ крайне удручающе. Распространился слухъ, что

село Криница возлѣ Н. Санча сожжена.

5. янв. — День пріятный, хотя и свѣжо. Въ 2 ч. пополудни состоялись похороны о. Сѣлецкаго при большомъ скопленіи народа. Въ открытомъ гробу, купленномъ въ Грацѣ, вижу покойника, блѣднаго, со склоненной на бокъ головой. Хоронятъ его: оо. Вл. Венгриновичъ, Вас. Курилло, Мих. Вербицкій и др. Хоръ поетъ превосходно. Чтеніе евангелія о. Венгриновичемъ произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

По сегодня, какъ мнѣ извѣстно, похоронено въ Талергофѣ 250 человекъ. Шатры, возлѣ сосноваго лѣса уничтожены и только кучи грязи, угля и соломы, пропитанной вшами, свидѣтельствуютъ, что тамъ недавно жили и страдали тысячи людей.

Веду больныхъ своего барака въ амбулаторію и вижу, какъ несутъ изъ какого-то барака въ лазаретъ тифознаго больного. Караулъ I участка, въ виду распространенія заразныхъ болѣзней, удраля изъ шатровъ, которые стоятъ разваленные. Кантины облегли интернированные и стараются купить что только удастся, запасаясь съѣстными припасами, ибо предвидится возможность изолировки бараконъ, а тогда не будетъ возможности выйти изъ барака за покупкой.

6. янв. — Канунъ Рождества Хр. по старому стилю. Павелъ Святковскій, войтъ гмины Мохначки, (лемко), въ 4 ч. утра подрѣзалъ себѣ лѣвую сторону горла ножомъ почти на 2 пальца вглубь, ибо ему снилось, что австрійцы

хотятъ его разстрѣлять, думая въ горячкѣ, что лучше самому покончить съ собой. Разбудивъ сосѣда Ждыняка, просилъ его призвать священника. О. Зацерковный исповѣдалъ его, не зная сначала, что такое съ нимъ случилось. Кирилловъ, слыша стонъ Святковского, спросилъ его, что съ нимъ, получивъ отвѣтъ, что тотъ подрѣзался, разбудилъ меня. Узнавъ въ чемъ дѣло, я призвалъ врача нашего барака, д-ра Дорика, который сдѣлалъ предварительныя перевязки. На утро я повелъ Святковского въ лазаретъ.

7 янв. Власти прислали нашему бараку транспортъ бѣлья для раздачи. На обѣдъ, ради праздника, раздаютъ макароны съ какимъ-то постнымъ масломъ. Священники совершаютъ литію, послѣ чего раздаютъ: вино, просфоры и кутью. О. Отто держитъ рѣчь, всѣ мы, безъ различія партіи и народности, желаемъ другъ другу всего наилучшаго. Поемъ въ радостномъ настроеніи коляды. Павелъ Посацкій, завѣдывающій начальнымъ училищемъ въ Подбережѣ, возлѣ Станиславова, благодаритъ священниковъ и Гоцкаго за устроенное торжество по случаю праздника Рож. Христова, на что ему оговѣтилъ рѣчью Гоцкій. На ужинъ получаемъ кофе, молочную бѣлую булку и яблоки.

Комиссаръ Тымчакъ приказываетъ людямъ нашего барака обслуживать 1, 2 и 6 бараки закрытые по причинѣ карантина. Назначаемъ для обслуживания тифозныхъ бараконъ: поляковъ, нѣмцевъ и чеховъ нашего барака, а то изъ-за

того, что они не празднуютъ теперь. Вечеромъ стоятъ нѣкоторые люди съ протянутыми вверхъ руками, какъ бы въ молитвенной позѣ, но не всѣ въ дѣйствительности молятся. Солнышко сквозь открытыя окна проникаетъ въ баракъ, освѣщая его внутренность и звуки торжественной молитвенной пѣсни — несутся ввысь. Послѣ кофе хоръ дѣвушекъ поетъ коляды, при чемъ голоса: Евы Соболевской и Анны Масляной выдаются среди другихъ особенно мило; наша молодежь, сдѣлавъ лошадей и переодѣвшись въ еврейскіе костюмы, стала колядовать среди бараконъ, пока караульные не прогнали ее. За колядующими шла дѣтвора съ кружками въ рукахъ. Сегодня, по приказанію полковника, лагерныя власти не начинаютъ уніатовъ и православныхъ на работы.

8. янв. — У Святковского, подъ вліяніемъ болѣзни, появилась манія преслѣдованія и склонность къ самоубійству, онъ, находясь въ больницѣ, прокололъ себя шиломъ. Эта ненормальность его вызвала со стороны властей приказаніе слѣдить за каждымъ его шагомъ. Къ нему приставленъ спеціальнѣйшій сторожъ. Узнавъ о томъ, что онъ прокололъ себя шиломъ, мы пришли къ нему и уговаривали его не покушаться на свою жизнь, а сохранить ее для возвращенія въ родныя мѣста.

Видимъ, что за рѣшеткой, подымается вверхъ австрійскій самолетъ.

9. янв. — Венгерскіе солдаты везутъ на тѣлѣгахъ испорченныя самолеты, вѣроятно для починки, и

покутъ при этомъ венгерскія (военныя) пѣсни.

10. янв. — Грязь. Гуляемъ по доскамъ за сортиромъ возлѣ рѣшетки и покуриваемъ папиросы. Послѣдніе дни отъ бездѣлья, ходимъ спать раньше обыкновеннаго.

Вчера проводили мы заболѣваго тифомъ Петра Домбровецкаго въ 20-ый баракъ. Полеты самолетовъ за рѣшеткой совершаются постоянно. Нѣкоторые изъ насъ

Одинъ старый дьякъ, собравъ вокругъ себя кучку людей, учитъ ихъ пѣть какую-то коляду, размахивая при этомъ рукой и моргая бровью и въ тактъ потупывая ногой. Такъ какъ пѣвчіе сначала поютъ довольно тихо, то слышится издали только пристукиваніе ногой, но затѣмъ пѣвчіе овладѣваютъ мотивомъ и вдругъ раздается громкое дружное пѣніе коляды.

Сожженіе „живой“ соломы.

отъ бездѣлья выходятъ изъ бараконъ и цѣлыми часами слѣдятъ полетъ аэроплановъ, высказывая свои взгляды на аэротехнику. Госпиталь получаетъ транспортъ датскихъ одѣялъ и бѣлья для больныхъ.

Одни въ баракѣ выдѣлываютъ изъ дерева табакерки, папиросницы и скамейки, другіе же моютъ бѣлье, а иные составляютъ списки пѣсенъ, или же ведутъ дневники жизни въ лагерѣ.

О. Дикій задумчиво бродитъ между рядами соломы; хоть тѣломъ онъ съ нами, но всѣми своими помыслами и душой онъ въ родныхъ мѣстахъ. Костовецкій же моетъ ушатъ и поетъ: „Христосъ родился, Богъ воплотился“ и „Дивная новина“. Нотаріальный депендентъ Любомиръ Качмарчикъ, отъ скуки и тоски, не находитъ себѣ покоя.

Отъ бездѣлья затѣяли дурацкую „игру въ войта“. Посыпались наконецъ разныя остроумныя за-

мѣчания и шутки и такимъ образомъ коротаемъ время.

13. янв. — Дни вѣтренные и холодные, люди торчатъ въ баракахъ, ибо холодно. Комиссаръ издаеть почему-то запрещеніе читать газеты подѣ строжайшей отвѣтственностью. У многихъ изъ насъ пальцы у рукъ и ногъ отморожены. Въ амбулаторію перестали принимать больныхъ за отсутствіемъ свободнаго мѣста.

Въ изолированномъ баракѣ № 1, умеръ вечеромъ одинъ народный учитель.

14. янв. — Русскій Новый Годъ и праздникъ Василия Валикаго. Даже начальство отнеслось, повидимому, къ этому празднику съ уваженіемъ, ибо даютъ намъ на завтракъ кофе и на ужинъ чай.

Политическій комиссаръ издаеть распоряженіе содержать площадь въ чистотѣ и порядкѣ. Народнымъ учителямъ раздають жалованіе.

15. янв. — День хорошій. Аэропланы поднимаются вверхъ возлѣ лагеря, къ удовольствію смотрящихъ на ихъ полетъ жителей лагеря.

Въ 5 ч. пополудни состоялись похороны О. Юсифа Д. Черкаскаго. На нашъ баракъ пришлось 34 датскихъ одѣяль, которые и розданы неимущимъ. Дезинфекцируютъ нашъ баракъ известью.

16. янв. — Изъ нашего барака идутъ нѣкоторые купаться. Одинъ человекъ получилъ кровотеченіе; иду съ народнымъ учителемъ Богачикомъ искать медика и чуть-чуть не былъ я проколотъ постовымъ, который не только не хо-

тѣлъ меня пустить за рѣшетку, но даже отказался извѣстить медика, и только бѣгствомъ спасся, а болной до того истекъ кровью, что къ вечеру скончался. Власти сгоняють людей здоровыхъ подбирать и ссыпать въ кучи картофель, купленный ими въ значительномъ запасѣ, и покрывать его землей для предохраненія отъ холода. Въ госпиталь подѣ лѣсомъ скончался тифозный больной Джугало.

Въ баракѣ № 1, страшно свирѣпствуетъ гифъ, уже 20 больныхъ тифомъ перенесены въ лазаретъ. По причинѣ тифа закрытъ баракъ № 3. Собираемъ деньги подѣ баракомъ для вдовы С. Осматриваемъ картины изъ жизни Талергофа, писанная Бандровскимъ. Столяры подготавлиють подсвѣчникъ къ празднику Богоявленію.

17. янв. — Ночью умерло 15 человекъ. Власти превратили въ спѣшномъ порядкѣ баракъ № 12, въ госпиталь, ибо нехватаетъ мѣста въ существующихъ лазаретахъ.

Больного Кашана перевозжу въ лазаретъ. Если болѣзни будутъ такъ распространяться, то все равно, нашъ баракъ станетъ лазаретомъ.

Ввиду того, что почти во всѣхъ баракахъ нѣтъ здоровыхъ, за исключеніемъ нашего, власти назначаютъ людей на работу почти исключительно изъ нашего барака по 170 человекъ ежедневно.

Изъ-за все новыхъ трудностей и осложненій Перегинецъ отказывается отъ обязанности раздавать харчи въ нашемъ баракѣ и эту обязанность беретъ на себя Гура. Отъ врача получаемъ керосинъ,

которымъ мажемъ себя, какъ предохранительнымъ средствомъ, противъ заразы.

Въ лагерь доставили два вагона соломы. Новый врачъ д-ръ Полякъ заводитъ новые порядки, касательно соломы, купанья и проч., но всѣ больные скептически относятся къ его распоряженіямъ.

Одинъ преподаватель гимназій, съ цѣлью заработать, читаетъ всѣ попадающіяся ему въ руки газеты, а нужно признать, что онъ ухитряется всегда раздобыть по нѣсколькимъ газетъ, и за деньги сообщаетъ газетныя новости. За это прозвали его „ходячей газетой“.

17. янв. — По распоряженію врача, отправляемся въ баню, партиями купаться, помѣщающуюся въ одномъ изъ бараконъ, гдѣ есть даже бассейнъ съ теплой водой. Въ банѣ было такъ жарко, что нѣкоторые изъ насъ лишились чувствъ; ими занялась сестра милосердія, старающаяся привести ихъ въ чувство.

На Иорданъ наши священники посвящаютъ воду. Куликъ съ Борухомъ раздають на обѣдъ мелкую крупу (грисикъ) съ макаронамъ.

Власти загоняють людей прямо изъ бани на работу, расчищать снѣгъ между бараками, несмотря на то, что снѣгъ валитъ комьями и тотчасъ засыпываетъ расчищенное мѣсто. На эту работу взяли также больного Михаила Русиняка, который покорно поплелся. Я обратилъ вниманіе постового, что эта работа, пока падаетъ снѣгъ, не имѣетъ смысла, на что получилъ отвѣтъ: „приказъ есть приказъ“.

Снѣгъ падалъ весь вечеръ и всю ночь.

Въ теченіе дня умерло 23 человекъ въ лагерѣ. Д-ръ Майеръ тоже умеръ. Взаправду „Отецъ зачумленныхъ“ Словацкаго является только тѣнью по своимъ страданіямъ въ сопоставленіи съ тѣмъ, что мы здѣсь переживаемъ.

18. янв. — Дуетъ холодный вѣтеръ. Освященіе воды вышло величаво. Дѣяки поютъ хорошо. Послѣ обѣда служатъ вечерню. Я все время лежу на соломѣ подѣ одѣяломъ, ибо очень зябну.

Борухъ отказывается отъ своихъ обязанностей коменданта отдѣленія. Вечеромъ вышла процессія съ 12 гробами „подѣ сосны“, этотъ видъ производитъ удручающее впечатлѣніе и вызываетъ тревожное настроеніе у жителей I участка.

Списокъ интернированныхъ нашего барака представляется такъ:

I отдѣлъ: Илья Чижъ, Афанасій Мыдьякъ, Юсифъ Фольварковъ, чиновникъ почтовый, изъ Каменя, уѣзда Ниско, крестьянинъ Василій Шуликъ, сапожникъ Михаилъ Билякъ, Георгій Ватыликъ, стѣянинъ, работникъ Иванъ Склинаръ, портной Эрнестъ Вейсъ (нѣмецъ), столяръ Иванъ Новакъ, переплетчикъ Василій Колодій, Василій Гладіо, чиновникъ изъ Закличина, Василій Тытыкъ, Владиміръ Гоцкій, начальникъ податного участка въ Закрычинѣ, Василій Бабякъ, Михаилъ Галахъ, Михаилъ Данилюкъ, офиціалъ суда въ Закличинѣ, возлѣ Бжеска; Михаилъ Мельникъ, мясникъ, Юсифъ Муринецъ, строительный предприниматель, Иванъ Мельникъ, мясникъ, Людомыръ Киѣлевскій, чин. почт., изъ Жабна; Юсифъ Ванчикъ, канцеляристъ изъ Закличина.

II. отдѣлъ барака: Юсифъ Поповичъ, Илья Блищакъ, дѣякъ изъ Нижанковецъ, уѣздъ Перемышль; Максимъ Головка, сапожникъ; Константи́нъ Осмакъ, мулярь;

Семень Тымочко, рабочій; Иванъ Середа Степанъ Качмарь, крестьянинъ; Григорій Старко, крестьянинъ; Максимъ Цыруль, столяръ; Василій Федакъ, Василій Бакала, мясникъ; Ѳома и Ѳеодоръ Мелещакъ, крестьяне; Василій и Иванъ Лись, Игнатій Ксьендзикъ, крестьянинъ; Иванъ Папирникъ, муляръ; Михаилъ Савула, рабочій-

III. отдѣлъ: Даниль Милюко, Дорофей Витовичъ, рабочій; Иванъ Балашъ, Даниль Зелесь, оба рабочіе; Григорій Маликъ, крестьянинъ; Онуфрій Репко, Григорій Кошка; дякъ Николай Сенюра; крестьяне: Николай Салдинъ и Иванъ Хархалисъ; Онуфрій Роботницкій, Ѳеодоръ Совичъ, Василій Гирный, Михаилъ Богущкій, Софронъ Шалай; страж при жел. дорогѣ, рабочіе: Михаилъ Галиста; Юрій Банашъ, Николай Бенъко; крестьяне: Иванъ (отецъ) и Михаилъ (сынъ) Школьники.

IV. отдѣлъ: Лейба Вольфъ, Василій и Иванъ Иваничка; столяръ Ѳеодоръ Петрышакъ; муляръ Иванъ Попельчукъ; рабочіе: Петръ Кузьмакъ, Ѳеодоръ Папачъ, Лука Пласкунь, Юрій Стеранка, Михаилъ Мастюкъ; крестьяне: Андрей Гарбера, Василій Мадей, Антонъ Кузьминскій, Яворскій Петръ, Стефанъ Салыжинъ, Василій Сукиацкій, Ѳеодоръ Зубъ, Василій Фута.

V. отдѣлъ: Романъ Жолкевичъ, богословъ въ Завишахъ, уѣздъ Сокаль, Илья Гаврилишинъ, юристъ; Петръ Клоцко, учитель; Эмилианъ Гривна, учитель изъ Маластова; о. Іоаннъ Златоустъ Отто; о. Михаилъ Еднакій, изъ Нагуевичъ; о. Влаа. Мохнацкій изъ Гирной; о. Василій Ѳеод. Курилло изъ Флоринки, Ѳеофилъ Вас. Курилло, коммерсантъ и юристъ изъ Флоринки; о. Савинъ Кмицкевичъ Богданъ Кмицкевичъ гимназистъ; Михаилъ Максимчакъ, гимн. изъ Флоринки; о. Григорій Макарь изъ Угерейца минеральныхъ; Владиміръ Савиновичъ Будзиновскій, препода. гимнази; о. Романъ Копыстанскій; о. Владиміръ Бачинскій и его сынъ Іосифъ, гимназистъ.

VI. отдѣлъ: Павелъ Мизеракъ рабочій и его сынъ Іосифъ; крестьяне: Коирадъ Ждынякъ, Павелъ Святковскій,

войтъ; Илько Трушь, Ѳеодоръ Базаръ, извожикъ; Бренья Лука; крестьяне: Григ. Дець, Павелъ Барна, Дмитрій и Іосифъ Демчакъ, Иванъ Репакъ, Андрей Ващишинъ Иванъ Войтко, Федо Гаврилюкъ, Иванъ Малкошь, торговщикъ Олекса Подсаднюкъ, лѣсной сторожъ.

VII. отдѣлъ: Стефанъ Муранецъ, столяръ; Петрашъ Прокопъ, столяръ; крестьяне: Афанасій Павловскій, Николай Евусякъ, Михаилъ Руссинякъ изъ Вехомли великой; Иванъ Мазуръ, учитель; Іосифъ Звѣрикъ, учит. семинари; Василій Базилевичъ, крестьянинъ; Максимъ Карпякъ, портной изъ Климковки, уѣздъ горлицкій; Кондратъ, Хомякъ крестьянинъ Иванъ Генни; рабочій Юстинъ Вергачъ изъ Флоринки; Дмитрій Юречко изъ Н. Санча; Иванъ Носекъ, рудокопъ; Патроникъ Іосифъ, Тимофей Букеда, Асафатъ Крайнякъ лѣсной сторожъ; крестьянинъ Иванъ Урбанъ.

VIII. отдѣлъ: Петръ Вербенець, Ив. Максимовичъ, нар. учитель; Михаилъ Перегинець, философъ вѣнскаго университета; Антоній Петрышакъ, Іосифъ Копыстанскій, эмер. вахмистръ жанд : Михаилъ Телищакъ, Онуфрій Нестеракъ, эмер. нар. учитель; Мих. Ѳ. Нестеракъ, гимназистъ; Владиміръ Нестеракъ, дѣловодчикъ; Павелъ Бандровскій, гимназистъ; Александръ Телехъ, гимназистъ изъ Лосья; Іосифъ Урбанъ, гимн.; Петръ Брунарскій, Илія Сенько, Дм. Дзядикъ; — крестьяне: Іосифъ Грыбень, банковый служащій; Вас. Сулима, сапожникъ; Семень Гриньчукъ, рабочій и Ѳеодоръ Савицкій.

Кромѣ выше упомянутыхъ, пребывали еще въ нашемъ баракѣ, нѣкоторое время:

Григорій Волкъ, Ѳаддей Коригольдъ, Артуръ Попель, Іосифъ Уейскій, Францъ Іосефатъ о. Алекс. Полянскій, Семень Ждынякъ, Іоаннъ Томаль, Викторъ Тенча, Мих. Кириловъ, Антонъ Готфреми, Якимъ Кирпакъ, Лесько Пилипчакъ, Евстахій Балабанъ, Онуфрій Орскій, богословъ; Евстахій Вильчинскій, богословъ; Ѳома Крехо, Францъ Тухъ, (который работалъ въ кухнѣ); Людвикъ Могила, Мафей Маньеръ, книгопродавецъ; Мечиславъ Крейсъ, помѣщикъ; Войтехъ Боровичъ, Андрей Шеремета, Владиславъ и

Вацлавъ Родовичъ, Илія Мовчко изъ Н. Санча; Іоаннъ Сехурскій, Корнилій Левицкій, Антонъ Сулятицкій, Захарій Ставискій, промышленникъ изъ Снѣтницы; Д-ръ О. Мастюхъ, Любоміръ Качмарчикъ, депедентъ иотаріальный въ Снѣтинѣ; о. Ѳеофилъ Качмарчикъ изъ Бѣлцаревой, Максимилянъ Дьячукъ, Генрихъ Боссовскій изъ Ценжковицъ; д-ръ Романъ Ѳ. Дорикъ, врачъ; о. Ѳеодоръ Дорикъ изъ Ветлина; Григ. Старко, Александръ Настазы, Рожнецкій, Владиміръ Качмарчикъ, юристъ изъ Бѣлцаревой, Михаилъ Остапокъ, Людвикъ, Гербець, Авраамъ Бломенрейхъ, Мельникъ, Заход-

въ лавкѣ, вообще многіе кучками по 2 и по 3 челоуѣка стоятъ или гуляютъ, живо разговаривая.

Кучка крестьянъ окружила костеръ, который поддерживаемъ кучками уворованной доски. Пламя костра то потухаетъ, то вновь вспыхиваетъ ярко.

Хотя постовымъ запрещено было держать газеты, все таки они ухитряются раздобывать эти газеты, ибо продаютъ ихъ намъ по цѣ-

Дезинфекція бараконъ.

никъ, Драганъ, Грейфъ, о. Дм. Хилякъ изъ Избѣ, Іосифъ Поруцѣдло, дякъ изъ Мохначки нижней — хороший пѣвецъ, М. Назаркевичъ, учитель гимназ. изъ Львова; о. Игнатій Мохнацкій изъ Войтковой; Юліанъ Каз. Червинскій, дякъ изъ Полягичъ; Александръ Пирогъ, дякъ въ Поворожнѣ и др.

19. янв. — День холодный, не смотря на это нѣкоторые изъ молодежи, стоя возлѣ табачной лавки, долго разговариваютъ съ дѣвушками, другіе покупаютъ хлѣбъ

намъ значительно превышающимъ стоимость газеты. Счастливый обладатель газеты позволяетъ только своимъ закадычнымъ друзьямъ прочитывать эти газеты, но за плату отъ 5 до 20 геллеровъ. Одно чтеніе же газеты всѣмъ людямъ оплачивается иногда 4 кронами и совершается со всѣми предосторожностями, дабы постовые не замѣтили этого, ибо могли бы подвергнуть строгому наказанію. Газета

по прочтении уничтожается, чтобы ее не нашли при обыске. Каждый барак имеет человека, специально занимающегося контрабандою газет и газетных сведений.

20. янв. — Вследствие отказа Гоцкаго от исполнения должности коменданта барака; собрание живущих в барак общим постановлением, вопреки моему желанию, выбрало меня комендантом барака. В виду этого, я назначил заместителем коменданта Боруха, секретарем Гуру, предводителем носильщиков хлѣба и съѣстных припасов Балабана, а Кулика заведывающим распределением пищи на завтрак, обѣд и ужин.

В лагерь умерло 25 человек. Врач д-р Дорик заболел тифомъ.

22. янв. — Снѣгъ падает, но довольно тепло. Визитов казеннаго врача не было. Опасаюсь, что барак изолируют, ибо д-р Дорик болен, кажется тифомъ. В баракъ пока только 4 больных.

Изъ 4-го барака постовые загоняют здоровых на работы в землянки. Состояние у всех подавленное, а при томъ ужасно скудно.

23. янв. — Д-р Полляк велел перевести д-ра Дорика в 12-ый (тифозный) баракъ.

24. янв. — Сегодня по приказанию д-ра Полляка перевели в тифозный лазаретъ Антона Сулятицкаго и Копельчука. В виду того, что в нашем баракѣ констатировали появление пятнистаго тифа, нашъ баракъ д-р Полляк закрылъ (изолировалъ).

Солдаты за нашимъ баракомъ сдѣлали сортир. Три Качмарчика, о. Игнатій Мохнацкій, Назаркенич и нѣсколько украинцевъ и чеховъ успѣли удрать еще до закрытия нашего барака в другіе бараки, такъ что изъ правления барака остались: я Борухъ, Куликъ и секретарь Александръ Телехъ. Юречко тоже хотѣлъ перебраться съ вещами в другой баракъ, но потерялъ фiasco, ибо ни одинъ комендантъ барака его не хотѣлъ принять, какъ человека изъ тифознаго барака. Волей-неволей ему пришлось возвратиться в нашъ баракъ. Ему устроили, по поводу возвращения, овацію. Нашъ баракъ изолировали отъ сосѣднихъ бараконъ проволочнымъ ограждениемъ.

25. янв. — Весь день идетъ крупный снѣгъ. Этотъ первый день карантина проходитъ довольно весело, по скольку в такихъ обстоятельствахъ можно быть веселымъ, ибо изъ нашего барака не гоняютъ людей на работу. Люди передъ баракомъ курятъ люльки и папирсы. Ю. затѣваетъ борьбу съ сосѣдями и чуть-чуть было не побил одного палкой къ общему удовольствию скучающей публики.

Сегодня врача у насъ не было, ибо онъ присутствовалъ при коммиссии, осматривающей бараки.

Больные лежатъ безъ медицинской помощи. Здоровые же, одни пишутъ красками на доскахъ картинки, другіе дѣлаютъ изъ дерева сахарницы, табакерки или чемоданчики. Гоцкій играетъ в карты, а священникъ, о. М. чиститъ платье о. Діонисію Мохнацкому, пораженному отъ сырости куриной слѣпотой.

Дьяки играютъ в карты и поютъ. Одинъ дьякъ, однако, скрестивъ руки, понурилъ голову, его взоръ тупо устремленъ впередъ, о чемъ онъ думаетъ и думаетъ ли вообще что-нибудь, одинъ Богъ вѣдаетъ. Другой толкуетъ о родинѣ, а третій, не отдавая себѣ отчета в своемъ настоящемъ положении, спрашиваетъ, чѣмъ онъ подкуетъ лошадь, когда возвратится домой изъ Талергофа, хотя и толкуетъ ему, что неизвестно еще, возвратится ли и застанетъ ли дома свою лошадь. Асафатъ К., все думаетъ о томъ, что будетъ съ зайцами в лѣсу, доверенномъ его надзору — сколько ихъ тамъ еще застанетъ Адольфъ К. поетъ социалистическій „червоны штандаръ“ (красный флагъ), затѣмъ колокольку, при чемъ выкатываетъ глаза и наконецъ оретъ благимъ матомъ. Б. ѣсть за четверыхъ, а потомъ молится, бросая косою пытливымъ взглядъ в сторону священниковъ, какое производитъ на нихъ впечатлѣние его молитвенное настроеніе, но недостигаетъ цѣли, ибо кто-то уже назвалъ его фарисеемъ.

27. и 28. янв. — Дуетъ сильный вѣтеръ и падаетъ снѣгъ. Получаю для барака свѣжую солому. Медикъ велѣлъ Хивранову, Юречкѣ и Михаилу Русиняцу перейти в тифозный госпиталь. Но медикъ оказался непутевымъ, ибо Русиняка, у котораго было расширение селезенки, повезъ на ручной двуколкѣ в тифозный баракъ. Русинякъ же, зная свою болѣзнь и опасаясь заразиться тифомъ, тотчасъ же удралъ и, не прошло часа, какъ былъ уже в нашемъ баракѣ и пре-

спокойно принялся за кофе которе къ тому времени намъ принесли. Чтобы не имѣть непріятности съ медикомъ самодуромъ, я поспѣвовалъ Русиняку перебраться в баракъ № 18, гдѣ Добія сумѣетъ справиться съ этимъ нетерпящимъ никакихъ возраженій ново испеченнымъ эскулапомъ.

Богъ одинъ вѣдаетъ, сколько мнимо больныхъ тифомъ эти медики помѣстили в тифозный госпиталь, чтобы заразились тифомъ.

29. янв. — Изъ 6-го барака берутъ троихъ в тифозный лазаретъ. После обѣда снѣгъ пересталъ падать. Солдаты везутъ дерево и уголь на саняхъ. Маленькая худощавая лошадка медленно шагаетъ и звонитъ привязаннымъ къ хомуту колокольчикомъ. На саняхъ возятъ также и хлѣбъ и гробы. На нашъ баракъ предназначено только 8 порцій тощаго молока для больныхъ, а больные — это почти всѣ.

В баракѣ холодно и сыро, ибо власти выдаютъ весьма мало топлива. Живущіе в баракѣ берутъ, гдѣ только возможно, доски или другое дерево и топятъ ими в печкахъ.

Поварь, в виду того, что больные тифомъ не могутъ ѣсть общей пищи, присылаетъ в нашъ баракъ увеличенныя порціи капусты, полбы и фасоли, сдобренной воловьимъ или овечьимъ мясомъ, или кониной. Капусту ѣдятъ изрядно только лемки. В баракѣ находится 176 человекъ, освобожденных отъ перевода в новыя бараки, дабы отбыли 16-дневный карантинъ, часто случается, что ос-

вобожденный заболѣваетъ и послѣ выздоровленія подвергается вторичному карантину.

Наши крестьяне очень довольны карантиномъ нашего барака, еще не особенно строгимъ, ибо ихъ не берутъ на работы въ эти дни стужи.

О. Дм. Хилиакъ открылъ курсъ нѣмецкаго языка при 10 учащихся. Игра въ карты становится до того азартной и страстной, что доходить иногда до крупныхъ ссоръ.

Въ лагерѣ отъ нужды, холода, сырости и тифа, умерло 33 человѣка. Между лагеремъ, а кладбищемъ, постоянно везутъ умершихъ и вѣроятно мнимоумершихъ. Если Богъ насъ не помилуетъ, то скоро всѣхъ насъ свезутъ на кладбище.

30. янв. — Сегодня очень холодно. Большая часть людей лежитъ на соломѣ прикрытая всѣмъ, что только у каждаго еще есть. Велю топить печку досками, ибо стужа нестерпима. Нѣкоторые изъ насъ имѣютъ только подобіе кожуховъ, ибо эти кожухи вслѣдствіе дезинфекціи паромъ, пришли въ негодность.

Куликъ брѣдетъ людей, Барна, который старательно ухаживалъ за своими усами, ради гигиены пожертвовалъ ими — сбрилъ ихъ. Говорятъ, что въ баракъ освобожденныхъ, но подвергнутыхъ карантину людей, вспыхнулъ тифъ и баракъ изолировали.

31. янв. — Гоцкій освобожденъ, съ нами прощается, со слезами на глазахъ. Я и о. Ром. Копыстанскій прощаемся съ нимъ отъ имени всего барака. Отъ свя-

щенниковъ получаетъ напутственное благословеніе. Гоцкій былъ хорошимъ комендантомъ барака.

Февраль 1915 г.

1. и 2. фев. — Руссиякъ, народный учитель изъ Ганчовой (Горлицкаго уѣзда), умеръ въ госпиталѣ 2-го февраля. Вл. Гоноцкій, Хроновякъ, Осипъ Бачинскій, Старко, двое Мелешаковъ, два Лисы, Середя, Качмаръ, Цыруль и Муранецъ, идутъ въ баню, а оттуда переходятъ въ другой баракъ. Люди изъ 4-ого барака идутъ частью въ землянки, частью въ 6, 8 и 9 бараки, а на ихъ мѣсто приходятъ другіе. Комендантъ лагеря, полковникъ, получивъ чинъ генерала, вышелъ въ отставку. Мы свободно вздохнули, ибо надѣемся, что ужъ хуже не будетъ. Вчера капитанъ, произведенный въ майоры, призвалъ всѣхъ комендантовъ бараконъ и обнадежилъ насъ, что къ 1-му марта мы всѣ будемъ дома, по скольку — не будемъ болѣть, или же не умремъ. Утромъ и вечеромъ сильная стужа и густой туманъ.

Вслѣдствіе недостатка движенья у большинства наступили такіе запоры, что только значительная доза каломели или глауберовой соли могутъ очистить желудокъ.

Въ баракѣ дѣлаютъ изъ дерева рамки для картинъ, чемоданчики и подошвы для сапогъ специфически Талергофскаго типа. Другіе проявляютъ ничего не стоящее время игрой въ карты, многократнымъ чтеніемъ одной и той же книги, пѣніемъ, бесѣдами, гуляньемъ и т. п. занятіями.

Перегинецъ, съ иглой въ рукахъ, ведетъ упорную борьбу съ постоянно распадающимися по швамъ брюками.

Богданъ Кмицикевичъ сшиваетъ тетрадку для неизвѣстной пока цѣли. Софроній Криницкій, закуривъ въ баракѣ люльку, оглядывается боязно по сторонамъ, не видитъ ли его кто-нибудь изъ представителей власти. Въ баракахъ снова курить запрещено. Ж. со сосредоточеннымъ видомъ молится. Базаръ и Трушъ неподвижно лежатъ на соломѣ. Освобожденные съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты, когда ихъ переведутъ въ карантинный баракъ. На лицѣ ихъ написана горячка ожиданія.

Дръ Романъ Дорикъ скончался 2-го февраля въ тифозномъ госпиталѣ. Въ нашемъ баракѣ правятъ панихиду. Утромъ состоялись его похороны, послѣ панихиды четверо людей понесли его гробъ, который на солнцѣ ярко блестѣлъ; остальныхъ умершихъ везли другіе лица на санкахъ. Мы всѣ вышли передъ баракъ и взоромъ сопровождали похоронное шествіе, прощаясь мысленно съ молодымъ нашимъ врачомъ, сопровождать намъ похороны вслѣдствіе изолировки нашего барака нельзя было.

Отецъ учителя Емиліана Гривны умеръ тоже отъ тифа. Несмотря на закрытіе нашего барака, какъ тифознаго, врачъ все же разрѣшилъ постовымъ солдатамъ брать на работы по 20 человѣкъ ежедневно. По причинѣ участвовавшихъ смертныхъ случаевъ, всѣ ходимъ какъ убитые.

4. фев. — Пслучаю на нашъ баракъ 47 датскихъ одѣялъ, у всѣхъ оказалось теперь по одѣялу, за исключеніемъ о. Курилло, который отказался взять одѣяло. Въ 7 часовъ пополудни температура въ баракѣ пала до 12° Реомюра.

Юрковскаго, гимназиста, изъ 6 барака перевели въ тифозный го-

Санитарный обходъ.

спиталь. Комендантомъ 6-го барака состоитъ о. Сенникъ, а его замѣстителемъ, о. Калужняцкій изъ Бортнаго. Казенные врачи назначили санитаря Гребена временно исполняющимъ должность врача при арестномъ домѣ и землянкахъ.

5 фев. — Больного Лашневича перевели въ тифозный баракъ. Копельчукъ, Сулятицкій и Домбро-

вещки считаются реконвалесцентами. Служащие бани доставили нашим крестьянам полушубки, которые у них были отобраны перед купаньем в бане для дезинфекции. Доставленные полушубки сильно попорчены паром и дезинфекционным аппаратом, так что почти крошатся в руках. Крестьяне, осматривая их, не находят своих полушубков и берут любые попавшиеся под руку, но кто поручится за то, что среди этих полушубков нет полушубков по скончавшимся от тифа, которые заменили полушубки хорошие, взятые у крестьян? Видно на главной улице и площади 30 тощих, изнуренных и исхудалых людей, сидящих тянуть воз с сѣстными припасами к кухне лагеря, конвоируемых солдатом, держащим в лѣвой руке ружье с штыком, а в правой изрядной величины палку, которой подгоняет он лѣнливых, по его мнѣнию. Идя под угрозой удара палкой, возлѣ воза, спереди, с боков и сзади, эти люди или тянут за веревку или за дышло, или же подталкивают воз, воз медленно катится по улице; будь они здоровы, не требовалось бы столько людей, но силы их истощены, и они еле-еле сами могут двигаться. С ними идет переводчик из интернированных, понуря голову, ибо ему тошно смотрѣть на эту картину насильства над несчастными парями!

6 фев. — День теплый. Вечером настал мороз. Распространился слух, что выдадут нам списки людей предназначенных к

отправкѣ в арестный барак; этот слух вызвал среди нас панику, ибо къ стыду нашему нужно признаться, что вѣроятно среди нас есть единицы, доносящія на нас властямъ, а оправдаться невозможно.

Вечером моемъ руки лизоломъ. Куликъ занимается бритьемъ и стрижкой волосъ.

Священники вечеромъ правятъ вечерню при участіи хора дяковъ. Голосъ дяка Блищака и Поруцѣды особенно хорошій.

9. фев. — Двухъ больныхъ нашего барака врачъ не принимаетъ в госпиталь за недостаткомъ мѣста. Въ большей половинѣ баракъ поголовно всѣ больны, такъ что эти баракы представляютъ тоже лазареты.

10. февр. — Послѣ обѣда падаетъ снѣгъ. Въ баракѣ жизнь течетъ мирно и тихо, ибо даже болтать нѣтъ силъ ни охоты. Замѣчаю, что даже доселѣ не курившіе втянулись въ куренье папирозъ и курятъ ихъ одну за другой. Петрышакъ изъ Криницы оковываетъ жестью чемоданчикъ. Нѣмецъ Вейсъ занятъ починкой носковъ. Гривна и о. Курилло играютъ въ шахматы. Жители деревни Лосья тоже от скуки пристрастились къ игрѣ въ карты.

Врачъ велѣлъ передѣлать одинъ изъ баракъ в госпиталь, ибо больныхъ тифомъ прибываетъ все больше и больше. Аполинарій Филиповскій скончался въ 12-омъ баракѣ. Богданъ Кмицкевичъ заболѣлъ: быть можетъ это тифъ также..

11. и 12. фев. — Въ госпиталь умерли отъ тифа: Галиста и о.

Несторъ Олимпіевичъ Полянскій. Послѣдній болѣлъ что-то около недѣли. Онъ окончилъ курсъ богословія въ Римѣ и посѣщалъ философскій факультетъ во Львовѣ, игралъ при этомъ превосходно на цитрѣ. Еще одинъ подающій большія надежды русскій человѣкъ скончался въ дни своей молодости. Похоронили ихъ утромъ безъ вѣдома и участія родныхъ.

Сегодня умерло еще 12 человекъ. Комиссаръ съ капитаномъ посадили въ арестный баракъ польку Кр—ву, ибо она въ баракѣ, была причиной неприятныхъ исторій и даже ссоръ. Грязь ужасная.

Одинъ рабочій, который еще вчера работалъ, во время визита врача шелъ къ нѣму просить касторки и, не дойдя до порога барака, упалъ мертвымъ къ ногамъ врача. И врачъ и сопровождавшіе его растерялись, не зная, по причинѣ какой болѣзни онъ скончался, ибо считали его здоровымъ. Эта внезапная смерть подѣйствовала на всѣхъ особенно угнетающе. Говорятъ, что это была холера.

Въ нашемъ баракѣ ежедневно всѣ моютъ руки лизоломъ. Священники правятъ панихиду за упокой души блаженной памяти Юліи Демчаковой.

13. февр. — Воскресенье. Берутъ в госпиталь: Максима Костыка, а Богдана Кмицкевича возьмутъ только завтра утромъ. Получаемъ впервые на весь баракъ 7 кусковъ мыла, которое считалось у насъ роскошью.

14. февр. — Большого тифомъ Богдана Кмицкевича берутъ в госпиталь. Коломыець тоже забо-

лѣлъ тифомъ. День солнечный, чѣмъ воспользовались живущіе в баракѣ, чтобы выйти передъ баракъ погрѣться на солнышкѣ.

Хотя мы часто писали письма домой, но моя мать ихъ не получила, обезпокоенная тѣмъ, что не получаетъ отъ меня и моего отца извѣстій, она непосредственно запрашиваетъ коменданта лагеря, живемъ ли мы и что съ нами? Комендантъ, встрѣтивъ по дорогѣ о. Вл. Мохнацкаго, спросилъ его, живы ли мы, и получивъ отвѣтъ, что живы, официально уведомили мою мать объ этомъ. На обѣдъ получаемъ каргофельный супъ, ибо это первый день поста.

15. февр. — Добія заболѣлъ; врачъ сегодня насъ не посѣщаетъ, ибо участвуетъ в комиссіи ревизующей баракы. Эта ревизія для насъ всегда весьма желательна, ибо тогда получаемъ значительно лучшую пищу, больные же молоко. Даже фельдфебель Новакъ лично раздаетъ платье въ 9-мъ баракѣ. Люди 6-го барака получаютъ часть своихъ депозитовъ. Приказано тушить электрической свѣтъ уже въ 8½ ч. вечера.

Темно, зажгли ночную керосиновую лампу; я не могу уснуть и вижу при тускломъ свѣтѣ, какъ многіе сквозь сонъ то молятся, вытягивая исхудалыя руки впередъ, то встаютъ еще сонные и выходятъ изъ барака, чтобы тотчасъ же вернуться и снова лечь на солону и слышу стоны, вздохи и плачь, даже одинъ довольно пріятнымъ голосомъ съ соотвѣтственной интонаціей, философствуетъ про себя. Одинъ старикъ срывается съ по-

стели съ крупными каплями пота на лбу, и открывая глаза и протягивая руки впередъ, что-то кричитъ, а потомъ вытираетъ потъ съ лица, снова ложится спать. Все это показываетъ, что мы до того изнурены и изнервничались, что во время сна насъ душитъ кошмаръ. Не удивительно, что у меня въ эти темныя ночи бродятъ черныя думы.

16. февр. — Всѣ грѣются на солнышкѣ. Я играю въ шахматы съ Мандлемъ, о. Хилякъ и Звѣрикъ читаютъ книгу, молодежь играетъ, крестьяне сидя на брускахъ стараго сортира курятъ трубки и бесѣдуютъ между собой. Василия Шулика и Асафата Крулевскаго, какъ больныхъ тифомъ, перевозятъ въ тифозный баракъ. Число жителей нашего барака уменьшилось до 162 человекъ. У большого д-ра Могильницкаго наступило улучшение.

17. февр. — День довольно теплый. Больныхъ: Юсифа Урбана переводятъ въ 12-ый баракъ, Ивана Школьника въ 17-ый. Иду въ амбулаторію съ однимъ человекомъ, оглушимъ до того, что ничего не слышитъ.

18. февр. — Казенный врачъ д-ръ Поллякъ палъ жертвой тифа и умеръ какъ солдатъ на посту.

19. февр. — Больной ушами, Иванъ Балашъ переведенъ въ 14-ый баракъ. Взлеты аэроплановъ неудачны, аэропланы падаютъ, а летчики разбиваются.

20. февр. — Колодѣй имѣлъ 2 полѣна дерева, изъ которыхъ дѣлалъ палки и держалъ ихъ на полкѣ надъ собой. Ночью Тытыкъ, желая итти въ сортиръ и шаря по полкѣ схватилъ свою шляпу и не-

чаянно задѣлъ рукой за одно изъ полѣнъ, которое скатилось съ полки и ударило въ грудь съ правой стороны спящаго Ватылика, минуя голову спящаго Ксендзика, я тотчасъ, вмѣстѣ съ Сухимъ, поспѣшилъ съ помощью пострадавшему и сдѣлалъ ему перевязки. Съ этихъ поръ потерпѣвшій постоянно жалуется на боль въ груди.

Въ берлогѣ, подъ ногами Вейса, кротъ вырылъ значительную кучу земли, что на суевѣрнаго Вейса сильно подѣйствовало. Онъ намъ боязно жаловался, что ему придется умереть.

21. февр. — Сегодня купаются тѣ 120 человекъ, которые должны завтра отправиться въ Граць. Въ баракѣ часто возникаютъ ссоры изъ-за того, что выходящіе ночью въ сортиръ, мѣшаютъ другимъ спать, то наступая на ноги спящимъ, то толкая ихъ; при возвращеніи въ баракъ эти ночные пѣшеходы, чтобъ отыскать въ темнотѣ свое ложе и одѣяло, невольно шарятъ по землѣ руками, залѣзая часто сосѣду пальцами въ открытый ротъ, носъ и глаза; достаётся при этомъ и рукамъ и бокамъ товарищей, ибо идущій ничего не видитъ.

Изъ нашего барака переводятъ въ рабочій 4-ый баракъ 60 человекъ, часть лосьянъ и криничанъ. Эти 60 человекъ послѣ купанія въ банѣ, вернулись въ баракъ, наполнили свои мѣшки свѣжей соломой и, взявъ ихъ и другія свои вещи, отправились въ 4-ый баракъ. Многие изъ нихъ со слезами на глазахъ распрощались съ нами.

Люди 1-аго барака спятъ сегодня на голыхъ доскахъ, ибо въ надеждѣ на получение свѣжей соломы, которой имъ не доставили, выбросили свою истертую солому. Осталось тамъ только 79 человекъ, ибо 120 заболѣвшихъ тифомъ перевели въ тифозный баракъ. Говорятъ, что всѣхъ насъ переведутъ въ 1-ый баракъ.

22. февр. — День теплый. Конференція всего медицинскаго персонала лагеря подъ предсѣдательствомъ главнаго врача. Врачъ нашего барака, послѣ конференціи, заявляетъ намъ, что произведетъ дезинфекцію нашего барака. Мы собрали всю солому нашего барака и вывели ее, со всѣми паразитами въ ней находящимися, за баракъ и сложивъ въ одну кучу сожгли ее. Многие изъ нашихъ пытались уйти въ 1-ый баракъ, но вернулись обратно.

Я очень утомленъ и ложусь спать; ночью снятся мнѣ неприятные и страшные сны, по причинѣ лихорадки. Часто, подъ влияніемъ этихъ сновъ, я срываюсь съ постели, но, придя въ сознание, вновь ложусь спать. Одинъ транспортъ освобожденныхъ отправляется въ Граць, но и тутъ ждетъ ихъ еще неприятность въ видѣ ревизіи ихъ вещей передъ отъѣздомъ.

23. февр. — Насъ перевели въ первый баракъ. День хороший. Пользуясь разрѣшеніемъ врача, гуляемъ весь день, ибо завтра нашъ баракъ (№ 1) закрываютъ. Посѣщая Качмарчиковъ въ ихъ баракѣ и осматриваю всю Талергофскую колонію. Нѣмцы въ своей землянкѣ разгостились по своему, а съ

бывшаго нашего барака № 5, власти выбрасываютъ все, что только въ немъ находилось, приготовляя его къ дезинфекціи.

Польскаго ксендза Замойскаго, власти отпускаютъ на свободу, ибо врачъ нашелъ, что у него нѣтъ тифа и что онъ здоровъ. Изъ барака № 1 перевели Труша въ 14-ый баракъ, а другого въ госпиталь, какъ больного тифомъ.

24. февр. — День вѣтренный и морозъ. Холодъ достигаетъ — 8° по Реомюру. Въ баракѣ № 1, находятся нары и на нихъ положены сѣнники. Увидя эти нары, мы немедленно воспользовались ими, чтобы узнать разницу удобства лежанія на нихъ въ сравненіи съ лежаніемъ на соломѣ положенной на голой землѣ; посыпались восклицанія и дебаты по этому поводу. Мы послѣ этого принялись по прежнему за обыденныя занятія, котрымъ предавались въ прежнемъ баракѣ, т. е. занялись игрой въ шахматы, вырѣзываніемъ изъ дерева, дѣлая чемоданчики и т. п., съ надписью „памятка изъ Талергофа“. Это — специальное кустарное производство въ „стиль Талергофскомъ“. Изъ барака выходитъ кто хочетъ, ибо караулъ притворяется, что не видитъ выходящихъ, хотя выходитъ запрещено по поводу установленнаго карантина. О. Кский пишетъ, играетъ въ карты, изъ-за таза затѣялъ ссору; во время же сна, разговариваетъ съ кѣмъ-то, для него видимымъ, но не для насъ. Вообще это человекъ нервный, впечатлительный, мозгъ котораго даже во снѣ не можетъ бездѣйствовать.

25. февр. — День солнечный, но морозный. Отдаю весь наличный инвентарь бывшего нашего барака и 2 кр. 70 гел. наличными, главному коменданту барака № 1, Кичкѣ. О. Гайдукевичъ, папскій шамбелянъ, соборнѣ съ другими священниками, служитъ молебенъ. О. Сеникъ утверждаетъ, что изъ Граца ежедневно приходитъ телефонограмма съ предписаніями, касательно нашего барака, имѣющими силу только въ теченіе 24 часовъ. Знакомлюсь съ нотаріальнымъ депендантомъ Черкасскимъ. Оберъ-комендантъ участка О. Красицкій на вопросъ, что новаго, отвѣчаетъ, „что ничего сказать не можетъ, ибо это государственная тайна“.

26. февр. — Въ баракѣ холодно, ибо живущіе не прикрываютъ плотно дверей и кромѣ того, потому, что между нарами и землей находится пустое пространство, по которому свободно гуляетъ сквознякъ и снизу поддуваетъ спящихъ. Многіе уже въ виду этого разочаровались въ нарахъ и жалѣютъ о томъ времени, когда спали на голой землѣ прикрытой лишь соломой. До нашего прихода врачъ, какъ мнѣ рассказывали, перевелъ изъ перваго барака 120 человекъ въ тифозный баракъ. Между двумя „сосѣдями по спанью“ возникаетъ страстный споръ, кто изъ нихъ лучше играетъ въ карточную игру „керки“, сами не въ состояніи рѣшить спора, обращаются къ одному священнику разсудить ихъ. Послѣ его приговора, начинаютъ разсуждать уже на тему обработки земли и тутъ тоже возникаетъ меж-

ду ними горячая распря, которую священникъ разрѣшаетъ въ пользу одного изъ нихъ. Подобныя картины и эпизоды въ этой страшно монотонной и полной страданій и лишений жизни представляютъ для насъ развлеченіе.

27. февр. — Солнышко грѣетъ до обѣда, потомъ прячется за тучи. Нѣкоторые гимназисты также играютъ страстно въ карты, и также заѣло ссорятся.

Вечеромъ скончался отъ тифа о. Коломыець, человекъ, которому извѣстны были всѣ предначертанія властей, касающіяся насъ.

28. февр. — О. Красицкій идетъ подъ карантинъ, какъ предназначенный къ освобожденію. Изъ интернированныхъ Горлицкаго уѣзда, освобождены только: Емельянъ Гривна, учитель изъ Чернаго, и О. Волянский изъ Смерековца.

Изъ перваго барака пошли подъ карантинъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, еще лица: Костовецкій, Котельницкій, о. Андрей Гайдукевичъ изъ Святого, уѣздъ Ярославъ, вдовецъ; Чирнянскій Іоаннъ, ур. 1858 г., холостой, эмер. машинистъ жел. дороги изъ Загорья, возлѣ Сянока; Терлецкій Андрей, ур. 1885 г., женатый, крестьянинъ изъ Высоцка, возлѣ Ярослава, о. Серединскій Феодоръ, ур. 1877 г., женатый, изъ Быкова, п. Перемышль; Кульматицкій Анатоль, юристъ и его отецъ о. Юліанъ, р. 1860 г. изъ Дроздовичъ, у. Перемышль; о. Подлященскій Іоаннъ, р. 1859 г., изъ Кобылины, у. Яворовъ, и его сынъ Владиміръ, юристъ; о. Ракъ Феодоръ; Солтынскій Ів., р. 1866 г., торговецъ изъ Березки, у. Добромиль; Засѣдволкъ Іоаннъ, р. 1867 г., крестьянинъ изъ Галича; Мудрецкій Корниль, р. 1870 г., сторожъ жел. дороги изъ Любачева, возлѣ Цѣшанова и др.

Нашъ баракъ посѣщаетъ Бекерскій. Это старикъ средняго ро-

ста съ лысиной св. Павла, въ длинной, свѣтлой шинели солдатскаго кроя, окаймленной значительныхъ размѣровъ воротникомъ. Онъ носитъ очки почти на концѣ носа, глядя въ небо поверхъ очковъ своими добрыми и ласковыми глазами. Спокойный, услужливый и уступчивый, онъ до того исхудалъ, что походитъ лицомъ своимъ на аскета. Приходитъ онъ чаще всего къ о. Дикому и къ другимъ и

тая „Отче нашъ“, нѣсколько разъ ловить кусающихъ его вшей и съ молитвенными словами на устахъ бьетъ ихъ на обложкѣ молитвенника.

Мартъ 1915 г.

1. марта. — Вѣтеръ сильный и холодный. вмѣсто О. Красицкаго назначенъ оберкомендантомъ нашего участка полякъ Уейскій. Два транспорта освобожденныхъ, вмѣ-

Зарансе отдѣленіе.

потчиваетъ ихъ нюхательнымъ табакомъ и, если кто чихнетъ, онъ, кланяясь, отвѣчаетъ „сто лѣтъ вамъ здоровья!“ Бекерскій до того благочестивъ, что напоминаетъ собой монаха.

Коломыйца похоронили въ гробѣ, обитомъ жестью. Въ баракѣ одинъ молится изъ стариннаго опрарвленнаго въ кожу молитвенника, украшеннаго большимъ количествомъ изображеній святыхъ, и, чи-

стѣ съ Гоцкимъ уѣхали въ Граць. Второй баракъ намѣреваются власти передѣлать въ баракъ исключительно для дѣтей.

2 марта. — Къ Папачу, Поручьдлу и другимъ прибываютъ деньги изъ Снѣтницы, благодаря высланной „Вл. Мохнацкимъ телеграммѣ. Матерямъ и дѣтямъ второго барака врачъ велѣлъ выдать одежду и сапоги въ виду прибытія контролирующей комиссіи.

3. марта. — Дѣйствительно прѣѣхала коммиссія. Третій баракъ подвергають дезинфекціи. Въ первыхъ баракахъ выбрасываютъ всю солому со вшами и миллиардомъ болѣзнетворныхъ бактерий, пропитанную потомъ и кровью плѣнныхъ. Люди нехотя собирають ее руками, принуждаемые къ этому солдатами, которые не позволяютъ брать лопатъ для этой цѣли. Люди изъ третьяго барака должны перейти въ пятый баракъ.

4. марта. По баракамъ впервые раздають по одной ваннѣ, многіе изъ насъ смотрятъ на эти ванны съ такимъ видомъ, какъ будто впервые въ жизни видятъ что-то подобное, до того мы отвыкли отъ привычекъ культурной жизни.

Власти запрещаютъ играть въ карты, такимъ образомъ отняли у насъ одно изъ главныхъ средствъ нашего развлечения и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ значительнаго дохода лавочниковъ, торгующихъ этими картами. Дѣти второго барака получаютъ много игрушекъ, какъ-то: сабли, лошадки и т. п. Удалось намъ получить газету, за которую, однако, пришлось уплатить 80 геллеровъ.

5. марта. Фельдфебель беретъ, несмотря на карантинъ нашего барака, по 30 человекъ ежедневно на работу. На жалобу по этому поводу нашего коменданта врача, полученъ отвѣтъ отъ д-ра Келлера: что разъ фельдфебель требуетъ людей, то надо ихъ ему дать, но карантинъ, не смотря на это, снятъ быть не можетъ. Между тѣмъ съ момента послѣдняго слу-

чая заболѣванія тифомъ до сегодняшняго дня прошло больше 8 дней.

Въ нашемъ баракѣ въ числѣ другихъ были: Крыжановскій Іоаннъ, ур. 1861 г., кузнецъ, женатъ, въ Галичѣ; Коваль Теоодоръ, р. 1849 г., крестьянинъ въ Пелесницѣ сам., возлѣ Лѣска; Бюковъ Яковъ р. 1855 г., жен., ц. м. оберпост-мейстеръ въ Белзѣ, возлѣ Сокаля; Бурдякъ Ст., р. 1861 г., жен., крест. въ Добромилѣ; Трофанакъ Стефанъ р. 1863 г., крест. въ Высоцкѣ, возлѣ Ярославля; Якубовъ Ив., эм. жандармъ, въ Высоцкѣ; Лазоръ Лука, р. 1888 г., холостой, крестьянинъ, въ Яблоновѣ, возлѣ Турки; Гвоздзевскій Іосифъ, р. 1861 г., женатъ, полицейскій въ Галичѣ; Завадскій Петръ, р. 1876 г., крест. въ Красной, возлѣ Кросна, Лысенко Ив., р. 1886 г., юристъ, въ Сѣраковцѣ, уѣздъ Перемышль; Махляй Ник., р. 1852 г., надѣофициаль суда, въ Перемышлѣ; Цуцура Мафей, р. 1837 г., раб., въ Мацинѣ вел., у. Горлицы; Смолька Ив., р. 1863 г., крест., въ Городкѣ Яг.; Горпакъ Ив., г. 1847 г., крест. въ Дыковѣ, у. Бжозовѣ; Вуйцикъ Мафей, р. 1852 г., крест., въ Дембовцѣ, возлѣ Піотркова; Галантей Петръ, р. 1885 г., крест., въ Сувчинѣ, у. Добромилъ; Подгорекскій Теоодоръ, р. 1859 г., обыв., въ Бруснѣ Новомъ, возлѣ Цѣшанова; Тимковъ Василій, р. 1864 г., крест., въ Лишинѣ, у. Дрогобычъ; Емилій Преторіосъ р. 1891 г., абсолювентъ политехникума, въ Переворскѣ; о. Преторіосъ Іос., р. 1867 г., въ Поздзячѣ; Черкавскій Романъ, нотаріальный кавд., въ Сокалѣ; у. Мостиска; Цыбыкъ Ант., р. 1874 г., почт-мейст., въ Ярославѣ; Кицька Павелъ, р. 1859 г., крест., въ Поздзячѣ и его сынъ Михаилъ, р. 1866 г., юристъ; Сенета Дм., р. 1842 г., кушниръ, въ Старомъ Самборѣ; Конопинскій Фаддей (полякъ), р. 1868 г., эм. почтовый чиновникъ, въ Ригицахъ, у. Тарновъ; Кисѣлюкъ Влад., р. 1892 г., част. чин., въ Микулчинѣ, у. Надворна; Ковальскій Іосифъ, р. 1839 г., эм нар. уч. въ Пядикахъ, у. Коломай; Стецевъ В., есть тоже полякъ Карлъ Рыбинскій, р. 1872 г., банковый чиновникъ и др.

Изъ Грибовскаго уѣзда приходять письма и деньги. Приходящіе изъ другихъ бараконъ, могутъ съ нами разговаривать только черезъ рѣшетку, ибо намъ подвергнутымъ карантину, нельзя выходить за рѣшетку, окружающую нашъ баракъ, а тѣмъ нельзя переходить сюда. Полная изоляція.

6. марта. Сначала тепло, но вѣтеръ появившійся до обѣда пронизываетъ холодомъ. Видимъ какъ

послѣдовавшей вскорѣ послѣ смерти трехъ шурьевъ онъ составилъ завѣщаніе.

Чтобы какъ-нибудь раздобыть деньги, многіе въ баракѣ занимаються торговлей тѣмъ, что кому удастся на сторонѣ приобрести, и такъ: Одинъ продаетъ чай, другой самсаръ, третій уксусъ, тотъ экспеллеръ, а иной еще что-нибудь.

7. марта. — День теплый и солнечный. Почти всѣ люди нашего

Д-ръ В. О. Могильницкій за операціей.

на поле упалъ аэропланъ и разбился вдребезги. Мелешаки, съ другими изъ второго барака, идутъ въ баню, а послѣ подъ карантинъ. Умеръ отъ тифа Шуликъ. Говорятъ, что онъ былъ богатый человекъ въ Галичинѣ. На телеграмму своей жены, съ запросомъ, живы ли ея три шуррина, не отвѣтилъ, ибо — къ тому времени всѣ они умерли отъ тифа. Передъ смертью,

барака повыходили грѣться на солнышкѣ.

Арестованы четверо комендантовъ тифозныхъ бараконъ за то, что издѣвались надъ больными и крали у нихъ деньги и цѣнные вещи. Произведенная у нихъ ревизія дала, какъ говорятъ въ лагерѣ, поразительные результаты. У нихъ нашли деньги, золотые часы, кольца, цѣпочки и даже золотую зуб-

ную пломбу, а у одного из них даже цѣлый зубъ, покрытый золотой пломбой.

Власти потому запретили играть въ карты, что кто-то проигралъ 800 кронъ и затѣялъ драку съ обыгравшимъ его.

8. марта. — Снѣгъ падаетъ. Мы получили платье и 17 паръ венгерскихъ сапогъ. Получилъ впервые рубашку и прочее бѣлье, въ которое незамедлилъ сейчасъ же одѣться, сбросилъ свое бѣлье, котораго уже не стоило стирать, до того оно было изношено. Теперь я чувствую себя словно обновленнымъ и уже не боюсь, что заболѣю.

9. марта. — День морозный. Въ трубѣ 14-го барака зажглась сажка; капитанъ, съ помощью солдатъ, потушилъ пожаръ. Въ кантинѣ продаютъ булки по 4 геллера, но онѣ крошечныхъ размѣровъ и изъ темной муки. Комиссаръ поймалъ одного въ моментъ, когда онъ продалъ полученную имъ контрабанднымъ образомъ водку и въ наказаніе посадилъ его подъ арестъ. Въ 6-омъ баракѣ поймалъ священника на игрѣ въ карты, это навело страхъ и на другіе бараки и тамъ перестали на время играть въ карты.

Увы, мы получаемъ вещи забракованныя и сшитыя почти по одной мѣркѣ, и то получаемъ ихъ всегда передъ прибытіемъ ревизіонной комиссіи. Понятно, что эти вещи почти никуда не годятся и особенно не подходятъ тѣмъ, кто ихъ получаетъ. Изъ-за этого почти всегда передаются портному Вейсу (нѣмцу), для передѣлки и вслѣдствіе этого у него всегда много ра-

боты. Одинъ проситъ укоротить брюки или душегрѣйку, другой, напротивъ удлинить брюки или ихъ сѣзуть или же расширить, тоже съ душегрѣйками: тому она узка, а другому черезчуръ широка, тому рукава коротки, другому же длинны и т. д. Бѣдный Вейсъ не знаетъ, за что раньше взялся, а работу надо скоро окончить, ибо можетъ нагрязнуть комиссія. Часто можно видѣть людей, ходящихъ въ платьѣ сшитомъ изъ кусковъ разныхъ матерій, ибо Вейсъ производитъ починки изъ всего, что ему попадаетъ подъ руку.

10. марта. Холодный день. Получаемъ лекарства за 3—5 кронъ. Священники же получаютъ жалованіе (конгруу). О. Еднакій получаетъ письмо изъ Львова, помѣченное январемъ via Женева.

Стецева берутъ въ госпиталь. Въ кантинахъ не хотятъ продавать масла. Вчера мы наши сѣнники обсыпали нафталиномъ, какъ лучшимъ средствомъ противъ насокыхъ.

11. марта. — И о. Влад. Бачинскій и о. Преторіусъ идутъ подъ карантинъ. Одинъ летчикъ упалъ съ высоты 100 метровъ и убился.

13. марта. — Ночью прибыло въ Талергофъ 200 плѣнныхъ русскихъ солдатъ привезенныхъ изъ Венгріи. Нѣмцы построили деревянные ворота передъ лагеремъ съ надписью „Лагерь интернированныхъ“. Работа продолжалась два дня.

14. марта. — День теплый и ясный. Идемъ почти всѣ изъ нашего барака купаться въ баню. Батюшка Тофанъ имѣетъ библіоте-

ку и отпускаетъ другимъ книги для чтенія, взывая по 4 геллера за томъ въ сутки и 1 крону въ залогъ.

Хромого портного за то, что удрали изъ подъ карантина, въ 1-ый баракъ, капитанъ приказалъ посадить подъ арестъ. На площади читаютъ громкимъ голосомъ, по списку, фамилии освобожденныхъ.

15. марта. — Освобожденные подписываютъ свои путевыя легитимации. Толпа крестьянъ собралась возлѣ воротъ. Получаемъ газету, которая переходитъ изъ рукъ въ руки.

16. марта. — У кого-то пропало 20 кронъ. Подозрѣніе пало на невиннаго крестьянина Тымкова. Комиссаръ приказалъ ему выйти изъ барака на воздухъ и раздѣться почти до нага и самъ производилъ ревизію, держа почти голого челоуѣка довольно долго на холоду. Не найдя у него этихъ 20 кронъ, отпустилъ его. „Бау-офиціаль“ (техникъ зодчій), запрещающій стирать бѣлье возлѣ сортира. Въ бараки приходитъ парикмахеръ. Людей изъ 7-го барака переводятъ въ 3-ій баракъ.

17. марта. — Сегодня день былъ хорошій и безвѣтренный. Воздухъ былъ такъ чистъ, что вдали видѣлись Альпійскія вершины, частью покрытыя снѣгомъ. Валеты аэроплановъ не удаются. Часто видно, какъ аэропланъ сразу подымается передней частью вверхъ, почти отвѣсно стоя въ воздухѣ. Паденія часты, вслѣдствіе чего, стоящій наготовѣ автомобиль тотчасъ же подлетаетъ и забираетъ раненыхъ въ госпиталь. Лемки и бойки долго

стоятъ возлѣ сортира и смотрятъ вверхъ, слѣдя полеты аэроплановъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ во время катастрофы съ аэропланами выпадаютъ изо ртовъ трубки.

О. Д. М. со скуки, не отдавая себѣ отчета, куритъ одну папиросу за другой, но закуриваетъ одну папиросу отъ другой, лишь въ то время, когда чувствуетъ, что куритъ уже пустую бумагу. Болѣя глазами, онъ не можетъ читать и все его дневное занятіе состоитъ въ куреніи папиросъ.

Уже второй день повара не даютъ намъ на ужинъ чаю, а только тощій и жидкій пшеничный супъ. О Александрѣ Полянскій скончался въ 8 часовъ вечера подъ карантинномъ. Все свое имущество, которое имѣлъ при себѣ, онъ передалъ на руки о. Генриху Полянскому.

18. марта. — Отмѣненъ карантинъ нашего барака. Панихида по о. Полянскому и похороны его въ 3 ч. пополудни. На обѣдъ получили мы впервые жиденькій супъ изъ кукурузы.

20. марта. — Почти 100 челоуѣкъ уѣзжаютъ. Нѣкоторые студенты изъ 3-го барака подверглись наказанію „шпанги“, вслѣдствіе чего населеніе барака избираетъ новаго коменданта барака. О. Сенікъ предостерегаетъ людей отъ перенасыщенія ѣдой, реконвалесцентоу послѣ тифа, ибо тѣ, объѣвшись, вновь заболѣваютъ и умираютъ. Въ 1-омъ участкѣ оказалось пять случаевъ заболѣванія тифомъ. Врачи отдѣлили аптеку отъ амбулаторіи. Дуетъ холодный вѣтеръ.

21. марта. — Похороны гимназиста Льва Куцѣля изъ Старого

Самбора. Русскимъ изъ Буковины власти запрещаютъ пѣть пѣсни внѣ барака.

22. марта. — Абсолютента юридическихъ наукъ Д. посадили подъ арестъ за продажу спиртныхъ напитковъ. Толпа людей преимущественно крестьянъ ожидаетъ возлѣ рѣшетки, дабы подписать путевую легитимацию. На завтракъ и на ужинъ даютъ намъ супъ вродѣ лемковской „кеселицы“, но очень жидкой. Многіе не кушаютъ этого супа, до того онъ противенъ. Послѣ даютъ черный кофе съ сахариномъ. Кислый супъ, въ связи съ кофе и сахариномъ, у многихъ вызвалъ боли желудка. Въ баракѣ такъ холодно, что наши люди принуждены даже ночью топить печки досками.

23. марта. — 50 человекъ уѣзжаютъ утромъ въ Граць. 2 Качмарчика, о. Дорикъ, Куликъ и др. идуть подъ карантинъ.

24. марта. — Влад. Качмарчикъ тоже идетъ подъ карантинъ. 4 лемковъ наказаны одиночнымъ арестомъ за то, что высказали свое мнѣніе о занятіи русскими войсками Перемышля. Изъ Крыницы приходятъ пакеты на имя Стефана Криницкаго. Такъ какъ поштовые приказали тушить лампы въ 8½ часовъ, то въ лагерѣ и баракахъ такъ темно, что нельзя гулять.

25. марта. — День теплый. Иосифъ Урбанъ получилъ изъ дому посылку съ ѣдой и водкой и немедленно распаковалъ ее и со свойственнымъ славянамъ гостеприимствомъ угощаетъ лемковъ. Старикъ Матвей Цуцура изъ Мацины Великой, переходитъ въ 14-ый ба-

ракъ. По общему требованію страшно обросшихъ людей прибываетъ къ намъ брадобрей.

26. марта. — Дуетъ холодный вѣтеръ. На обѣдъ получаемъ кукурузянку и небольшой кислый хлѣбъ. Священники высылаютъ телеграмму съ просьбой объ освобожденіи въ Граць, а о. Мохнацкій проф. Черкасскому въ Вѣнѣ.

27. марта. — Приглашевъ съ Кицькой къ Криницкому и Петришаку по случаю полученія ими изъ дому пакетовъ со съѣстными припасами. Новые порядки въ аптекѣ и амбулаторіи. Вдова Пелагія Сандовичъ прибыла съ новорожденнымъ ребенкомъ изъ Граца въ лагерь.

28. марта. — Получили въ течение нѣсколькихъ мѣсяцевъ задержанные властями лагеря наши письма. О. Макарь Григорій получилъ письмо помѣченное еще 1914 годомъ.

29. марта. — Переходимъ всѣ послѣ бани въ первый карантинный баракъ. Много хлопотъ у насъ съ этимъ, ибо надо выискать удобное мѣсто и поближе помѣстить наши вещи. Новый баракъ имѣетъ 2 комнаты, одну для интеллигентной публики, а другую для крестьянъ. Здѣсь многимъ лучше живется, ибо баракъ чище и свѣтлѣе и имѣетъ каменную печку. Желѣзные печки фельдфебель Новакъ перевелъ въ магазины. Баракъ имѣетъ 2 лампы, умывальню, водопроводъ и что-то въ родѣ передней. Въ кантинахъ бѣлаго хлѣба не продаютъ.

Узнаю, что 27-го, власти лагеря наказали двухдневнымъ арестомъ

Дм. Собина, Карела Андрея и Ядловскаго ивана (лемковъ), зато, что передали выходящимъ въ Граць письма къ своимъ родственникамъ въ Америкѣ съ просьбой о матеріальной поддержкѣ.

Въ виду того, что 6-ой баракъ подвергнутъ дезинфекціи, его жителей перевели въ 7-ой баракъ. Старикъ Школьникъ умеръ отъ тифа. Въ виду отказа Кицьки отъ должности коменданта барака, избираютъ на эту должность Преториуса, а его замѣстителемъ Феофила Курилло. Въ другой части барака, гдѣ находится о. Отто съ дьякомъ Червинскимъ, состоитъ комендантомъ Мазуръ. Власти 30 человекъ отпустили на свободу.

30. марта. — День холодный, пасмурно. Изъ ночныхъ приключеній: Перегинецъ пошелъ ночью въ сортиръ; поштовый солдатъ же преминулъ его задержать и узнавъ, что онъ изъ нашего барака, но недоувѣряя ему, разбудилъ Преториуса, дабы провѣрить показанія Перегинца.

31. марта. — Нашъ баракъ визируетъ уже не д-ръ Коллеръ, а какой-то другой врачъ. Я выхлопоталъ у властей двѣ желѣзные печки, ибо каменные совершенно не грѣютъ, при томъ количество отпускаемаго намъ топлива, очень скудно. День холодный и падаетъ снѣгъ. На обѣдъ получаемъ кукурузянку. Кому то удалось гдѣ то раздобыть боченочекъ селедокъ-москаликковъ, которыя были на расхватъ интернированными разобраны. Хлѣбъ получаемъ изъ кукурузы. О. Курилло подаетъ прошеніе черезъ Гельмана о выдачѣ свя-

щенникамъ жалованія. Гельманъ обязанъ всѣ прошенія и заявленія къ властямъ дезинфицировать.

Апрѣль 1915 г.

1. и 2. апр. — Сегодня 30 человекъ уѣзжаютъ въ Граць; въ ихъ числѣ: Соболевскій съ супругой и сестры Мокрицкія. Ихъ чемоданы, сложенные на телѣгѣ, везетъ старая, сухая и заморенная лошадь. Всѣ мы прощаемся съ ними и машемъ шляпами. Провѣтриваемъ наши вещи возлѣ решетки. Воргачъ же сторожитъ ихъ.

Нѣсколько дней тому назадъ чиновникъ по политическимъ дѣламъ, въ сопровожденіи 2 солдатъ арестовалъ д-ра Крушинскаго изъ 30-го барака, но за что, того я не могъ узнать. Получаемъ изъ магазина 2 литра вина на весь баракъ. Получаемъ на нашъ баракъ платье и сапоги, которые распредѣляемъ между неимущими въ баракѣ. Богослуженія страстной недѣли совершаются въ обѣихъ половинахъ барака.

3. апр. — День прекрасный. Получаю на баракъ 5 литровъ вина, а хлѣба столько, что небольшая булка приходится [на 4 человекъ], приходится жить впроголодь. У кого есть деньги, и то значительныя, тотъ можетъ приобрести ветчину, краковскую колбасу, хрѣнъ и т. п. Вещи эти мы могли бы купить, но въ три дорога, ибо продавцы стараются использовать недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, назначая на свой товаръ неимоверно высокія цѣны. Кантину (лавку съ съѣстными припасами) почти всегда осаждаютъ интернированные.

Несмотря на то, что небольшой хлѣбецъ стоитъ 52 геллера, онъ въ мигъ исчезаетъ, ибо его нарахватъ покупаютъ изголодавшіеся люди. Сегодня почталіонъ Лейссъ принесъ значительную почту и даже посылки изъ Галичины, для раздачи къ общей радости всѣхъ насъ. Приготовляемся къ празднику Пасхи и моемся, чистимъ платье, бреемся, штопаемъ и зашиваемъ платье, баракъ тоже чистимъ и покупаемъ кое-что къ свѣтлому празднику.

Завѣдывающіе печками заготавливаютъ дрова и доски для топки на 4 дня праздниковъ. Священники совершаютъ Богослуженія. Думы мрачныя на чужбинѣ, въ Штирії, преслѣдуютъ меня, когда вспомню я праздники, проведенныя мною дома.

4 апр. — Сегодня первый день Пасхи. Уже 8 мѣсяцевъ томлюсь въ неволѣ. При раздѣлѣ яицъ высказываемъ пасхальныя пожеланія. Дру Коллеру вѣрено попеченіе надъ семью бараками. Первый участокъ (гофа) отданъ Пистингеру изъ Галичины. У меня идетъ изъ носа кровь. Я, вмѣстѣ съ отцомъ, и г. Попель помѣщаюся въ маленькой комнаткѣ, въ другой такой же помѣщается продавщица въ кантинѣ.

7. апр. — Въ 9 ч. утра 20 человекъ отправляются въ Грацъ, среди нихъ о. Влад. Бачинскій.

Вчера о. Обушкевичъ изъ Олифанта, Па. въ Соед Штатахъ Америки, прислалъ 300 кронъ Мих. Дубику для раздачи нуждающимся лемкамъ. Эмигранты изъ деревни Лосье (горлицкаго уѣзда) въ Аме-

рикѣ прислали на руки Андрея Карела 250 кронъ для раздачи нуждающимся лосьянамъ. На руки Кузьяка изъ Богуши (грибовскаго уѣзда) пришло 300 кронъ для лемковъ О. Василій Курилло составляетъ списокъ интернированныхъ лемковъ.

На обѣдъ даютъ недоваренную кукурузянку („поленту“). Больныхъ тифомъ переводятъ въ новые бараки. Встрѣчаю юриста Юрія Полошиновича.

8. апр. — Падаетъ дождь. Грязь изрядная. Маленькій хлѣбецъ стоитъ 52 гел., булокъ же вовсе не получаемъ. Папаша и я получаемъ письмо отъ о. Мих. Вербицкаго, который чуть ли не первый подалъ о себѣ вѣсточку, другіе освобожденные, хотя и обѣщали писать намъ, но своего слова не сдержали. Голловка чесноку стоитъ 24—26 гелл., а литръ топленого молока 40 гел. Кусокъ торта (но какого!) — 36 гел. Въ лагерѣ находятся слѣдующія лавки: молочная съ хлѣбомъ и булками, которыхъ обыкновенно не бываетъ, колбасная, трафика (табачная) и для „карантина“, продавщицей которой состоитъ нѣмка (швабка). Въ молочной продавщицей состоитъ панна Зося, съ прислуживающей ей дѣвкой; въ булочной поляки, въ табачной — судья Гисовскій, а въ колбасной русскій изъ-за кордона, у котораго получаемъ яблоки, апельсины и другіе съѣстные продукты. Говорятъ, что за 4 мѣсяца рыжеволосая нѣмка заработала только на одномъ хлѣбѣ и чаѣ 30.000 кронъ. Въ лагерѣ прибыла въ поношенномъ и подранномъ платьѣ, теперь же обросла въ перья и задираетъ носъ вверхъ.

Кромѣ того есть въ лагерѣ агенты, которые посредничаютъ между нами а торговыми фирмами въ Грацѣ, таковы: Теофанъ Морозъ, Ткачукъ, капраль Гельманъ и др. О. Сеникъ продаетъ снимки I и II участковъ (гофа) и кладбища по 70 гел. Попадаютъ также тайные продавцы спиртныхъ напитковъ, таковъ Д. и другіе. Папиросы продаютъ гимназисты. Отъ тифа умеръ въ послѣднее время только одинъ человекъ.

11. апр. — Врачъ Пистингеръ велитъ составить списокъ людей нашего барака съ цѣлью прививки оспы. Спустя два часа прибылъ онъ съ Поллякомъ (чехомъ) и заставилъ всѣхъ поддаться этой операціи прививки оспы, хотя намъ слѣдовало бы привить противотифозную, а не оспенную сыворотку. Одинъ Боюкъ лишь спасся бѣгствомъ отъ этой не нужной ему вовсе операціи.

Сожженіе „живой“ соломѣ.

9. апр. — Дезинфекція нашего барака состоитъ въ томъ, что его внутри sprыскиваютъ лизоломъ. Вещи, чтобы не портились, мы вынесли на воздухъ и потомъ обратно внесли въ баракъ. Карантинъ для военныя талергофскаго лагеря снятъ.

10. апр. — Деньги присланныя изъ Америки раздѣляются между лемковъ. Дезинфекція земляковъ и бараконъ III-яго участка.

13 апр. — Сегодня три Качмарчика и о. Дорикъ отправляются въ Фельдбахъ на конфинацію (подъ надзоръ полиціи на свободу). Изъ лагеря выѣзжаютъ около 160 чел. Поляки безъ денегъ ѣдутъ въ Лейбницъ, а русскіе изъ Галичины въ Вольсбергъ. Они выходятъ партіями. Интеллигенція занимается телѣгу съ запряженной парой лошадей, на телѣгу складыва-

есть свои ничтожные пожитки. В 4 ч. по полудни, толпа крестьян, в сопровождении солдат без штыковъ, покинула лагерь и направляется въ Граць. „Украинцы“ получили 3, 5 или 7 кронъ въспомоществованія, русскіе ничего. Сейчас же вслѣдъ за ними власти освободили доктора Войтовича, который уѣхалъ на автомобилѣ Евреи Лейзеръ и Мазеръ сопровождаютъ всѣхъ со свойственными имъ приговариваніями. Петрусь продаетъ супъ людямъ по 2 гел. за кружку.

15. апр. — Сильный вѣтеръ несетъ въ лагерь туманы песку. Постовыхъ солдатъ замѣнили другими молодыми, ибо старыхъ солдатъ берутъ на фронтъ. Даже славный „цва ундъ цва“ поваръ Гансъ Фашингъ, который прославился среди насъ жестокимъ обращеніемъ и побоями разливной ложкой за малѣйшую по его мнѣнію провинность, долженъ былъ отправиться на фронтъ, послѣ чего многіе изъ насъ облегченно вздохнули. Подъ карантинъ отправляются: о. Игнатій Мохнацкій, Гулла и др.

16. апр. — День почти лѣтній. Мнѣ удалось выхлопотать у повара пищи полъ ушата больше для нашего барака.

19. апр — Несогласія въ баракѣ вызвали рапортъ комисару, который разсудилъ споръ такимъ образомъ, что коменданты обѣихъ частей стали самостоятельными и заботится каждый о своей части. Вечеромъ цѣлая толпа окружаетъ какого-то парубка — работника сидящаго на доскѣ и въ тактъ своей пѣснѣ ударяющаго палкой въ доску,

издающую звуки какъ бы для акомпаниаента къ его пѣснѣ.

22. апр. — Почту разноситъ молоденькій ефрейторъ. Новый лейтенантъ призываетъ всѣхъ комендантовъ бараконъ къ рапорту. Этотъ же лейтенантъ, придя неожиданно для насъ въ баракъ, увидѣлъ священниковъ играющихъ въ шахматы, почему то разолился, схватилъ шахматную доску и такъ сильно ударилъ ею о столъ, что столъ раскололся.

Среди насъ набираютъ охотниковъ на военную службу. Нашъ баракъ отгородили рѣшеткой отъ мастерскихъ.

23. апр. — День пасмурный, несмотря на это уже въ 5 ч. утра мы всѣ были на ногахъ. Цугсфиреръ (взводный) приноситъ чистую бумагу для канцеляріи барака. О. Семерикъ отказывается отъ должности плацъ-коменданта. Русинякъ и Борухъ занимаются шлифовкой найденныхъ по дорогѣ кусковъ мрамора, на которыхъ потомъ вырѣзываютъ надпись „памятка изъ Талергофа“. Эта работа прививается потомъ и въ другихъ баракахъ.

Судъ надъ Д. Бубнякомъ, о. Крушинскимъ и прочими.

25. апр. — Воскресенье. Гуляю по дорогѣ между бараками. Жаворонки поютъ надъ нами въ воздухѣ. Осимая рожь такъ пышно подрастаетъ, что любо смотреть на нее. Главнымъ священникомъ у насъ, вмѣсто о. Отто, выпущеннаго на свободу, состоитъ о. Григорій Макаръ изъ Угеречь минеральныхъ. Лейтенантъ кого-то устраняетъ отъ должности коменданта барака.

26. апр. — Послѣ 8 дневнаго карантина 59 человекъ отправляются частью въ Лейбницъ, а частью въ Вольсбергъ, между ними судья Гулла и о. Игн. Мохнацкій. Падаетъ сильный дождь.

Похороны Иеронима Куновскаго. 27. апр. — Въ виду предстоящей ревизіи комиссіи приводятся баракы въ порядокъ Прибывшему генералу рассказываемъ о нашемъ

не такъ она исправна, какъ это бывало во времена завѣдыванія его Лейземъ. Капитана Стрика (Stricka) нѣтъ уже въ лагерѣ. Вотъ, какимъ образомъ мы приобретаемъ картофель: Для чистки картофеля нашъ баракъ обязанъ высылать 2 или 3 человекъ. Такихъ людей мы всегда снабжаемъ самыми широкими шароварами съ весьма глубокими карманами. Эти люди, чистя кар-

Въ послѣдній путь.

фель-быть... Онъ говоритъ по польски. Осмотрѣ бараконъ I участка онъ производитъ подробно и довольно милостиво разговариваетъ съ делегатами бараконъ, позволяя имъ высказывать свои желанія. Въ 10 ч. утра купаемся. На обѣдъ даютъ намъ желтую вареную рѣпу. По приказу генерала получаемъ вещи изъ магазина. Дождь падаетъ, хлопоты съ почтой, уже

тофель, крадутъ его потихоньку и прячутъ въ свои шаровары и потомъ продаютъ его намъ.

28. апр. — Собираемъ деньги для одного лемка изъ Воловца. Принимаюсь за изученіе римскаго и церковнаго права (Institution des rom. Rechts u. Kirchenrechts), которая забралъ я изъ Горлицъ съ собою. Пишу секретарю Вѣнскаго университета и прилагаю марку въ

1 крону на отвѣтъ. Д. Дубняка и Галя послѣ 27 дневнаго ареста вы пустили вчера и отправили вновь въ бараки. Очень жарко, жаль что нѣтъ огорода въ лагерѣ.

29. апр. — Люди изъ каран- тина идутъ купаться, потомъ ихъ помѣщаютъ въ 39-омъ баракѣ. Возлѣ лагеря проходитъ похоронная процессія какого то нѣмца съ музыкой во главѣ. Слышенъ похоронный маршъ Шопѣна. Опять работы въ полѣ. Для лемка изъ Воловца собрано 5 кр. 40 гел. и передано на руки Авг. Мышковской. Съ папашей и Перегинцемъ гуляю возлѣ новаго карантиннаго Зелень кругомъ.

Возвращаясь, замѣтили одного больного, лежащаго на землѣ, к которому первую помощь оказалъ врачъ д-ръ Могильницкій.

30. апр. — Бюокъ и Завой- ский идутъ подъ карантинъ. Завтра всѣ мы должны перейти въ шестой баракъ.

Май 1915 г.

1 мая. — Суббота. Прехо- димъ въ шестой баракъ. Второе отдѣленіе прежняго барака, подъ предводительствомъ Мазура, выра- жаетъ протестъ, но вскорѣ успо- каивается. Устраиваемся въ бара- кѣ, прибывая къ стѣнѣ полки изъ досокъ. Такъ какъ „полевья кро- вати“ довольно просторны, то съу- живаемъ ихъ. Въ баракѣ А) пере- ходятъ реконвалесценты изъ II уча- стка. Совмѣстно съ Прегоріусомъ хлопочу о присылкѣ въ нашъ баракъ мастеровъ. Часть плѣнныхъ закордонныхъ русскихъ идетъ ку- да-то, а остальные обмазываютъ

крыши дегтемъ и зарабатываютъ т. об. по 5 кронъ въ день.

2. мая. — Адресовать къ намъ надо: „An Lagerkommando“ а не „Bewachungskommando“. Послѣ о. Сеника плацкомендантомъ сталъ какой-то полякъ, но ненадолго. Послѣ жары падаетъ дождь. Опять является комиссія во главѣ съ ге- нераломъ, который внимательно спрашиваетъ делегатовъ бара- ковъ. Д-ръ Крушинскій подаетъ ему жалобу, которая навела страхъ на всѣхъ чиновниковъ и военныхъ, держащихъ насъ, что называется въ ежовыхъ рукавицахъ. Можно себѣ представить какимъ негодо- веніемъ они къ намъ заплыли. Ва- тылинъ проситъ объ улучшеніи пищи, такъ какъ ежедневно даютъ на обѣдъ вареную рѣпу и ничего больше. Власть вербуютъ „добро- вольцевъ“ на фронтъ. Изъ Граца привозятъ 14 человекъ въ лагерь

3. и 4. мая. — Подъ карантинъ идутъ Махляй, Ковальскій, Сухнац- кій, Милько и др., всѣхъ 9 чело- вѣкъ; на ихъ мѣсто прибываетъ новыхъ 6 человекъ.

5. мая. — Дезинфекція нашего барака. Снова таскаемъ свои вещи то изъ барака то въ баракъ; эта работа заняла намъ цѣлое послѣ- обѣденное время. Мы какъ жида на пустынь таскаемся изъ шатра въ шатеръ, а Богъ вѣсть, сколько разъ еще придется намъ такъ скитаться, т. е. въ сущности толь- ко топтаться на мѣстѣ. Принима- емъ въ нашъ баракъ Григорія и Николая Галя и Федорка (лемковъ).

6. мая. — Снова 12 человекъ отправляются въ Граць, среди нихъ и о. Отто. Сегодня прибыва

етъ къ намъ санитарная комиссія для осмотра лагеря. Въ кантинѣ можно купить марки для писемъ, но при условіи покупки и бумаги для письма. Заказное письмо сто- итъ 74 геллера. Одинъ крестья- нинъ изъ Званивки (уѣздъ Кросно), хотя былъ освобожденъ, въ отча- яніи отъ полученныхъ имъ свѣдѣ- ній, бросился подъ поѣздъ, и лишь на другой день нашли его тѣло.

7. мая. — 89 людей изъ Те- резина прибыли утромъ и заняли II участокъ лагеря. Евстахій и Ро- манъ Макарь изъ Угерецъ Мине- ральныхъ посѣщаютъ о. Григорія Макара въ нашемъ баракѣ и раз- сказываютъ свои перипетіи. Къ намъ приходятъ знакомые и при- хожане о. Макара, которые были во второмъ, а послѣ въ 20-омъ ба- ракѣ. Транспортъ Терезинцевъ раз- дѣленъ на двѣ группы: одна интер- нированныхъ, которые должны оста- ться въ лагерѣ, а другая людей, которыхъ отправятъ въ разные города подъ надзоръ полиціи.

8. мая. — Второй участокъ изолированъ отъ перваго прово- лочной рѣшеткой и поставлены кругомъ него сторожевые посты. Снова прибываетъ комиссія во гла- вѣ съ генераломъ; о. Савула по- шель подъ карантинъ.

9. мая. — Воскресенье. Дождь весь день и понятно все время про- водимъ въ баракѣ. На обѣдъ да- ютъ по обыкновенію вареную рѣ- пу. Объявшись этой рѣпой, мы по- чувствовали тяжесть въ желудкѣ, вслѣдствіе которой почти всѣ пого- ловно легли спать, но и во снѣ рѣпа даетъ себя чувствовать такъ, что не- спящіе были вынуждены суетиться.

Многіе почти всю ночь не спали.

Почту разноситъ по лагерю ефрейторъ Мандль.

10. мая. — Генераль снова по- сѣщаетъ лагерь. Вдова Нестора Полянскаго хочетъ посѣтить до отъѣзда гробъ своего мужа, но власти не разрѣшили ей этого. За- прещается женамъ, мужьямъ и дѣ- тямъ молиться у гроба своихъ род- ныхъ передъ отъѣздомъ.

Имѣемъ новаго врача Полляч- ка (чеха). Врачъ Пистингеръ уѣз- жаетъ на фронтъ, онъ былъ до- вольно хорошій и врачъ и чело- вѣкъ и помогаль намъ сколько могъ. Петро Дидчикъ переходитъ въ госпиталь не заразныхъ болѣзней.

11. мая. Медицинскій осмотръ сегодня производятъ врачи: д-ръ Ляйакеръ и Поллячекъ. Сегодня уменьшено число порцій супа съ 28 на 8 на весь баракъ. На обѣдъ даютъ разваренную рыбу, цѣли- комъ не очищенную. Приѣзжаютъ въ лагерь два офицера польскихъ легіоновъ съ заданіемъ вербовать австрійскихъ и русскихъ поляковъ въ легіоны. Многихъ изъ интерни- рованныхъ уже вчера призывали къ воротамъ эти офицеры и пред- лагали имъ вступить въ легіоны.

Генераль разрѣшилъ читать газеты къ нашему общему удоволь- ствію, ибо это разрѣшеніе все та- ки подаетъ надежду, что въ буду- щемъ жизнь наша станетъ немно- го легче.

О. О - вичъ пользуясь этимъ разрѣшеніемъ беретъ старую га- зету, которую онъ читалъ нѣсколько разъ, выходитъ съ нею на площадь и, развернувъ ее съ торжествомъ-

щимъ видомъ, начинаетъ читать во всеуслышаніе. Военный судья допрашиваетъ „заподозрѣнныхъ“ или тамъ обвиненныхъ. О. Х.—къ читаетъ „Universum“, послѣ чего засыпаетъ сномъ праведнаго, не выпуская изъ рукъ экземпляра этого журнала. Подойдя къ нему, мы прочли заглавіе статьи, которую онъ читалъ. Оказалось, что это была статья „о модахъ“. Очевидно, что чтеніе такой поучительной статьи вліяетъ на мужчинъ пожилого возраста, благотворно убаюкивая ихъ ко сну.

Киселюкъ Романъ и вдова Полянская, идутъ подъ карантинъ, а Боюкъ и 40 терезинцевъ уѣзжаютъ въ Грацъ. Возлѣ ангаровъ для аэроплановъ власти устроили пекарню. Люди нашего барака употребляютъ въ разговорѣ часто слова: „хомикъ“ и „папа римская медвѣдикъ XVI“. Среди людей изъ Терезина находятся о. Пирогъ, студентъ Шуминскій, Кмицикевичъ и др. Крестьянинъ Барна заработалъ столько на стиркѣ бѣлья, что купилъ себѣ впервые въ жизни бинтъ на усы и надѣвъ его кичливо разгуливаетъ по площади съ засунутыми въ карманы руками. Тѣ, которымъ врачъ запретилъ давать мясной супъ, обсуждая это между собой, говорятъ: „Я могу обойтись безъ мясного супа, но почему меня исключили изъ списка получающихъ мясной супъ, не понимаю“. Ненормальный Стефанъ ухаживаетъ за толстой продавщицей булочной и за „Schwester“, чѣмъ привлочить толпу гуляющихъ въ неописуемое веселье.

12, мая. — Генераль осматри-

ваетъ бараки. Одинъ старый крестьянинъ проситъ его отпустить его въ виду его старости, съ сыномъ на свободу, отправивъ предварительно поды карантинъ. Генераль, выслушавъ его, обѣщаль разсмотрѣть его дѣло. Ободренный милостивымъ отношеніемъ генерала, старикъ гнусливымъ низкимъ голосомъ, по польски обращается къ генералу: „Ваша эссенція!“ „Чего хочешь?“ — спрашиваетъ генераль. „Врачъ не хочетъ дать мнѣ карточки на мясной супъ!“ Присутствующіе улыбнулись. Генераль махнулъ рукой и пошелъ дальше. Читаемъ газеты передъ баракомъ. М.—къ беретъ обычно за одиночное чтеніе газеты 70 гел. Иосеферта (поляка), посаженнаго на 4 мѣсяца въ одиночное заключеніе безъ объясненія причинъ и безъ слѣдствія, выпустили 11-го сего мѣсяца въ часть ночи и направили въ баракъ. Кицька въ 7 ч. утра привелъ по приказу властей, въ арестный баракъ Карела и Дудру. Утромъ холодно, но послѣ обѣда потеплѣло.

13. мая. — Дм. Качоръ заболѣлъ тифомъ. Во время ѣды хлѣба смазаннаго медомъ у меня сломался зубъ, къ счастью моему я во время это замѣтилъ и выплюнулъ его. Подъ карантинъ, оказываются, отправлены изъ нашего барака: Базаръ, Середа, Стефанъ Качмаръ, Коваль, отецъ о. Калиновича и др. Сборъ для большого Качора. Вечеромъ разговариваемъ съ Шуминскимъ, Романомъ Макаромъ и однимъ крестьяниномъ, который передалъ намъ фактъ преднамереннаго убійства постовымъ одного крестьянина. Нѣсколько мѣся-

цевъ тому назадъ рассказчикъ стоялъ поодаль отъ поста и видѣлъ, какъ къ постовому солдату подошелъ другой солдатъ и совѣтовалъ ему зажечь папиросу и бросить передъ проходящимъ той дорогой интернированнымъ крестьяниномъ, что постовой солдатъ немедля исполнилъ. Крестьянинъ, видя лежащую на землѣ зажженную папиросу, не смотря на то, что курить было запрещено, поднялъ ее и, конечно, сейчасъ сталъ ее курить. Этого только и ожидалъ солдатъ и, подбѣжавъ къ нему, прокололъ его штыкомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ! Въ настоящее время солдаты чехи къ намъ относятся гораздо снисходительнѣе, чѣмъ солдаты австрійцы.

Сегодня приняли мы въ нашъ баракъ лемковъ: дьяка Казимира Червинскаго, Гаврана и Олесневича. День жаркій. Возлѣ бараковъ занятыхъ людьми изъ Терезина торчитъ цѣлая толпа нашихъ, которыхъ чешскіе посты не отгоняютъ. Съ почтой нѣтъ порядка, ибо раздаютъ ее 5 человекъ. Играю въ шашки съ Федоркой.

14. мая. — Военный слѣдователь допрашиваетъ меня и о. Кирилла В. Мой протоколъ гласитъ: Феофиль Курилло, 23 лѣтъ отъ роду, гр.-католикъ, свободный, юристъ и практикантъ въ уѣздной польской судо-сберегательной кассѣ въ Горлицахъ, арестованъ въ Горлицахъ, на дому, однимъ изъ вахмистровъ жандармеріи „За что арестованъ?“ отвѣчаю: „не знаю причины, быть можетъ — Вамъ, господинъ судья, это извѣстно“. „Имѣете деньги?“ — „не имѣю, но

мой отецъ ихъ имѣетъ“. „Почему онъ сюда не явился?“ — „Потому, что не былъ призванъ“. „Ну такъ зовите его“. (Я призвалъ папашу). Судья тоже спрашиваетъ отца, такъ же его имя и фамилію, сколько лѣтъ, женатъ ли онъ, былъ ли поды слѣдствіемъ. Отецъ отвѣчаетъ, что въ Новомъ Санчѣ, былъ поды слѣдствіемъ, по причинѣ анонимнаго доноса. Изъ заподозрѣнныхъ только двумъ былъ объявленъ приговоръ: благочинному Сандовичу и его сыну Антону, которые и были разстрѣляны въ Новомъ Санчѣ, а остальные, въ виду появленія въ Н. Санчѣ холеры, были перевезены въ Талергофъ. Я былъ преданъ военному суду и, какъ видно, освобожденъ. Судья: „Сколько денегъ имѣете вы?“ Отецъ: „въ депозитѣ 400 кронъ и 130 кронъ мѣсячнаго жалованья“. Сегодня военный слѣдователь допрашиваетъ всѣхъ заподозрѣнныхъ изъ Перемышля, а изъ лемковъ только: д-ра Дм. Собина и его брата Михаила и еще нѣсколькихъ крестьянъ. Душная жара. Мы всѣ только въ рубашкахъ и штанахъ. На площади нѣкоторые собираютъ окурки брошенные на землю и, вытряхивая изъ мундштуковъ оставшіяся табакъ, сушатъ его и употребляютъ эту массу на изготовленіе новыхъ папиросъ. Утромъ, во время завтрака, можно видѣть цѣлую толпу голодныхъ людей, молящихъ о предоставленіи имъ остатковъ супа! Получившіе его хлебаютъ съ жадностью чисто звѣриной. Нѣкоторые покупаютъ, этотъ сильно разбавленный супъ по 4—10 гел. за кружку. Военный слѣдователь ут-

ромъ допрашивалъ Боруха, послѣ чего его переводятъ вмѣстѣ съ Крыжановскимъ, Кмицикевичемъ и Прислопской, въ 34-ый баракъ. Надъ Талергофомъ разразилась буря съ громомъ.

15. мая. — Безчеловѣчное обращеніе старшаго надзирателя арестнаго барака съ однимъ русскимъ интернированнымъ. Неизвѣстно, за что, билъ его палкой по спинѣ и рукамъ и на возраженія битаго ругалъ его (каналья, свинья и т. п.) и послѣ длительного истязанія, посадилъ его снова подъ арестъ.

Власти велятъ побѣлить извѣстную бараки извнѣ, а возлѣ нихъ устроить у стѣны грядки, борозды и посадить въ нихъ фасоль, дабы она, выросши, накрыла стѣны барака. Сильный дождь. Кригичъ (Kriegicz) вечеромъ отправляется въ Граць. Комиссія разсматриваетъ дѣло устройства часовни и спрашиваетъ священниковъ, какой они вѣры, ибо нѣмцамъ не было ничего извѣстно объ уніатахъ и они ихъ принимали до сихъ поръ за православныхъ.

16. мая. — Хлѣбъ пекутъ въ Талергофѣ, но онъ уже не тотъ, ибо къ мукѣ примѣшаны отруби и обрѣзки картофеля. Понятно, что многіе изъ насъ сильно болѣютъ послѣ принятія такой неудобоваримой пищи. Даже солдаты отказались брать свой паекъ въ видѣ этого хлѣба. Топить печку можно только въ опредѣленное время. Случилось, что кто-то въ баракѣ, послѣ того какъ поѣлъ этого Талергофскаго хлѣба, заболѣлъ желудкомъ, и ему нужно было приготовить горячую пищу, для чего

другой затопилъ печку и сталъ варить воду. Врачъ увидя дымъ изъ трубы нашего барака, сейчасъ прибылъ въ баракъ и, вызвавъ меня, какъ одного изъ комендантовъ барака, обѣщавъ подать рапортъ на меня, если подобное своеволие со стороны жителей барака еще разъ повторится. Читаю новопоявившійся юмористическій листокъ „Тезинская вошь“.

На обѣдъ, несмотря на жалобы генералу, всетаки подаютъ рѣпу и рѣпу. Встрѣчаю бывшаго гимназиста второго класса въ Яслѣ, Станчака. Разговариваю съ о. Калужняцкимъ по дѣлу вспомоществованія для большого Качора.

17. мая. — Даютъ одну булку недопеченнаго хлѣба на 5 человекъ. Хлѣбный голодъ господствуетъ во всемъ лагерѣ.

18. мая. — Работники поправляютъ дорогу за бараками. Жара ужасная. Послѣ сѣденія всенепременной рѣпы идемъ спать. Постоявой солдатъ побилъ до крови одного старика, три сына, котораго служили въ австрійской арміи и сражались на фронтѣ.

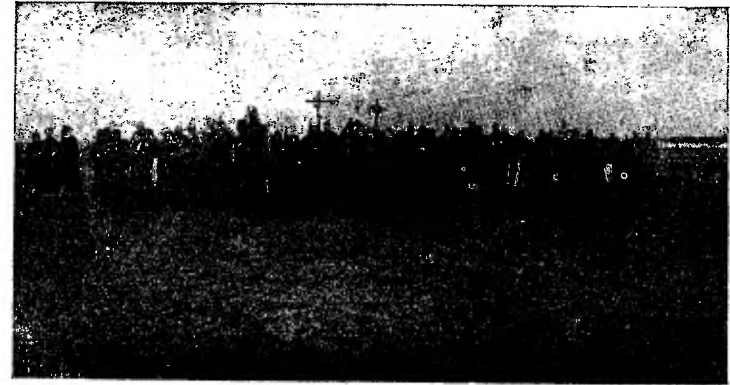
19. мая. — На меня и Кицьку подалъ Поллячекъ рапортъ, что въ баракѣ, несмотря на напомниманія, топлена въ печкѣ въ недозволенное время. Присутствующій при допросѣ офиціалъ Тымчакъ далъ о насъ коменданту лагеря благоприятный отзывъ, говоря, что мы лучшие коменданты въ цѣломъ лагерѣ. Въ виду этого отзыва комендантъ лагеря выразилъ надежду, что мы, какъ коменданты барака, будемъ стараться строго слѣдить за тѣмъ, чтобы обитатели барака

не топили печекъ въ недозволенное время, и отпустилъ насъ.

Къ рапорту представлены тоже были: д-ръ Собинъ и Прислопская. Главный комендантъ лагеря, (оберштъ) полковникъ, сегодня почему-то въ хорошемъ расположении духа. Пользуясь этимъ, о. Курилло идетъ къ нему и показываетъ недопеченный хлѣбъ. Увидя этотъ хлѣбъ, оберштъ немедля распорядился забрать у насъ этотъ хлѣбъ и выдать замѣсто него лучшей.

спрашиваетъ меня, что сказалъ мнѣ главный комендантъ (полковникъ), не похвалилъ ли меня. Въ отвѣтъ говорю ему, что полковникъ махнулъ рукой на его рапортъ и велѣлъ мнѣ идти въ баракъ.

Мандль абонируетъ: „Neue Freie Presse“, а о. Курилло: „Nowa Reforma“. О. Х. читаетъ лекцію дякамъ, сначала объ эмансипаціи женщинъ, потомъ о грамматикѣ и наконецъ о Шпицбергенѣ. П—ло сначала слушаетъ потомъ, встаетъ съ

Похоронная процессія

Одна булка хлѣба приходится на 4 человекъ. Вообще затрудненія въ полученіи хлѣба непродолимы. Только сегодня прибываютъ на дворяхъ баракъ инструкцію о многихъ обязанностяхъ и никакихъ правахъ для интернированныхъ. Узнаемъ, что Италія присоединяется къ коалиціи, враждебной Австріи. Говорятъ, что завтра будутъ допрошены 400 человекъ. 4-ый баракъ дезинфицируютъ.

20. мая. — Падастъ проливной дождь. Врачъ Поллячекъ ра-

мѣста, поправляетъ шляпу, гладитъ усы и, не оглядываясь, выходитъ изъ барака за нимъ удираютъ по одиночкѣ и остальные слушатели, „остается лишь одинъ Вербенець, но рѣчь уже идетъ о судахъ. У П—са много чемодановъ, чемоданчиковъ и коробочекъ. Кто-то въ его отсутствіи написалъ на нихъ: панталоны, подштанники, галстуки, воротники и прочее, какъ будто это была лавочка. Такъ какъ топить печку можно только въ опредѣленное время, то въ запрещенное

время варимъ себѣ чай, супъ и прочее на Примусѣ. Хлѣба получаемъ одну булку на 5 человекъ. Утромъ получаемъ мучной супъ (пшено рѣдко кто беретъ), на обѣдъ рѣпу, а наужи тѣ кофе. Въ нашемъ баракѣ помѣщается 120 людей. Вечеромъ мы всѣ идемъ гулять, но не надолго, ибо падаетъ дождь.

21. мая. — Первое упражненіе пожарной дружины подѣ руководствомъ ввводнаго (капрала) Ревса, и инструкція, какъ пользоваться пожарной трубой.

На обѣдъ гнилая рыба. Много бараконъ возвращаетъ ее обратно. Сопровождаю больного Паранича въ госпиталь. Въ амбулаторіи дѣлаютъ снимки. Хлѣбъ получаемъ только въ 4 ч. пополудни. Собираемъ деньги на уплату работникамъ въ баракахъ.

22. мая. — Покупаемъ въ банѣ. Папаша пишетъ письмо Сашѣ К., адресуя его на имя Перегинца (за согласіемъ тойже) черезъ Галацъ (Румынія) для передачи Сашѣ К., ибо всѣ наши письма къ ней были безъ отвѣта. Хлѣба получаемъ на 3 дня впередъ. На обѣдъ: картофельный супъ съ мясомъ неопредѣленнаго вида и вкуса. „Радца“ одѣваясь, цѣлуетъ каждую письменную вещь своего гардероба и также же уважительно, какъ эпитрахиль и фелонъ священникъ.

23. мая. — Первый день праздника св. Троицы. Бараки украшаются зеленью. По всѣмъ бараконъ священники правятъ утреню. Врачу заявляю, что подаваемый намъ супъ невозможенъ, на что онъ отвѣтилъ, что надо обратиться къ полковнику. На обѣдъ получаемъ

рисъ, а на завтракъ опять до того скверный супъ, что выливаемъ его въ сортиръ. Дипломатическія сношенія Австріи и Германіи съ Италіей прерваны. Хоръ Терезинцевъ подѣ регенствомъ Галушки поетъ хорошо. Сегодня не видно полета аэроплановъ. Проходя около луговъ, слышимъ стрекотанье кузнечиковъ и пѣніе жаворонковъ и вдыхаемъ въ себя живительный воздухъ, приносимый вѣтромъ съ Альпъ. По бараконъ завелось, кроме обычныхъ и вездѣсущихъ насекомыхъ, также много новыхъ, какъ напр. муравьевъ и др.

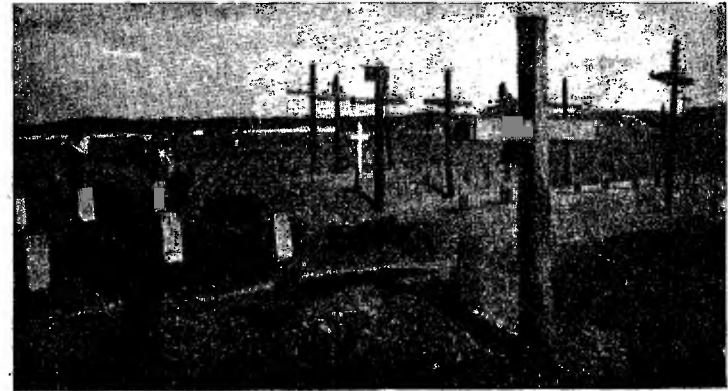
24. мая. — На обѣдъ даютъ неизмѣнную, возненавиженную рѣпу, а на ужинъ плохого качества фасоль. По случаю праздниковъ, газетъ не получаемъ. Послѣ обѣда старикъ Ч., лежа на кровати безъ сапогъ и сюртука, рассказываетъ желающимъ его слушать, какъ хорошо въ молодости онъ читалъ „Апостола“ въ церкви и какъ за это угощали его у себя благочинный и совѣтники. Эти разглагольствованія его были прерваны о. Вл. Мимъ, ибо не давали ему спать; большинство людей уже спитъ, другіе играютъ „въ дураки“, иные же молятся или пишутъ домой письма, даже втихомолку поплакивая и всхлипывая. Распря Богдана Км. съ Добіей. У Богд. Км. проиводятъ ревизию и наказываютъ его одиночнымъ заключеніемъ. На другой день Богд. Км., допрошенный Тымчей, выпущенъ изъ подѣ ареста, ибо признанъ невиновнымъ.

25. и 26. мая. — Слѣдственная власти допрашиваютъ нѣкоторыхъ. Получаемъ сегодня на обѣдъ

картофельный супъ и рисъ. Въ лагерѣ мало хлѣба, мы его не только не получили, но даже не можемъ за деньги достать. Вышло приказаніе, дабы тѣ изъ поляковъ, которые не ходили къ допросу, явились въ часъ дня, у воротъ лагера, для допроса. До сихъ поръ всякую корреспонденцію передавали мы Уейскому, Мандлю, Папаріи и двумъ постовымъ, и часто наши письма не доходили по адресу, теперь же бросаемъ корреспонденцію

кой, поетъ удивительно хорошо. Вижу здѣсь о. о. Феленчака, Пи. Пирога и прочихъ.

Часть людей изъ карантиннаго барака уѣзжаетъ домой на свой собственный счетъ, въ ихъ числѣ: Стефанъ Криницкій. Священникамъ выплачиваютъ жалованье. Прошу врача, чтобы велѣлъ давать одинъ хлѣбъ на 4 ч. повѣка, такъ какъ хлѣба, который выдаютъ, не хватаетъ, на что получилъ отвѣтъ, что это невозможно ибо, и мирное

Кладбище „подѣ соснами“.

въ почтовый ящикъ. Одного человека, который сошелъ съ ума вслѣдствіе долгаго одиночнаго заключенія, отправили къ врачу въ Грацъ. 50 человекъ изъ Терезина уѣхали въ Грацъ. Карантинъ наложенный на Терезинскій отдѣлъ отиѣненъ. 27. мая. — Мой первый визитъ у Романа и Евстахія Макаровъ, которые прибыли изъ Терезина. Хоръ; управляемый Галуш-

населеніе имперіи не получаетъ больше хлѣба. Получаю на весь баракъ 3 куска мыла и нѣсколько др. вещей.

28. мая. — Получаемъ хлѣбъ, представляющій смѣсь муки, деревянныхъ опилокъ пыли всякихъ др. неудобоваримыхъ примѣсей. Этотъ хлѣбъ вызываетъ у насъ боли въ желудкѣ и головную боль. Генераль пріѣзжаетъ ревизовать ла-

герь. Онъ милостиво принимаетъ всѣ жалобы. Бараки бѣлятъ извнѣ извѣстью. Гвоздевскій показываетъ генералу хлѣбъ. Штирія объявлена на военномъ положеніи. Хлѣбъ сталъ дороже на 4 геллера. Въ баракахъ заведены посты пожарной стражи.

29. мая. — Даютъ на два дня впередъ горькій хлѣбъ. Всю ночь падалъ дождь. Переводятъ изъ нашего барака 9 человекъ въ 19-ый баракъ, въ числѣ ихъ: Сеньку Брунарскаго и Червинскаго. Иностранцевъ Круля и Вуйчика переводятъ въ 10-ый баракъ. Тѣхъ, которые были подъ карантиномъ, вмѣсто того чтобы выпустить на свободу, вновь, безъ объясненія причинъ, помѣстили въ бараки, задержавъ ихъ освобожденіе на неопредѣленное время (Befehl ist Befehl!) Получаемъ журналъ „Universum“, за 3 кроны. Возлѣ кантины (лавки) устроили фонтанъ. Изъ газетъ имѣемъ: Neue Freie Presse, „Grazter Tageblatt“ и „Курьеръ Вѣнскій“.

30. мая. — Воскресенье. Утромъ прибыла новая партія интернированныхъ, числомъ 500 человекъ, изъ разныхъ городовъ. Среди нихъ православный священникъ Гудима изъ Вейнберга и нѣсколько крестьянъ изъ грибовскаго и другихъ уѣздовъ. Ихъ размѣстили частью въ трехъ карантинныхъ баракахъ, частью въ баракахъ №№ 31, 32 и 33. Пелагея Сандовичъ распрашиваетъ о. Гудиму про его жену. До 28. с м., интернированныхъ въ Талергофскомъ лагерѣ насчитывалось 5.164 человекъ. Однихъ булочниковъ (пекарей) было 40 человекъ. Кофе не получаемъ, ибо

его нѣтъ. Получаемъ лишь прескверный супъ, отъ котораго у многихъ появился поносъ.

31. мая. — 88 поляковъ, русскихъ подданныхъ, переводятъ въ Штейнклямъ (нижняя Австрія). Хлѣбъ получаемъ вечеромъ. Дождь падаетъ довольно часто. На площади огласили власти фамиліи тѣхъ, которыхъ уже давно одержать въ Талергофскомъ лагерѣ, но не объяснили причины такого оглашенія. Одинъ старикъ изъ Мостискъ житель 7-го барака задохся въ банѣ, видно любилъ сильно попариться. Изъ за этого всѣ работники бани призваны къ рапорту.

Июнь 1915 г.

1. июня. — Я изучалъ законы, но прихожу къ заключенію, что изучать ихъ не стоитъ, ибо здѣсь въ лагерѣ нѣтъ законовъ, а лишь своеволие властей и сплошное беззаконіе. Читаю газеты. 50 терезинцевъ выѣхали на свой счетъ въ Граць. На баракъ прислано 3 килограмма мыла. Позже идемъ купаться.

2. июня. — Утромъ слѣдственные власти допрашиваютъ интернированныхъ изъ слѣд. уѣздовъ: Новый Санчъ, Горлицы, Грибовъ, Ясло и Броды. Михаилъ Дудыкъ и Трѣмбачъ, арестованные, заспали въ арестъ такъ, что надзиратель послѣ 8 ч. утра засталъ ихъ спящими. Вслѣдствіе этого онъ пожаловался полковнику, что они не исполнили приказа вставать до 8 час. утра. Полковникъ сдѣлалъ имъ выговоръ и выразилъ надежду, что впередъ они этого не сдѣлаютъ.

Упражненія пожарной дружины на случай пожара. Лемкамъ почта доставила 15 посылокъ. Мандль раздаетъ ихъ вмѣстѣ съ корреспонденціей, возлѣ нашего барака. Утромъ получаемъ давно ожидаемый кофе, въ которомъ было больше желудей, ржи и т. п. вещей, чѣмъ настоящаго кофе. 8 человекъ, среди которыхъ Полянская, о. Дыгдаевичъ и о. Савула освобождены, и отправляются въ Граць. Хлѣбъ до того скверный, что никто изъ насъ не принимаетъ его. Еще 80 человекъ освобождены и уѣзжаютъ.

3. июня. — Прибыло 300 человекъ интернированныхъ въ Талергофъ. Знакомлюсь съ Тустановичемъ. Изъ Сандецкаго уѣзда прибылъ лишь одинъ крестьянинъ и нѣсколько женщинъ изъ Ростоки; изъ Горлицкаго уѣзда тоже нѣсколько крестьянъ. Въ транспортѣ этомъ много женщинъ. Вещи ихъ доставлены въ лагерь на телѣгахъ. На площади слышится рѣчь польская, цыганская и румынская, но преимущественно раздается русская рѣчь. Впервые ѣдимъ салатъ.

4. июня. — Прибылъ транспортъ русскихъ военнопленныхъ. Васильевичъ изъ 30-го барака, по моей просьбѣ, стрижетъ теперь людей нашего барака, но подъ условіемъ, что за это кто-нибудь изъ нашего барака сыграетъ съ нимъ въ шахматы. Власти перемѣщаютъ людей изъ одного въ другой баракъ, какъ будто пѣшки на шахматной доскѣ. Вслѣдствіе этого Жолкевичъ, Киселюкъ и прочіе переходятъ въ баракъ А. Людямъ транспорта изъ Гейнбурга не назначено карантина

и разрѣшено свободно гулять на площади. Полуумный Стефанъ изъ Бережанскаго уѣзда чуть было не убилъ одного крестьянина за то, что тотъ дразнилъ его. Когда шелъ взводъ солдатъ, мы всегда уступали ему мѣсто, а Стефанъ шелъ всегда на прямикъ, за что получалъ изрядные побои, ибо мѣшалъ взводу итти. Вахмелевскій идетъ подъ карантинъ въ 15-ый баракъ.

5. июня. — Перемышль взяты австрійцами. Большому Качору приношу хлѣбъ и деньги. Нашъ баракъ покидаютъ: о. Оришкевичъ, о. Дикій, Мизераки отецъ и сынъ, Мазуръ и др. Ужасно жарко. Вечеромъ приходитъ пьяный взводный (капралъ) и велитъ очистить грядку фасоли передъ нашимъ баракомъ, на мое заявленіе, что нѣтъ ни лопаты ни другаго подобнаго орудья для этой работы, получаю отвѣтъ, что Адамъ и Ева не имѣли подобныхъ орудій, а все таки умѣли взрыхлять землю.

6. июня. — Воскресенье. Получаемъ отъ о. Отто открытку съ дороги. Видно, онъ не забываетъ насъ. Почту раздаютъ уже 4-ый день возлѣ нашего барака. На почтамтѣ Пунтигамъ задерживаютъ посылки съ съѣстными припасами, такъ долго, что наши люди получаютъ ихъ испорченными. Въ лавкѣ можно приобрести салатъ и содовую воду. Внутри въ часовнѣ пишутъ иконы и красятъ иконостасъ. Романъ и Евстахій Макары живутъ въ нашемъ баракѣ. Жара ужасная, 27° по Реомюру. Многихъ изъ Терезинцевъ высылаютъ власти въ Граць на свободу. Сегодня даютъ на завтракъ супъ изъ немы

той фасоли, на обѣдъ картофельный супъ съ мясомъ, какъ поговариваютъ, старой лошади, а на ужинъ совсѣмъ скверный супъ неподѣленного вкуса и цвѣта.

8. іюня. — Въ 4 ч. пополудни температура достигаетъ 27° по Реомюру. Лысенко уже самъ моетъ свое бѣлье. Въ ангарахъ находятся аэропланы, которые совершаютъ полеты только утромъ и вечеромъ, днемъ же вслѣдствіе жары этого не дѣлаютъ. Кто-то изъ нашего барака получилъ списокъ раненыхъ и убитыхъ на фронтѣ. Всѣ просматриваютъ его, нѣтъ ли тамъ родныхъ или знакомыхъ. Хитрый, хвастливый и вѣчно довольный собой Дизіо М. сидитъ одѣтый въ кожаную и жалуется на страшную жару. Кто-то совѣтуетъ ему сбросить кожаную, но получаетъ отъ него отвѣтъ, что безъ кожаныхъ онъ обойтись не можетъ и такъ бы скучалъ за ними и себя грызъ, что умеръ бы, и такъ кожаная и не снялъ. О. Макарь, Хилякъ и другіе играютъ въ преферансъ, иные читаютъ газеты или бесѣдуютъ между собой. Впервые мы узнали о смерти двоихъ дѣтей о. Игнатія Мохнацкаго изъ Войтковой.

Абитуриентъ Теофилъ, заподозренный въ шпионствѣ въ пользу Россіи, повѣшенъ 18. января 1915 года, на рынкѣ въ Грибовѣ, а Марія звѣрски убита на улицѣ въ Перемышлѣ 15. сентября 1914 года. Число невинныхъ жертвъ австрійскаго террора все увеличивается. Изъ Криницы пишутъ, что вербуютъ дѣвицъ въ сестры милосердія австрійскаго Краснаго Креста. Муравья насъ прямо таки преслѣ-

дуютъ, ихъ всюду въ баракѣ полно. Съ 11 ч. утра до 5 ч. по полудни на улицахъ лагеря почти не видно людей. Всѣ жители прячутся по баракамъ и лежатъ почти раздѣтые, до того жарко. Михайль Нестеракъ идетъ подъ карантинъ. Покидаетъ лагерь 35 человекъ.

9. іюня. — Въ 12 ч. температура доходитъ до 26°. Поваръ присылаетъ мясо изъ кухни и велитъ его дѣлить въ баракѣ на порціи. Ссора въ кухнѣ съ поваренкомъ. Дьякъ Дуфанецъ идетъ въ солдаты въ Новый Санчъ. Сегодня вышло въ Граць около 20 чел. Въ нашемъ баракѣ находится 101 человекъ. Прибываетъ транспортъ въ числѣ 25 человекъ изъ окрестностей Коломыи. Тымчакъ велитъ мнѣ писать протоколы дознаній.

Одинъ изъ только что прибывшихъ интернированныхъ на вопросъ, за что его арестовали, отвѣтилъ, что одолжилъ какому-то товарищу прокурора суда что-то около 18 кронъ и встрѣтя его на улицѣ, просилъ его отдать ему долгъ. Товарищъ прокурора не только не отдалъ денегъ, но приказалъ еще доставить его въ Талергофъ, какъ неблагонадежнаго. Г-жу Рубингеръ взяли за то, что она, будучи хозяйкой у настоятеля прихода, разговаривала съ о. Левицкимъ, недавно выпущеннымъ на свободу изъ Талергофскаго лагеря и возвратившимся домой.

Теодоръ Мохнацкій, о. Сенникъ, Дм. Вислоцкій, Андрейко, Гнатышаки (кромѣ Ореста), Мащакъ, Іоанна Дуркотъ и др., идутъ подъ

карантинъ, послѣ котораго отправляютъ ихъ въ Вѣну, подъ судъ. Зубъ разболѣлся, а дентиста нѣтъ, его обяжанности исполняетъ поварь! Волей-неволей иду къ нему. Онъ ткнулъ мнѣ въ ротъ какую-то свою пачкатню и велѣлъ уплатить за это двѣ кроны

10. іюня. — Работники изъ нашей братіи работали весь день не смотря на нестерпимую жару, подгоняемые кнутами сторожащихъ постовыхъ. Они исправляли дороги, носили на спиги дрова отъ станціи желѣзной дороги въ лагерь, или же выкапывали камни, то какъ невольники тянули везы, то трамбуящій дорожки валь. Эти несчастные даже не имѣютъ цѣлаго платья, а отдыхъ имъ даютъ только на часъ или два, когда нестерпимая жара даетъ себя больно чувствовать и сторожащимъ ихъ людямъ. Бѣду получаютъ очень скучную и потому, если не имѣютъ своихъ денегъ, положительно умираютъ съ голоду. Почту получаютъ неисправно, а пакеты съ испорченными съѣстными припасами. Сортиръ распространяетъ ужасную вонь.

11 іюня. Жарко. Качоръ находится въ 7-омъ баракѣ, а Юречко изъ Новаго Санча въ 19-омъ. Сегодня дежурятъ въ кухнѣ изъ нашего барака Максимовичъ и Пирогъ. Каждый въ баракѣ получаетъ отдѣльно порцію мяса и отдѣльно порцію супа. Такой порядокъ заведенъ по приказанію властей, дабы прекратить воровство немецкихъ поваровъ. На карантинѣ, гдѣ находится о. Дикій, появи-

лись два роя пчелъ, которые были пойманы и помѣщены въ ульи.

Постовые солдаты спокойно смотрѣли и даже выражали по этому поводу радость. Русскіе плѣнные пекутъ хлѣбъ качества значительно лучшаго, чѣмъ наши пекари — „баброши“. Въ кантинѣ берутъ: за 10 гр. „брынды“ (спеціального сорта сухой творогъ) 5 гел., за головку попорченнаго салата 14 гел. и за вязанку луку — 60 гел. Читаютъ акты судопроизводства по дѣлу ссоры Кмицикевича и Доби въ полюбовномъ судѣ, въ которомъ членами состояли д-ръ Орестъ Гнатышакъ, о. Мащакъ, о. Кислевскій, д-ръ Могильницкій и д-ръ Саноцкій. О. Жолкевичъ уѣзжаетъ въ Лейбницъ. Михайль Нестеракъ рассказываетъ мнѣ, что постовые солдаты 2 и 3 участковъ бьютъ нашихъ крестьянъ по лицу.

12. іюня. — Поваръ „пломбируетъ“ мнѣ зубъ. Около 600 человекъ, преимущественно изъ терезинскаго транспорта, взяты на работы. Жители трехъ бараконъ А, Б и Ц (А, В С) отправлены въ Гминденъ, остается только Ивашкевичъ. Вело дѣлать порядки въ нашемъ баракѣ; утромъ выносятъ кровати, моютъ полъ и окна и раздаю людямъ нафталинъ, какъ средство противъ вшей, отъ которыхъ нѣтъ спасенія. Власти приказываютъ явиться тѣмъ, которые служили на военной службѣ, но не перешли 42-лѣтняго возраста.

Власти разрѣшаютъ итти около 70 человекъ въ 6 час. на кладбище, гдѣ о. Влад. Венгриновичъ совершаетъ панихиду по усопшимъ

Хоръ поетъ подъ управленіемъ Галушки. Веземъ гробы одного русскаго солдата и остальныхъ австрійскихъ солдатъ; послѣдніе гробы украшены деревянными крестами.

Между похороненными находится самоубійца, австрійскій солдатъ; о причинѣ его самоубійства многіе разно толкуютъ, но настоящая причина не извѣстна. Одни говорятъ, что души проколотыхъ и убитыхъ имъ интернированныхъ не давали ему спать; другіе, что онъ не могъ больше смотрѣть на талергофскій адъ, и потому жизнь ему опротивѣла, а иные еще что-то, да мало ли тутъ всякихъ причинъ?

Мы воспользовались разрѣшеніемъ выхода за ограду лагеря и гуляемъ въ основномъ лѣсу, воздухъ котораго благотворно вліяетъ на насъ и подкрѣпленные возвращаемся черезъ Карльсдорфъ въ лагерь. Впервые послѣ 10-мѣсячнаго заключенія шли мы черезъ штирійскую деревню, возлѣ Талергофа, конечно, сопровождаемые солдатами со штыками. Хлѣбъ выдано намъ на 2 дня впередъ. Григорію Галю изъ Лосья пропало на почтѣ 50 кронъ, высланныхъ ему изъ его родныхъ мѣстъ.

13. іюня. — Совмѣстно съ отцемъ составляю родословную таблицу нѣсколькихъ семействъ Лемковщины. Военныя власти берутъ на военную службу: д-ра Собина и др. 90 человекъ, которыхъ временно помѣщаютъ въ 32-омъ баракѣ. Д-ръ Собинъ переводится со всѣми. Власти переводятъ въ карантинный баракъ до 400 человекъ,

изъ нашего барака 10 человекъ, среди которыхъ: Бенька, Кошку, Бурдяка, Школьника, а изъ 4-го: Головку, Собоцицкаго и др. людей, изъ уѣздовъ Ярославскаго и сосѣднихъ. Всѣ прощаются; плачутъ, причитаютъ и даже стонутъ. Крики раздаются со всѣхъ сторонъ. Всѣ скопляются возлѣ бани.

Посѣщаю выздоравливающаго Дм. Качора, который, чувствуя себя очень слабымъ, лежитъ неподвижно на нарахъ. Я убѣждаю его, если еще сможетъ, гулять по площади, на солнцѣ. Послѣ же съ больнымъ Трембачемъ изъ Лосья иду въ аптеку уже въ третій разъ за глазнымъ лекарствомъ. Получаемъ супъ, что-то вродѣ лемковской „киселицы“ овсянки. Супъ этотъ единодушно прозвали мы „гальопка“, что значитъ „бѣги отъ него галопомъ“.

На товарныхъ самоходахъ летики, увозя испорченный аэропланъ, уѣзжаютъ и при этомъ поютъ пѣсни. Вслѣдъ за ними идетъ толпа людей, около 100 человекъ, выпущенныхъ на свободу. Среди нихъ вижу: Червинскаго, Петра Брунарскаго и др. Идетъ проливной дождь.

Въ нашемъ баракѣ насчитывается теперь всего 93 человека. На весь баракъ получено 3 килограмма мыла. Писаремъ нашего барака состоитъ Лысенко, ибо „радца“ получилъ постъ комендантанта 1 участка. Передъ обѣдомъ выѣхало въ Грацъ еще нѣсколько человекъ.

14. іюня. — Ночью шелъ проливной дождь. Изъ Кракова прибыло 25 человекъ, а изъ Криницы: Ольга и Марія Гнатышакъ. Туста-

новичъ помѣщенъ въ нашъ баракъ. О. Василий Курилло, философъ Пегринецъ, о. Діон. Мохнацкій, Бандровскій, Блицакъ и я, переходимъ въ 21 ый баракъ, который на первый взглядъ уютнѣе и удобнѣе прежняго барака. Чувствую себя очень утомленнымъ и стараюсь отдохнуть, а впрочемъ, все — отдыхъ. Бекерскій сердечно прощается съ нами, не забывая своей привычки

„гдѣ живутъ здѣсь дѣвки?“ „я не знаю, гдѣ подобныя созданія обитаютъ“, отвѣчаю я и обратно иду въ баракъ. День сегодня теплый и пріятный. Концертъ Гринберга.

16. іюня. — Прозабатели нашего барака идутъ купаться. Ночью, почти съ разсвѣтомъ, прибыло 25 человекъ изъ Дрогобычскаго уѣзда. О. Гнатышакъ пріѣхалъ изъ Граца. Упражненія пожарной дру-

Панихида на могилѣ о. Олимпія Полянскаго.

потчиванія насъ нюхательнымъ табакомъ, съ низкимъ поклономъ.

15. іюня. — Ночью приморозокъ. Комендантомъ барака состоитъ о. Козиневичъ. Въ баракѣ есть два отдѣленія. О. Вахнянинъ заказываетъ въ Грацѣ три книги. На почтѣ все таки безпорядки. Дежурю въ баракѣ съ 12 ч. ночи до 6 час: утра. Одинъ пьяный солдатъ ночью зоветъ меня и спрашиваетъ:

„Исправляютъ 22-ой баракъ, а его жителей временно, до окончанія починки, распредѣляютъ по сосѣднимъ баракамъ. Мих. Собинъ исполняетъ обязанности раздѣляющаго въ баракѣ порціи. Слѣдственные власти допрашиваютъ лемковъ изъ горлицкаго, сандецкаго и грибовскаго уѣздовъ. Федорко, студентъ академіи художествъ, напишетъ довольно удачно портретъ

О. Василя Курилло. Я уже со дня приѣзда въ Талергофъ переведенъ въ десятый по счету баракъ. Почта доставляетъ въ лагерь много денежных переводовъ на имя интернированныхъ. Эти деньги даютъ возможность покупать съѣстные припасы и одежду. Не будь этихъ денегъ, смертность въ лагерьъ возросла бы до страшныхъ размѣровъ.

17. іюня. — Михаилъ Максимчакъ, Поруцѣдло и др. „добровольцы“ переходятъ въ III баракъ. Сегодня утромъ выпущено на свободу 100 человекъ. День хорошій. Тымчакъ назначилъ меня секретаремъ въ свою канцелярію. Составляю протоколы и ежедневные списки для двухъ госпиталей.

18. іюня. — Власти принуждаютъ насъ записываться въ пожарную дружину. Продолжаютъ допрашивать крестьянъ — лемковъ. Больше писать не могу, ибо поранилъ палець. Врачъ третьяго участка Вейссъ смазалъ мой палець іодомъ, облилъ рану іодной настойкой и наложилъ на него пластырь.

19. іюня. — Велѣно собирать въ нашемъ баракѣ по 10 гел. съ человека на уплату прислугъ барака.

20. іюня. — Цѣлый день льетъ дождь ливнемъ. Ночью съ транспортомъ интернированныхъ прибылъ о. Іоаннъ Руссинякъ, парохъ изъ Королевой русской (уѣздъ Грибовъ) и др. Отъ прибывшихъ узнали, что въ клиникѣ въ Вѣнѣ скончался преподаватель гимназіи въ отставку Иванъ Черкавскій, бѣженецъ изъ Галичины.

21. іюня. — Изъ Америки приходятъ деньги на руки Собины для разда-

чи лемкамъ. 150 человекъ отправлены подъ карантинъ. Посѣщаю о. Дикаго и о. Хомина. О. Руссинякъ переходитъ во 23-ій баракъ. Здѣсь совершаетъ обѣдню и читаетъ молитвы до и послѣ ѣды о. Полянскій. Тымчакъ возвратился изъ Граца только въ 9 ч. вечера. Онъ получилъ телеграмму переводящую его въ Перемышль. Прощаясь со мной, онъ оставилъ мнѣ на память пузырьки красныхъ и зеленыхъ чернилъ.

22. іюня. — Въ 3-мъ участкѣ пищу даютъ лучшую, чѣмъ въ первомъ и даже во время жары орошаютъ землю водой. Снова прибыло въ лагерь 45 человекъ изъ Ярославскаго и Дрогобычскаго уѣздовъ. Одна партія изъ подъ карантина уѣзжаетъ въ Граць. Въ лагерь можно купить пустигальское пиво по 30 гел. за бутылку и конденсированное молоко въ жестякахъ.

23. іюня. — Жарко. Въ пожарную команду вербуютъ насильственно и заставляютъ вести ежедневно упражненія во время жары до 6 ч. вечера, поэтому я удираю въ 6-ой баракъ и торчу тамъ до 3½ часовъ. Должность Тымчака принялъ судья Величковскій. Допрашиваютъ: Якова Вислоцкаго, о. Гумецкаго, о. Василя Дорика, о. Милянчица и др. О. Милянчица приговорили къ двухгодичному тюремному заключенію. Сегодня скончался Іосафатъ Крулевскій, служащій „Лемк. Кассы“ изъ Лѣщинъ, горлицкаго уѣзда. Онъ заболѣлъ тифомъ и лежалъ въ изолированномъ баракѣ. Подъ вліяніемъ жара, въ бреду, онъ хотѣлъ удрать изъ барака и выбѣжалъ, постовой сол-

датъ окликнулъ его, но тотъ продолжалъ бѣжать, тогда солдатъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ выстрѣлилъ въ него и убилъ его. Такъ скончался тихій а ревностный патріотъ.

300 работниковъ должны выѣхать въ Австрію на работы, ожидаютъ только агента. Сегодня выдаютъ намъ фасоль и кукурузянку. Въ баракѣ, какъ обыкновенно, одни играютъ или въ карты или

О. Киселевскій совершаетъ панихиду при участіи хора. 55 лѣтнихъ мужчинъ переводятъ въ 19-ый баракъ, а людей до 53-го года наряжаютъ всѣхъ въ „добровольцы“. Іосефертъ передаетъ намъ, что Кюжикъ взять въ солдаты, а его же не выпустили на свободу.

25. іюня. — Сегодня идемъ купаться. Возлѣ сортира строятъ новые бараки. Берутъ въ солдаты интернированныхъ.

Послѣ похоронъ.

въ шахматы, другіе варятъ чай или супъ собственнаго изобрѣтенія, а третьи курятъ папиросы и бесѣдуютъ о чемъ-то или просто раздумываютъ. Бл. ѣсть кукурузянку и запиваетъ ее кофе. Чашка кофе въ лагерьъ стоитъ 24 гел. Работники копаютъ землю за воротами. Изъ Перемышля прибылъ транспортъ въ 50 человекъ.

24. іюня. — 2 сотни людей отправляются на кладбище „подъ соснами“, помолиться за усопшихъ,

26. іюня. — Составляю списокъ лемковъ горлицкаго уѣзда, подлежащихъ отбыванію воинской повинности. Вечеромъ получаемъ супъ съ картофелемъ и капустой. Опять переселеніе, изъ шестого барака всѣхъ въ 20-ый, а всѣхъ изъ 20-го въ 22-ой. Для чего такое перебрасываніе людей изъ одного барака въ другой, не известно. Оберлейтенантъ допрашиваетъ всѣхъ тѣхъ, которые покупаютъ табакъ у Дейтшера. Онъ слышитъ

комъ поздно взялся за раслѣдова-
ніе этого дѣла, ибо много важныхъ
свидѣтелей уже покинуло Талер-
гофъ. Въ баракѣ производимъ чи-
стку вещей, пола и т. п. Вечеромъ
запрещено въ цѣломъ лагерѣ за-
жигать огни и лампы, видимо опа-
саются полета неприятельскихъ аэ-
роплановъ. Ночью буря.

27. іюня. — Составляю спи-
сокъ новобранцевъ изъ шести уѣз-
довъ. Феленчакъ приходитъ въ
нашъ баракъ. Приводятъ въ поря-
докъ шесть бараконъ, вѣроятно
для новыхъ интернированныхъ.

28. іюня. — Ночью идетъ дождь,
утромъ воздухъ чистъ и свѣжъ.
Годовщина смерти Фердинанда, на
наслѣдника австрійскаго престола.
Панихида возлѣ церкви. У О. К.
развелась страсть къ словопрені-
ямъ, онъ очень радъ, если его слу-
шаютъ. Повторяя нѣсколько разъ

свой выводъ или взглядъ, онъ го-
воритъ своему слушателю, „слу-
шайте, но вѣдь не въ этомъ дѣло“
и дальше развиваетъ прямо про-
тивоположный взглядъ, на что слу-
шатель даетъ отвѣтъ: жаль что
батюшка учился богословію, а не
юриспруденціи, сталъ бы хорошимъ
адвокатомъ, ибо ловко орудуетъ
софистикой. Гуляетъ онъ обыкно-
венно въ одной бѣлой рубахѣ (не
застегнутой у воротника) съ от-
крытой грудью и не застегнутыми
рукавами, которые на воздухѣ при
каждомъ его движеніи болтаются.
Руки держитъ обыкновенно въ кар-
манахъ. Въ разговорѣ, употребляетъ
выраженіе „Знаете, ибо это
знаете“. Этотъ священникъ неболь-
шого роста, сѣдой, съ краснымъ,
вздернутымъ носомъ былъ въ свое
время благочиннымъ на Лемковщи-
нѣ и дѣлалъ много пользы народу.

Лемковщина въ Талергофѣ.

Редакціей Талергофскаго Альманаха собираются матеріалы для составленія возмож-
но полного списка всѣхъ узниковъ Талергофскаго лагеря. Покаместъ помѣщаемъ
списокъ Талергофскихъ мучениковъ-лемковъ, съ обозначеніемъ даты смерти тѣхъ,
которые умерли въ Талергофѣ.

Высова — п. тамъ же.

Сивакъ Григорій.
Демянчикъ Θεодосій, ум. 24. 3. 1915.
„ Андрей, 5. 3. 1915.
Бабаракъ Стефанъ
Курилло. Мефодій, ум. 22. 1. 1915.
„ Яковъ, ум. 18. 2. 1915.
Фаренць Іоаннъ
Вариха Григорій
Касперъ Лука
Коваль Алексѣй, ум. 27. 1. 1915
Яцевичъ Симеонъ
Дулина Михаилъ

Дрекслеръ Захарія
Гатала Іоаннъ, ум. 24. 2. 1915
Кристиничъ Яковъ
Ясьоновскій, огородникъ
Петришинъ Алексѣй
Васильчакъ Георгій
Коблошъ Павелъ
Лабашъ Θεодоръ
Куликъ Георгій, ум. 27. 1. 1915
Свѣменовскій Іоаннъ, ум. 13. 2. 1915

Регетовъ-Выжній, пов. Гладышевъ
Павчакъ Θεодоръ
Дзюбакъ Василій

Курьякъ Симеонъ
Лабуда Кириллъ
Газда Іоаннъ
Шелецкій Климентій
Морохъ Михаилъ
Забавскій Николай
Барновичъ Макарій
Тезбиръ Михаилъ
Морохъ Алексѣй
Гайдошъ Константинъ, ум. 5. 2. 1915
Морохъ Кондратъ
„ Матвій
Тезбиръ Симеонъ

Регетовъ Нижній, пов. Гладышевъ

Кода Несторъ
Сысакъ Эмилянъ
Билианскій Іоаннъ
Дзедранъ Константинъ
Корънь Симеонъ
Дзедранъ Петръ
Подлипчакъ Спиридонъ
Корънь Іоаннъ
Обухъ Іоаннъ
Соколичъ Михаилъ
Тутко Θεодоръ
Фецяшко Онуфрій
Обухъ Захарій
Дудычъ Левъ
Вѣльха Григорій
Пеньковичъ Θεодоръ
„ Лука
Тутко Симеонъ, ум. 3. 2. 1915
Губякъ Димитрій, 22. 2. 1915

Скиртно, п. Устьѣ Русске.

Гибей Іоаннъ
Тыма „
Станчакъ Павелъ
Дзѣмбулякъ Іосифъ
Обухъ Марко
Лазорко Павелъ
Крайнякъ Авксентій
Клапъ Даниль
Катроничъ Климентій
Суличъ Миронъ
Сапоко Θεодоръ
Дуда Григорій
Кода Іоаннъ

Бѣлянка, п. Шимбаркъ.

Забавскій Лука, ум. 3. 2. 1915
Зарето Антоній, ум. 3. 2. 1915
Тыма Даниль, ум. 5. 2. 1915
Лабовскій Іоаннъ
„ Никодимъ
„ Самуиль
„ Іоаннъ
Стефановскій Григорій
Дутка Іоаннъ
„ Александръ
Руссинякъ Михаилъ
„ Іоаннъ
Шпакъ Марко
Дзвончикъ Петръ
Чупикъ „
Руссинякъ Іоаннъ

Чорне, п. Незнаева.

Ванько Лука
„ Іоаннъ
Китчакъ Θεодоръ
Байса Петръ
Прислопскій Петръ
Гривна Эмилянъ учитель въ Гладышовѣ
Войса Михаилъ
Валько Лука
Роззелскій Іосифъ
Байса Даниль
Ванько Лука, дякъ
Шевчикъ Іоаннъ
Гйба Петръ
Лыгакъ Іоаннъ
Баволякъ „
Барна „
Прислопскій Лука
Хованецъ Θεодоръ, ум. 4. 3. 1915

Долге, п. Незнаева.

Сабатовичъ Θεодоръ
Шута „
Яцовичъ „
Ксеничъ Константинъ
Копча Іоаннъ
Васенько Димитрій
Кусайло Іоаннъ
Зеленякъ Георгій
Чуликъ Андрей
Зеленякъ Михаилъ

Соховицкій Іоаннъ, ум. 9. 1. 1915.
Васеико Θεодоръ, ум. 19. 2. 1915.
" Михаилъ
Сынъ Даниилъ

Лыпка, п. Незнаева.

Пелешъ Іоаннъ
" Адамъ
Яцевичъ Андрей
Пелешъ Николай
" Исидоръ
Гащицъ Николай
Котанскій Лука, ум. 12. 12. 1914
Гащицъ Симеонъ, ум. 27. 1. 1915
Галечко Василій, ум. 23. 1. "
Стасякъ Діонисій

Радоцина.

Кравчицкій Іоаннъ
Юрковский Николай, учитель въ Сквир-
тномъ
Петрилякъ Ілія
Турко Василій
Курыловичъ Терентій
Костыкъ Павелъ
" Іоаннъ
Павелчакъ Симеонъ
Гелета Андрей
Павелчакъ Іоаннъ
Добровольскій Ілія
Павелчакъ Максимъ

Незнаева, п. тамъ-же.

Хомикъ Ілія
Сенчакъ Лука
Слота Михаилъ
Пыртко Ева
Сенчакъ Василій, ум. 12. 1. 1915
Дмитицъ Θεодоръ, 5. 1. 1915

Маластовъ, п. Ропица Русская.

Дзыбанъ Петръ
Ротко Михаилъ
Адамъ Андрей
Баюсъ Симеонъ
" Петръ
Ротко Андрей
Баюсъ Θεодоръ
Выссовскій Ілія
Шкирпанъ Павелъ

Желемъ Петръ
Кардашъ Антоній Іоаннъ
Кикила Алексій
Гривна Θεодоръ, ум. 3. 2. 1915
Шкирпанъ Онуфрій

Ждыня п. Гладышевъ.

Спіякъ Кондратъ
о. Дуркотъ Θεодосій
" Іоанна
Спіякъ Димитрій
" Николай
Потоцкій Діонисій, гимназистъ, теперь
въ Прагъ
Хованскій Емилианъ
Млынарикъ Андрей
Одомырко Петръ
Сандовичъ Тимофей
" Николай
" Пелагія
" Максимъ
Канищакъ Петръ
Капитула Александръ
Падла Максимъ
Филякъ Стефанъ
Варыха Θεодоръ
Шевчикъ "
Перунъ Василій
Вислоцкій Александръ, учитель въ Гая-
човой
Усцкій Симеонъ, эмер. учитель
Чухта "
" Анавія, ум. 18. 1. 1915
Филякъ Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915

Конечна, п. тамъ-же.

Лызакъ Андрей
Урбанъ Алексій
Спіякъ Адамъ
Шевчикъ Іосифъ
Млынарикъ Пантелеймонъ
Дзямба Павелъ
Шевчикъ Мафей
Томашевикъ Марко, ум. 19. 1. 1915

Грабъ.

Свянтко Андрей
Котырга Михаилъ
Уранъ Димитрій
" Іоаннъ
Пѣгошь Андрей

Валько Михаилъ
Лызакъ Іоаннъ
Пахъ Марія
Павелчакъ Сильвестръ, ум. 25. 12. 1914
Романчакъ Григорій, ум. 3. 1. 1915
Давидъ " ум. 23. 12. 1914
Сидорякъ Стефанъ
Гончакъ Георгій
Ясѣнска Пелагія
Томашикъ Марія
Курилко Марія
Нацикъ "

Вышоватка.

Кокко Лука, ум. 2. 1. 1915.
Байса Θεодоръ, ум. 16. 1. 1915.
Китчакъ Іоаннъ
Сынъ Димитрій, ум. 19. 12. 1914.

Смерековецъ п. Гладышевъ

Ядловскій Іоаннъ, студентъ, нотаръ въ
Чехахъ.
Ядловскій Θεодосій, медикъ
о. Волянскій Стефанъ
Ковальчикъ Викторъ
Врона Θεодоръ
Шмайда Іоаннъ
Павчикъ "
Лукачинъ Андрей
Цюрикъ Стефанъ
Васичко Андрей
Станчакъ Симеонъ
Дытко Іоаннъ
Пупчакъ Прокопъ, ум. 25. 12. 1914.

Лосъ, п. Ропица.

Галь Григорій
Дудра Іоакимъ
Шлянта Григорій
Телехъ Александръ стар.
" мл., медикъ, въ
" Америкъ
Павлякъ Стефанъ
Фекула Назарій
Дудра Григорій
Галь Михаилъ
" Іоаннъ
Лудыкъ Михаилъ
Гирникъ Павелъ
Крѣль Василій
Трембачъ Григорій

Кундрацикъ Эмануилъ, отравился
Телехъ Михаилъ
Спѣльникъ Іоаннъ
Малецкій Θεодоръ
Крѣль Іосафатъ
Хома Даниилъ
Дутка Симеонъ
Евусякъ Николай
Олесевичъ Іоаннъ
Спѣльникъ Николай
Кароль Андрей, юристъ, въ Чехахъ
" Павелъ
Палюхъ Іоанъ
Сивакъ Яковъ, цыганъ
Гирникъ Николай
Параничъ Григорій
Спѣльникъ "
Новакъ Іоаннъ
Галь Николай

Гладышевъ, п. тамъ-же.

Вислоцкій Яковъ
Михалыкъ Іосифъ
Сиротякъ Юстинъ
Вислоцкій Іоаннъ, юристъ, въ Чехахъ
" ум. 24. 2. 1915
Дзюбина Пилипъ
" Діонисій
Федорко Гаврилъ
Басалига Петръ
Павелчакъ Ілія
Шмайда Юліанъ
Вирхнянскій Василій
Подлясковичъ Кондратъ
" Григорій
Сиротякъ Симеонъ
" Михаилъ
Федорко " художникъ, въ Чехахъ
" Антоній
Бодонъ Іоаннъ, ум. 22. 1. 1915
Штокля Исидоръ, ум. 5. 3. 1915
Спинка Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915

Вѣрхня, п. Гладышевъ.

Целехачъ Симеонъ

Устье русское, п. тамъ-же.

Цѣслякъ Андрей
о. Калиновичъ Григорій
Войтовичъ Василій
Гумецкій Антоній

Криницкий Григорій
Марковичъ Кастанъ
Габоръ Симеонъ, ум. 16. 1. 1915
Андрейчннъ Симеонъ, ум. 9. 2. 1915
Хованскій Іоакимъ, ум. 21. 2. 1915
Марковичъ Юстина

Кватонъ, п. Устье русское.

Криницкий Михаилъ
Цимбала Григорій
Вислоцкий Стефанъ

Климковна, п. Устье русское.

Домчакъ Димитрій
" Іосифъ
Базилевнчъ Василій
Дець Григорій
Барна Павелъ
Карпякъ Максимъ
Хомякъ Кондратъ
Гудакъ Лаврентій
Демай Николай
Матусько Іосифъ
Микулякъ Петръ

Вышеватна.

Павелчакъ Лука
Коцко Феодоръ
Гаврилякъ Евстахій
Роздѣльскій Андрей

Святкова.

Колдра Андрей
" Григорій
Лабикъ Михаилъ

Святковна.

Констанкевичъ Василій
" Іоаннъ

Иремна, п. тамъ-же.

Федакъ Алексѣй
Попоччакъ Стефанъ

Розстайне

о. Мышковскій Маріанъ, парохъ въ Пе-
режинцѣ
Мышковска Августа, матушка
Прокопчакъ Андрей

Дошница, п. Вышгородъ.

о. Сѣлецкій Александръ ум. 4. 1. 1915

Брезова, п. Змигородъ.

Владька (трехъ)
Кутякъ

Боднарка, п. Липинки.

Сокачъ Іоаннъ
" "
Дзяна Петръ
Романъ Фома
Клапачъ Іоаннъ
Сембратъ Григорій
Валевскій Антоній, стар.
Смажъ Данилъ
Поповчакъ Димитрій ум. 20. 1. 1915

Мащина великая, п. Липинки.

Куцура Матвей

Роздѣлье, п. Липинки.

Бубнякъ Василій
" Павелъ
Пыжъ Андрей, ум. 22. 12. 1914.
Бодакъ Константинъ, владѣлецъ паро-
вого тартака
Драганъ Георгій
Коцуръ Константинъ
Ванца Іоаннъ
Тылявскій Петръ

Бортне, п. Ропица Русская.

о. Калужияцкій Владимиръ
Д-ръ Собинъ Димитрій въ Чехахъ
" Махаиль, ум. 10. 9. 1915

отравился
Подбережнякъ Михаилъ
" Василій

Горбаль Михаилъ
Дутканичъ Косма, ум. 1. 2. 1915
Горбаль Іоаннъ
Нецьо Фома
Перунъ Дачилъ
Горбаль Феодоръ, ум. 15. 1. 1915
" Косма, ум. 20 2 1915

Феленчакъ Петръ
Годьо Данилъ
Пелешъ Феодиль
Журавъ Іоаннъ

Богачикъ Титъ, учитель
" Іоаннъ, "

Перегонина-Бодяки, п. Ропица Русска.

Шпакъ Іоаннъ
Качоръ Димитрій, юристъ

Вапенне, п. Липинки.

Бубнякъ Василій
" Даміанъ
" Димитрій
Д-ръ Пыжъ Симеонъ, теперь въ Америкѣ,
редакторъ „Правды“ въ Филадельфи.

Ганчова, п. Устье Русское

Руссиякъ Владиміръ, учитель, ум. 1. 2.
1915

Дѣдикъ Григорій
Соколь Антоній
Лукачинъ Димитрій
Микулякъ Стефанъ
Пирогъ Григорій, теперь дир. банка въ
Самборѣ
Вандзѣлякъ Фома, ум. 6. 2. 1915

Ропица русская, п. тамъ же.

Куликъ Василій
Ющакъ Петръ

На кладбищѣ.

Бодакъ Василій
Прокопчакъ Данилъ
Пыжъ Михаилъ
Присташъ Феодоръ
Бодакъ Іоаннъ
Тымоць Алексѣй

Ропки, п. Устье Русское

Цикотъ Харитонъ
Дошна Василій
Лаврентій Анастасія

Драганъ Іоаннъ
Рахель Діонисій
Желемъ Петръ, ум. 29. 1. 1915
Банатко Игнатій, ум. 2. 2. 1915
Мацко Илія, ум. 2. 2. 1915
Пероганичъ Петръ
" Андрей
Рахель Василій
Куликъ Михаилъ
Козакъ Петръ
Спѣвакъ Феодоръ
Варанъ Алексѣй

Варанъ Косма
Желемъ Иоаннъ

Баюсъ Василій
Желемъ Григорій
Пыжъ Иоаннъ

Пантна, п. Ропица Русская.

Шкирпанъ Антовій
Михалякъ Яковъ
Ванцко Николай
Баюсъ Стефанъ

Баница, п. Незнаева.

Смѣй Иоаннъ
Сайфертъ, ум. 26. 1. 1915
Журавъ Ѳеодоръ, ум. 14. 2. 1915
Бѣгунякъ Ѳеодоръ, ум. 19. 1. 1915

Крыва, п. Незнаева.

Урда Михайль
" Иоаннъ
Кицей Николай
Вислоцкій Симеонъ

Воловецъ, п. Незнаева.

Измей Иоаннъ
Лаховскій Кароль
Быбей Василій
Сидоракъ Исидоръ

Новица п. Устье Русское.

Сембратовичъ Стефанъ
" Василій
о. Городецкій, теперь парохъ о. Дынова
" Надежда
Ячичакъ Стефанъ
Бреня Лука
Карлякъ Стефанъ; ум. 18. 1. 1915

Прислопъ, п. Устье Русское.

Пелехачъ Иоаннъ
Зватиканичъ Константинъ
Крайнякъ Марко, ум. 23. 1. 1915

Свержова Руссан.

Кобанъ Юстинъ

Лугъ, п. Гладышевъ.

Демяничъ
Дзямба Георгій
Крѡль Петръ, ум. 26. 1. 1915

Долины п. Шимбаркъ

Рыдзай Кириллъ

Блѣхнарка.

Дзюбинъ

Лѣщины, п. Устье Русское.

Королевскій Юсафатъ
Корба Петръ

Горицы, тамъ же.

Слюзаръ Юсифъ, теперь банконецъ въ
Перемышлѣ, чи въ Львовѣ

Поляны, п. Флоринка

Трохановскій

Камянна, п. Флоринка.

Н. Н.

Блѣхнарка, п. Высова.

Демянъ Алексѣй
Дзюбинъ Миронъ
Патрошъ Яковъ
Бацюкъ Макарій
Швецъ Романъ

Флоринка, п. тамъ же.

о. Курилло Василій
Д-ръ Курило Ѳеофилъ, окружный судья
Leszno
Максимчакъ Михайль, теперь учит. гимн.
в. Полтавы
Воргачъ Юстинъ
Мерена Марія

Берестъ, п. Флоринка.

Гопей Марія

Бѣлцарева, п. Флоринка.

о. Качмарчикъ Ѳеофилъ
Д-ръ " Владнѣмръ, судья въ Гдыне

Д-ръ Качмарчикъ Любомиръ нотаръ въ
Дыновѣ
Трохановская Марія, замужня въ Кри-
ницѣ

Богуша, п. Грибовъ.

Кузакъ Симеонъ
Плетенякъ Стефанъ
Горощакъ Василій

Королева Русская, п. Пташкова.

о. Руссиякъ Иоаннъ
Чирьянска Анна
Дроздякъ Юсифъ
Бубернакъ Ѳеодоръ

Кирда Василій
Кузмичъ Павелъ

Чарна, п. Снѣтница

Перегримъ Константинъ
Бехеровскій Иоаннъ, цыганъ въ Ставаши

Снѣтница, п. тамъ же

Ставискій Захарій, владѣлецъ тартака.
Хомякъ Иоаннъ
Сивакъ Даниль, цыганъ.
Москва Тимоѡей

Ставиша, п. Снѣтница

Басалига Василій
Ваврикъ Романъ

Кладбище „подъ соснами“ въ 1917 г.

Избы, п. Снѣтница.

о. Хилякъ Димитрій
Кобанъ Василій
Дуда Петръ
Кунцикъ Петръ, ум. 16 4 1915.
Ванько Юлианъ, ум. 21. 3. 1915.
Цимбалякъ Иоаннъ, ум. 25 12 1914.

Чирна, п. Снѣтница

о. Мохнацкій Владиміръ

Свєцкѣ Илія
Тудей Исидоръ
Кукула Миронъ
Тарасъ Гаврилъ

Брунары выжніе, п. Снѣтница

Михневичъ Юсифъ
о. Сандовичъ Петръ, разстрѣлянъ 28. 9.
1914 въ Н. Санчѣ
о. Сандовичъ Антоній, разстрѣлянъ 28 9,
1914 въ Н. Санчѣ

Папачъ Теоодоръ
Поруцѣдло Юсифъ

Перунка, п. Флоринка

Кузьмякъ Петръ
Русинко Павелъ
Едниакъ Герасимъ
Дзадикъ Юсифъ
Гопей Петръ
Слюсарчикъ Іоаннъ
Бураничъ Аданасій
Щипникъ Теоодоръ, ум. 22. 3. 1915.

Зборовичи, возлѣ Цѣнжковнцѣ

Стабрило Александръ, цыганъ, ум. 19. 1. 1915.

Цѣнжковичи.

Шухевичъ Юліанъ, почтмайстеръ
Дечукъ Максимиліанъ, жандармъ
Dr. Bryś Szypom, рабинъ изъ Варшавы.
Rodowicz Władysław, ум. 27. 12. 1914.

Wacław
Borzowski Henryk

Мушина, п. Тыличъ.

Нестеракъ Онуфрій, учитель
" Михаилъ, гимназистъ
" Владимір, учитель
Нѣмчикъ Андрей

Ростока Великая, п. Крыница.

Вильчакъ Іоаннъ
Репела Юсифъ

Тыличъ п. тамже.

о. Венгриновичъ Эмилианъ
Андрейко Іоаннъ, юристъ въ Чехахъ.
Джуганъ Степанъ, учитель
" Марія, въ Жегестовѣ
Сенько Ілія
" Михаилъ
Гарбера Андрей, лѣсной сторожъ камеральный.
Пастернакъ Теоодоръ
Брунарскій Петръ
Дзядыкъ Димитрій
Бреянъ Левъ
Цолка Іоаннъ, окулеуѣлъ
Бабей Симеонъ
Гамерникъ Атанасій

Бадарикъ Діоносій, елюсаръ
Копачъ Іоакимъ
Чеканикъ Теоодоръ
Криницкій Василій
Андрейко Антоній

Мохначна, п. Крыница

Мохначкій Теоодоръ
о. " Діонисій
Гарбера Яковъ
Гавренъ Лука
Поручникъ Онуфрій, ум. 28. 1. 1915
Единакъ Теоодоръ
Гойнякъ Михаилъ, ум. 28. 3. 1915.
" Петръ
Святковскій Палелъ покололся гвоздемъ и порѣзался, ум. 24. 2. 1915.

Сивецъ Никита
Цимбалакъ Яковъ
Витякъ Назарій

Крыница, п. тамъ же

о. Гнатышкъ Гаврилъ, ум. Вѣнѣ.
" Теоодоръ, юристъ, ум. въ Вѣнѣ.
" Александръ, ветеринаръ.
Дръ " Орестъ, адвокатъ въ Кры-
ницѣ.
Гнатышакъ Ольга, замужняя Кокуревичъ
жена нотаря, въ Косовѣ
Гнатышакъ Марія, аптекарша въ Львовѣ
Малинякъ Климентій
" Михаилъ, уч. сем. уч.
Урбанъ Юсифъ, гимназистъ
" Іоаннъ
Крайпакъ Іосафатъ, лѣсникъ
Телищакъ Михаилъ
Петрикъ Георгій
Криницкій Максимъ
" Стефанъ
" Петръ
Лаврикъ Петръ
Ждынякъ Кондратъ
" Симеонъ
Криницкій Софронъ
Петришокъ Антонъ
Громосякъ Николай
Савчакъ Авксентій, учитель
" Стефанія, учит. замужняя за о.
" Мохначкимъ въ Солотвинахъ
Дръ Цѣханскій Александръ
Троханонскій Мефодій, упр. школы

Солотвина, п. Крыница.

Копыстанскій Ісифъ, эмер. жандармъ

Андреевна, п. Мушина.

Головачъ Василій

Щавникъ, п. Мушина.

Дзюбинскій Тимофей
Милиничъ Евстахій
" Василій
Лященикъ Теоодоръ
Щавинскій Ігнатій
Гойдичъ Іоаннъ

Злотске, п. Мушина.

Дзюбинскій Антонъ

Жегестовъ, п. тамъ же.

Семанякъ Михаилъ
Венгринъ Петръ, ум. 5. 2. 19 5
" Іоаннъ, ум. 1. 2. "
Стеранка Елена, учительница
" Гонората "

Шляхтова, п. Щавница

Матяшъ Антоній
Гриндзакъ Григорій

Поворозникъ, п. Мушина.

Цырогъ Александръ
Стрефанцо Константинъ
Коцуръ Петръ, ум. 30. 1. 1915
Криштафикъ Іоаннъ, ум. 11. 2. 1915
Колѣчко Итидоръ ум. 12. 2. 1915
Драбякъ Стефанъ, ум. 3. 2. 1915
Куликъ Теоодоръ.
Милиничъ Алексѣй, учитель
Колѣчко Кондратъ
Патлявскій Іоаннъ
Коцуръ Матрена

Ястребикъ, п. Мушина.

Слота Іоаннъ
Телищакъ Григорій
Ковальчукъ Онуфрій

Новая Весть, п. Лабова.

Мастюхъ Михаилъ
Стеранка Георгій

Пласконъ Лука
о. Соболевскій Михаилъ, въ Устю рус-
скомъ
о. Соболевская Юлія, матушка
Марковичъ Петръ
Масыра Климентій
Кореча Филипъ
Жиличъ Симеонъ

Лабова п. тамъ же.

о. Дуркотъ Іоаннъ Хр.
" Теоодосій, гимназистъ
" Сергій, сошель съ ума
Вислоцкій Георгій
" Теоодоръ
" Марія
" Димитрій, юристъ, редакторъ
въ Америкѣ, (Гунянка)
Кулянда Константмъ
Пелинякъ Евсевій
Козьоль Теоодоръ
Кулянда Симеонъ
Коцуръ Антоній
Зяйя Антоній
Зяйя Лука
Русинякъ Симеонъ
" Іосифъ
" Ілія
Червинскій Казиміръ, учитель
" Юліанъ
Полянякъ Іоакимъ
Маслой Лаврентій
Швайка Ксенія

Лабовець, п. Лабова.

Шаршонъ Павелъ
Шептакъ Стефанъ
Птахъ Афанасій
Новакъ Теоодоръ
Осникъ Венедиктъ
Хованецъ Яковъ, ум. 22. 2. 1915
Врона Георгій
Шептакъ Александръ, ум. 9. 2. 1915
" Лука, ум. 24. 2. 1915
Гбуръ Захарія

Котовъ, п. Лабова.

Пелякъ Тимофей
Талпашъ Андрей
Тырличъ Петръ

Мушина, п. тамъ-же.
Турко Андрей, экзекуторъ под.
Савка Іоаннь, офиціальъ суда
Яновичъ Арсеній, юристъ, ум. 16. 2. 1915

Верхомли, п. Пивнична
Руссин къ Михаилъ, капраль
Дзюбинскій " бухгалтеръ
Дзюба Василій, юристъ, ум. 26. 2. 1915

Зубрикъ, п. Жегестовъ
Стеранка Стефанія, учительница
" Юліанъ, чин. жел.

Новый Санчъ, п. тамъ-же.
Кириловъ Михаилъ, муляръ
Шеремета
Юрѣчко Димитрій, колѣяръ
Дръ Масцюкъ, парохъ въ Горожаннѣ
великой.
Клок Józefa, экономка укр. бурсы,
Бандровскій Павелъ, гимназистъ

Кростенко, в. Новаго Торга.
Морочко Елиашъ
Карпякъ " контролеръ под. въ
Гданскѣ.

Зиндрамова.
о. Копыстан кій Корнлій
о. " Стефанъ, нотаръ в Пе-
ремышля

Тылява.
о. Коцыловскій Кирилъ
Копчакъ Михаилъ, учитель
Кирпанъ Іоакимъ
" Николай, 24. 1. 1915

Мишанна
о. Дутковскій Казиміръ, теперъ въ Аме-
рицѣ
Дакорій Казиміръ
Шевчукъ Михаилъ
Кушвара Михаилъ
Хилякъ Мирославъ, учитель

Ольховецъ.
о. Дуркотъ Максимилянъ
Кулявчикъ Іоаннь, студентъ

Бугель

Ропянка.
Поляны.
о. Феленчакъ Николай
Яценікъ Афанасій
Федакъ Николай
Мышковскій Феодоръ
Дытко Даниилъ

Смеречие.
Репакъ Іоаннь

Терстяна.
Фучила Владиміръ

Мысцова.
о. Дуркотъ Владиміръ, теперъ въ Летнѣ
" Юліанъ, гимназистъ
Фрыгъ Онуфрій
Гайда Павелъ, учитель

Гирова.
о. Чеснокъ Захарій
Бѣдникъ Іоаннь

Тыханя.
о. Пирогъ Даниилъ, убитый бандитами
въ 1929 г.

Красна.
о. Прислопскій Александръ
Вархолікъ Симеонъ
Газдайка Павелъ
Яблонскій Алексѣй
Вознякъ Петръ
Налисникъ Эмилианъ, ум. 19. 1. 1915

Воробликъ Королевскій.
Драганъ Михаилъ
Лянда Андрей
Герляхъ Феодосій
Струсь Іоаннь

Чорнорѣки.
о. Войтовнчъ
Сенчакъ Григорій
" Фаддей
Вознякъ Димитрій
" Стефанъ
Вознякъ Михаилъ, 4. 1. 1915

Рѣпникъ.
о. Мерена Феодоръ
Помайба Михаилъ
Камѣнскій Іосифъ
Яскилка Василій
Макухъ Корнлій, ум. 19. 3. 1915
Трамба Михаилъ, ум. 27. 1. 1915

Вановка.
о. Тустановскій Кирилъ
Шуфлять Григорій ст.
" мл.
Мотовилякъ Петръ
" Григорій

Братковна.
Яскилка Стефанъ

Кросно
Кось, профессоръ
Дяковъ Валеріанъ, офиц. под.
" Стефанія, жена
" Богданъ, сынъ
Стусъ Димитрій, чин. телегр.
Н. Ольга, телеграфистка
Генсецкій Василій, профессоръ ткацкой
школы

Дукля.
Котельницкій Василій, письменосецъ
Смулка Іоаннь, ор. геом.
Кардашъ Илія, вегмейстеръ

Корчина.
Дръ Прислопскій Яковъ
Приходко Павелъ

Сянокъ.
Бугера Андрей, эмер. секр. стар.
" Николай, юристъ
" Василій, практ. ур. под.
о. Москаликъ Іосифъ, эмер. проф.
" Юліанъ, юристъ
Подолинскій Феодилъ, богословъ
о. Секержинскій Іосифъ, кат.
Ивашко Іосифъ, офиц. суд.
Рудакъ Іоаннь, эмер. лист.
" Кирилъ, гимн.
" Эмилианъ, "
Волянскій Петръ, столяръ

Волянскій Мецьо, столяръ
Орищакъ Константинъ, столяръ
Райтаръ Іосифъ, столяръ
Рочанъ Николай, столяръ
Смажецкій Іоаннь
Мазуръ Іосифъ, мя ни ъ
Кущакъ Францъ
Савчакъ Антоній, чин. Бескида, ум. 2.3.1915
" Іоаннь, гимн.
Гавдякъ Михаилъ, учитель
Филипчакъ Константинъ
Герболка Фаддей, медикъ
Кульчицкій Іоаннь
Стрычикъ Анастасія, 14. 12. 1914
Переломъ Михаилъ, 23. 2. 1914

Дудровна.
Мазуръ Андрей
Гривнякъ Николай, 2. 2. 1915
Задорожний Іоаннь
" Василій, ум. 10. 3. 1915

Ольховцы.
Когутъ Николай, гимн.
Бедзюкъ Михаилъ
Поливка Антонъ
Стапчакъ Захарій, уч.
" Іоаннь, юристъ
Мыхновскій Григорій
" Василій
Ялечко Димитрій
" Іоаннь
Гибздусъ Димитрій, ум. 12. 1. 1915
Бедзюкъ Іоаннь, ум. 21. 2. 1915
Гилицкій Петръ, ум. 6. 1. 1915
Банюга Іоаннь, ум. 13. 2. 1915
Бобякъ Климентій, ум. 18. 1. 1915
Лѣсовскій Михаилъ
Скобельскій Андрей
" Александръ
Соханя Илія, ум. 13. 2. 1915
Кецъ Николай
Галицкій Максимъ

Менибродье
о. Бугера Константинъ

Аудынцы
Дмитрикъ, учительница
олодѣй ум. 26. 2. 1915

Пелня.
 о. Сембратовичъ Юліанъ
 Колодѣй Іоаннъ
 Дядыкъ Іосифъ
 Кочанъ Антоній, ум. 7. 2. 1915

Полонна.
 Кутепъ
 Гринякъ Романъ

Лишня.
 Филипчакъ Димитрій

Залужъ.
 Страмикъ Іоаннъ
 Гамерскій Іосифъ, юристъ
 Баликъ Людвикъ, ум. 24. 1. 1915

Тырава Сольная.
 о. Шатынскій Михаилъ
 Д-ръ „ Евгений, адвокатъ
 Лазука Михаилъ, 23. 3. 1915
 Банить Николай
 Сибидло Петръ

Тырава волошская.
 о. Сливинскій Михаилъ

Голучковъ.
 Зубыкъ Іоаннъ
 Мельникъ Іосифъ
 Андреечко Марія
 Рыбicka Станислава

Щавно.
 о. Полошиновичъ Владиміръ, ум. 6. 10
 914.
 Полошиновичъ Георгій, юристъ, теперъ
 уч. въ Грабѣ

Войско.
 Вайда Михаилъ

Быковцы.
 Цапъ Іосифъ
 Павловъ „ ум. 22. 11. 1914

Загорье.
 Кишка Николай, чин. желѣзнодорожн.
 „ Владиміръ, гимн.

Кавалкевичъ Василій
 „ Іосифъ
 Бубнякъ Михаилъ
 Хомищакъ Григорій
 Щеноцкій Іоаннъ
 Брехунъ Михаилъ
 Боловскій Іосифъ
 „ Василій, юристъ
 Горнякъ Іоаннъ
 Канцьо Михаилъ
 Гливякъ Михаилъ
 Жубрыдъ Іоаннъ
 Баловска Анна
 Мандолякъ Екатерина
 Щинецка Розалія
 Кишка Антоній
 Сехъ Іоаннъ
 Бѣликъ Людвикъ; оф. жел ум 29. 1. 1915

Липовець.
 Волошиновець Александръ, канд. пот.
 Кирпанъ Михаилъ
 Гирила „

Даліева.
 о. Вахпянинъ Владиміръ
 Ядловскій Симеонъ

Посада Яслиска
 Волошиновичъ Василій, ум. 15. 3. 1915
 „ „ Теодоръ
 „ „ Андрей

Суравица.
 о. Жубрыдъ Михаилъ
 Стецко Іоаннъ

Дошно.
 Петровскій Петръ, ваятель

Вороблькъ
 Розенбейгеръ Андрей
 Бурка Андрей

Боско.
 Купина Михаилъ, ум. 10. 1. 1915
 Бобякъ Теодоръ
 „ Андрей
 Андрець Іоаннъ
 „ Михаилъ

Романъ Василій
 Войнаръ Іосифъ

Синява.

Вацлавскій Михаилъ М., юристъ
 Бѣдикъ Петръ, уч.
 Вацлавска Анастасія
 Бекъ Іоаннъ, 7. 2. 1915
 Сырко Александръ

Новосѣлы.

Твардонъ Георгій
 Пленъ Павелъ

Лопчакъ Іоаннъ
 Федакъ Андрей, ум. 22. 3. 1915
 Хома Михаилъ
 Давида Теодоръ
 Вацыкъ Михаилъ

Юрозы.

Хома Михаилъ, ум. 13. 1. 1915

Команча.

о. Венгриновичъ Гилярій
 Терлецкій Василій
 Пышнякъ Параскева

Православная часовня. (Наружный видъ).

„ Константинъ, ум. 13. 1. 1915
 Ващишинъ Іоаннъ

Костаровы.

Соболевскій Винцентій
 Ева
 Мясляна Анна, зам. Звѣриць, уч. въ
 Святковой
 Звѣриць Теодоръ, уч. въ Святковой

Сугоровъ долъшній.

Фута Александръ
 Давидъ Онуфрій
 Домбровскій Петръ

Сяночокъ

Гоманъ Григорій, ум. 11. 1. 1915
 „ Іоаннъ
 Цапъ „

Прусигъ.

Амбицкій Яковъ, ум. 13. 1. 1915
 Стрычокъ Анна
 Рудый Іоаннъ
 Гешко „ 31. 12. 1914

Кулешно.

Хвастякъ Адамъ

Чертежъ.

о. Полянский Константинъ
Шурготъ Романъ
Волянский
Рейтаръ Василій, ум. 13. 1. 1915

Трепча.

о. Полянский Владиміръ
Дробикъ
Карликовъ.
Темчинъ Никита, ум. 29. 12. 1914

Кросценко.

Новакъ Іоаннъ, ум. 3. 1. 1915

Поляны, в. Сянока.

Кромка Яковъ, ум. 12. 1. 1915

Чистогоръ, в. Сянока.

Павзельчинъ Лазаръ, ум. 19. 1. 1915

Поповцы.

Назарчукъ Василій, ум. 10. 2. 1915

Вислоиъ Великій.

Сопынка Теодоръ, ум. 12. 2. 1915

Улочъ.

Костенскій Василій, ум. 21. 2. 1915

Марковцы.

Норякъ Антоній, ум. 18. 3. 1915

Радошицы.

Гривко Василій, ум. 3. 4. 1915

Составилъ о. В. О. Куряло.

Т. е. всѣхъ 1915, изъ нихъ — померло въ Талергофѣ 168 чел. Розумѣется, что этотъ списокъ все еще не полонъ.

Дневникъ покутьянина.

с. Лядке шлях., Толмач. у.

(Сообщеніе Ал. Як. Бабія).

На пятый день путешествія, нашъ эшелонъ прибылъ на талергофскій плацдармъ.

Сортируя и перегоняя палками и прикладами съ мѣста на мѣсто. Конвойные приказали намъ ложиться на зальдевлую отъ мороза землю. Интернированные отъ холода и голода звонили зубами.

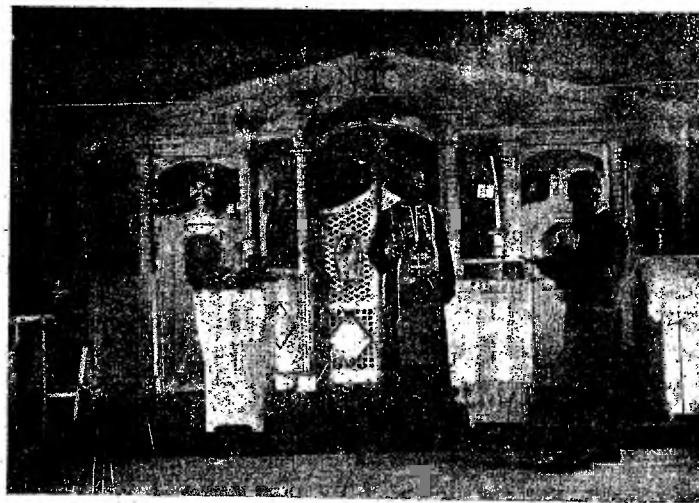
На слѣдующій день роздали по половинкѣ хлѣба на двоихъ, съ приказаніемъ ѣсть только мякишъ, а корку оставлять вмѣсто чашки

для супа. Эти искусственныя хлѣбныя чашки размокали отъ жидкости, супъ вытекалъ на землю, а непомнившій себя отъ голода народъ облизывалъ его облизывалъ его языками. Звѣрское обращеніе австрійскихъ издѣвателей съ узниками возымѣло свое дѣйствіе: многіе въ отчаяніи плакали, видя подобное оскорбленіе человѣческаго достоинства.

На четвертый день пребыванія въ лагерѣ узники были размѣще-

ны въ ангарахъ. Въ нашемъ помѣщалось 1800 человѣкъ. При полученіи обѣдовъ мало кого миновала палка, потому многіе предпочитали не являться за получкой. Рыскавшіе между нами караулы прокалывали, потѣхи ради, расположившихся интернированныхъ и тутъ же закапывали. Позднѣе на смѣну пришли боснійцы, которые обращались съ нами по человѣчески.

щадившая лѣкарей и конвойныхъ. Кончилось тѣмъ, что въ началѣ ноября конвой выбрался изъ лагеря и несъ свою службу внѣ проволочныхъ загражденій. Отъ нечего дѣлать и чтобы прервать убійственную тюремную скуку и хоть немного забыть черныя мысли о судьбѣ оставшейся дома семьи, я взялся вести дневникъ.

Православная часовня. (Иконостасъ).

Въ первой половинѣ октября часть интернированныхъ была переведена въ новые бараки, построенныя въ дождливую пору, а потому полныя грязи, перемѣшанной со старой соломой. На мѣсто отозванныхъ боснійцевъ вернулась прежняя стража. Въ баракахъ возникла эпидемія тифа, безжалостно косившая интернированныхъ и не

подаю нѣкоторыя строки изъ записаннаго:

6 ноября. — Узники сами готовили себѣ обѣдъ въ виду бѣгства поваровъ передъ эпидеміей. Хлѣба въ этотъ день не получали. Потѣшали себя надеждой, что, быть можетъ, скорѣе пустятъ насъ на свободу по случаю распространявшейся эпидеміи.

7. ноября. — Показались вблизи лагеря караулы; на дворѣ невозможный холодъ, трудно согрѣться одѣтому въ лѣтнюю одежду.

14 ноября. — Запрещено сношаться съ жителями сосѣднихъ бараконъ. Случайно знакомлюсь съ Евг. Билинскимъ изъ Збаража и съ Павломъ Прихотко изъ Корчина, возлѣ Кросна.

15 ноября. — Разболѣлась голова отъ простуды. Ухаживаютъ за мной свѣщ. Кинасевичъ изъ Подгородья, возлѣ Рогатина, и крест. Григорій Цепенда изъ Джурина, возлѣ Чорткова.

16 ноября. — Полковникъ объявилъ, что прїѣдетъ нѣсколько военныхъ судей для допроса интернированныхъ. Невинные будутъ сейчасъ же освобождены. Разрѣшено въ баракахъ курить.

20 ноября. — Вечеромъ пѣль организованный узниками хоръ. Пѣли весьма удачно пѣсенку о учителѣ еврейскихъ дѣтей. Рядомъ со мной спитъ мѣщ. Иосифъ Богачикъ изъ Нижанковичъ, возлѣ Перемышля. Студентъ Спачинскій угощаетъ насъ картошкой.

21 ноября. — Прислушивались трое офицеровъ пѣнію хора.

22. ноября. — Я приобрѣлъ пару чистаго бѣлья; чувствую себя великолѣпно.

23. ноября. — Несмотря на чистую перемѣну бѣлья, меня обсѣли насѣкомья. Занимаюсь все время чистой и ихъ истребленіемъ.

24. ноября. — Ширится въ лагерьѣ эпидемія; сегодня умерло семь человѣкъ.

28. ноября. — Прихалъ генераль осматривать бараки.

29. ноября. — Получаю, какъ студентъ Спачинскій, ватное одѣяло.

1. декабря. — Допросили и пустили на волю свыше ста человѣкъ.

3. декабря. — Многие надѣются въ продолженіи двухъ недѣль уѣхать изъ Талергофа. Вчера слышны были пушечные выстрѣлы изъ Градеца. Говорятъ, что стрѣляли по случаю взятія австрійцами Бѣлграда, иные утверждаютъ, что стрѣляли по случаю будто бы окончанія войны.

4. декабря. — Лагерная администрація обѣщаетъ выдать нары (тапчаны) и тюфяки, построить каменные печки, прачешную и т. п. благодати.

5. декабря. — Перекрадался изъ третьяго ряда бараконъ нѣкій человѣкъ къ своимъ знакомымъ въ другомъ рядѣ. Караулъ выстрѣлилъ, а пуля пробивъ тонкую деревянную стѣну барака, убила молящагося въ ту пору крестьянина Ивана Попеля изъ села Мединичъ, Дрогобычскаго уѣзда. Убитый оставилъ дома жену и пятеро дѣтей.

8. декабря. — Полковникъ объявилъ официально барачнымъ комендантамъ во время утренняго рапорта, что сознание культурнаго единства русскаго народа не есть наказуемымъ и не заключаетъ въ себѣ преступленія государственной измѣны.

9. декабря. — Привели полтора человека плѣнныхъ изъ Россіи, для постройки новыхъ бараконъ. Наши надежды на скорое окончаніе войны и наше освобожденіе расплываются. Солдаты поютъ „Дружнѣй“, а за обѣдомъ и ужиномъ „Отче нашъ“. Поютъ по

русски. Многие изъ интернированныхъ плачутъ.

16. декабря. — Берутъ интернированныхъ на принудительныя работы при постройкѣ бараконъ. Проводятъ электричество.

17. декабря. — Свѣщ. о. Кинасевичъ, получившій жалованье, даетъ мнѣ въ займы десять коронъ. Нынѣ встрѣтился я съ односельчаниномъ Ив. Рыбакомъ, съ которымъ не видѣлся съ октября мѣсяца.

18. декабря. — Пища улучшается. Утромъ и къ обѣду получаю супъ, къ ужину кофе или чай. Ежедневно освобождается человѣкъ по пять-десять.

19. декабря. — Праздникъ Св. о. Николая. Интернированные дѣлаютъ другъ другу подарки. Нахожу въ изголовьи пачку табаку и бѣлую булку, подложенную о. Кинасевичемъ. Вспоминаются жена и дѣти.

20. декабря. — Противотифозная прививка.

24. декабря. — Первый разъ поданы къ обѣду щи съ фасолью. Сапожникъ взялъ для починки развалившіеся ботинки. Сажу въ баракъ босикомъ, а въ случаѣ надобности пользуюсь обувью о. Кинасевича.

26. декабря. — Принесли мнѣ ботинки и чистое бѣлье. Чувствую себя счастливымъ и думаю, какъ мало иногда надо человѣку для счастья.

28. декабря. — Между интернированными возникаютъ разногласія и споры. Несмотря на всеобщую ненависть къ австрійцамъ, нѣкоторые изъ заключенныхъ жалу-

ются лагерной администраціи на своихъ же товарищей недоли. Обжалованнаго мѣщанина Сегину изъ Галича, священникомъ С., стражникъ побилъ до крови палкою по головѣ.

29. декабря. — Говорятъ, что умеръ помѣщикъ Крыськовъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что разъ человѣкъ пересталъ шевелиться, тутъ же его кладутъ въ готовый ящикъ и отправляютъ на кладбище. Тамъ хоронятъ по нѣсколькимъ-десять человѣкъ сразу въ заранѣе вырытыя длинныя могилы.

30. декабря. — Былъ арестованъ плацкомендантъ, еврей Дейшеръ, съ помощникомъ за хищенія продуктовъ, бѣлья и одежды, назначенной для интернированныхъ.

4. января 1915. — Скоропостижно скончался комендантъ нашего барака свѣщ. Сѣлецкій изъ Ясельскаго уѣзда. Свѣщ. Сѣлецкій умеръ во время получки продуктовъ для варки обѣда.

6. января. — Сочельникъ Рождества Христова; ужинъ былъ постный. Помощникъ присяжнаго повѣр. Генсборскій досталъ газету, которую тутъ комментировали на всѣ лады.

13. января. — Въ четвертомъ баракѣ часто мѣняются коменданты. На мѣсто Сѣлецкаго избранъ свѣщ. Вахнянинъ, послѣ него стар. жел.-дор. ревизоръ Фома Витшинскій. Послѣдній оставилъ по себѣ хорушую память. Благодаря его стараніямъ, многие получили шапки, куртки и одѣяла.

18. и 19. января. — Праздновали день св. Крещенія.

25. января. — Говорятъ о скоромъ освобожденіи интернированныхъ.

26. января. — Съ 24 по 28 умираетъ ежедневно около тридцать человѣкъ. Вчера умерло 32 интернированныхъ.

31. января. — Переносишь съ свящ. Кинасевичемъ въ девятый баракъ, занимаемый лемками.

3. февраля. — Вчера умеръ въ девятомъ баракѣ Левъ Павловскій.

5. февраля. — Преподавателя гимна. Влад. Труша взяли на военную службу. Сплю рядомъ со студентомъ Полсшиновичемъ. Съ другой стороны спитъ псаломщикъ изъ села Пятковы волѣ Бирчи, Добромильскаго уѣзда.

6. февраля. — Ходятъ слухи, что въ новыхъ баракахъ будутъ размѣщены арестованные по порученію уѣздныхъ начальниковъ. Этой вѣстью я сильно обезпокоенъ. Вчера былъ отправленъ въ больницу свящ. Кинасевичъ.

7. февраля. — Эпидемія продолжается.

10. февраля. — Вчера познакомился я съ Василиемъ Озоромъ изъ Черновець.

12. февраля. — Былъ взятъ въ больницу крест. Пелешъ изъ Боршнаго, горлицкаго уѣзда, братъ покойнаго станиславовскаго епископа. Въ тотъ же день г. Кошко не позволилъ братъ изъ барзковъ босыхъ и раздѣтыхъ узниковъ на работы, за что былъ посаженъ подъ арестъ и избитъ палкою. Хоронили надсовета Проскурницкаго.

15. февраля. — Свящ. Г. Полянскій старается провести между заключенными путемъ голосованія

постановленіе, чтобы по понедѣльникамъ, средамаъ и пятницамаъ, не принимать скоромныхъ суповъ. Его предложеніе перепало. На войнѣ и въ тюрьмѣ нечего бояться ада; живешь примѣнительно къ обстановкѣ. Въ среду даютъ мясной обѣдъ, а а въ воскресенье могутъ оставить и безъ постнаго обѣда.

Газетныя извѣстія сообщаютъ, что на моей родинѣ, въ Надворной и Делятинѣ, находится боевая линия. Сильно безпокоюсь за семью.

18. февраля. — Я опять потрявоженъ газетными извѣстіями. Къ югу отъ Коломыи идутъ сильные бои, а вечернія газеты сообщаютъ, что Коломыя отобрана австрійскими войсками.

19. февраля. — Благодаря матеріальной поддержкѣ преподавателя Кустыновича, выздоравливаетъ больной Пріймакъ; также поправляется Кукудякъ. Онъ отъ времени до времени ходитъ даже на работы.

22 февраля — Узнаю о священникахъ Кинасевичѣ, Боднарукѣ и Т. Куниці. Поправляются отъ болѣзни, а Рыбакъ третій день лежитъ въ постели

23. февраля. — По сегодняшнее число вывезено „подъ сосны“ свыше тысячи человѣкъ, а болѣеть еще около двухъ тысячъ душъ.

1. марта. — Хорошая погода, но холодный вѣтеръ. Кругомъ Талергофа виднѣются горныя цѣпи вершинъ, украшенныя замками и костелами. Насуваются мысли о родинѣ, о родныхъ Карпатахъ.

5. марта. — Уплыто семь мѣсяцевъ со дня моего интернированія.

6. марта. — Красивый видъ разстилается кругомъ Талергофа: Горы, покрытыя темно-зелеными елями, за ними синія горы, покрытыя бѣлыми снѣжными заплатами, а дальше свѣтлые верхи съ вѣчными льдами. На дворѣ теплое весеннее утро, а мою душу леденятъ мысли объ оставленной мною семьѣ.

12. марта. — Газеты сообщаютъ о бояхъ сѣвернѣ Надворной, въ моихъ родныхъ мѣстахъ.

15. марта. — Навѣщаетъ меня выздоровѣвшій Пріймакъ. Я дѣлаю визитъ больному о. Кинасевичу и получаю отъ него въ займы 40 коронъ

3. апрѣля. — Пища ухудшается.

15. апрѣля. — Вываютъ меня, преподавателя Кустыновича и Федорова подъ комендантскія ворота: Простоявъ здѣсь до двухъ часовъ дня, узнаемъ, что слѣдствіе противъ насъ прекращается.

— 0 —

26. октября 1915 г. — Съ апрѣля мѣсяца я пересталъ вести свой дневникъ. Пережилъ въ неволѣ весну, лѣто и осень; пасха была не веселѣе Рождественскихъ праздниковъ. Не зная, что случи-

лось съ моей семьей во время передвиженія противъ двухъ сражающихся другъ противъ друга армій, я написалъ въ сельское управленіе въ Ляцкомѣ, запросъ о судьбѣ жены и дѣтей. Односельчане Пріймакъ и Рыбакъ получили отъ своихъ письма и деньги, о моихъ же ни малѣйшаго извѣстія. Не имѣя возможности прожить, я снесся съ вѣнскими и будапештскими фирмами, съ которыми находился передъ войной въ торговыхъ сношеніяхъ и, получивъ отъ нихъ кой-какіе товары, я занялся торговлей. Деньги на поднятіе товаровъ съ почты занималъ у знакомыхъ. Такимъ образомъ поддерживалъ я свое жалкое существованіе.

И только 13. октября 1915 года получилъ я отъ жены первое письмо и 30 кронъ. Я весьма обрадовался, что всѣ мои живутъ, хотя радость была не полная. Жена сообщала, что старшая дочка опасно болѣеть и что торговля моя совершенно разграблена

Въ тотъ же день хоронили мы, сердечно болѣя, молодого Юліана Кустыновича, преподавателя гимнази въ Бродахъ. А. Я. Б.

Июль и август 1915 г. въ Талергофскомъ лагерѣ.

Окончаніе дневника **Ф. В. Курилло.**

(см. стр. 98 сего выпуска).

Приводимъ здѣсь добавочно полученное окончаніе Дневника **Ф. В. Курилло** за м.м. конецъ іюня, іюль, по 20-авг. 1915 г.

Овящ. о. совѣт. **Василій Курилло,**
с. Флоринка, у. Грибовъ, (отецъ).

Его сынъ **Феофилъ Васильевичъ**
Курилло, авторъ Талергофскаго
Дневника.

29. іюня 1915 г. — Тустановскій освобожденъ. Льетъ ливнемъ дождь. Нельзя показывать носа. Скака. Овесъ и трава быстро растутъ. Даю вырвать корень порченнаго зуба д-ру Коллеру, который, вырвавши его по методамъ среднихъ вѣковъ, удивился, что корень оказался столь длиннымъ, и говоритъ: „годится для помѣщенія въ музей“. Изъ раны долго и обильно текла кровь, теченіе которой было приостановлено д-ромъ Могильницкимъ. Чувствую себя очень ослабленнымъ.

Въ 7-омъ баракѣ одинъ изъ обитателей заболѣлъ холерой. Всѣхъ

находящихся въ этомъ баракѣ солдаты вооруженные штыками, насильственно перевели въ карантинный баракъ, даже тѣхъ, которые зашли туда въ гости. Качоръ, Андрей Карель, Копыстянскій Романъ и др. тоже изолированы вмѣстѣ съ ними. Всѣ очень испугались появленія холеры.

30. іюня. — Пьемъ кофе съ конденсированнымъ молокомъ, жестянка котораго стоитъ крону. Нѣсколько десятковъ человѣкъ ѣдетъ на работу.

Приходитъ транспортъ, состоящій изъ 30 человѣкъ Ряшевскаго

уѣзда, среди которыхъ находится нѣсколько цыганъ Горлицкаго уѣзда. Врачъ велѣлъ произвести дезинфекцію 7-го барака. Доступъ запрещенъ. Сегодня понесли гробъ въ одинъ изъ изолированныхъ барачковъ. Нѣсколько русскихъ военнопленныхъ удрало изъ лагеря, но были пойманы за Грацемъ.

Въ лагерь прибыли 2 финансовыхъ комиссара. Воздухъ такъ чистъ, что вдали виднѣются вершины Альпъ, а надъ ними облака. 160 человѣкъ отправляютъ на работы куда-то въ окрестности Вѣны. Передъ ихъ отъездомъ, у нихъ производятъ ревизію вещей. Пойманныхъ за Грацемъ военнопленныхъ подвергли 3 недѣльному аресту.

Вдругъ приходитъ въ баракъ вооруженный постовой и кричитъ: „Циммеркомендантъ я беру 30 человѣкъ на работы“. Гоцкій назначаетъ 30 человѣкъ на работы, въ числѣ которыхъ находится извозчикъ изъ Криницы. Не желая идти работать, онъ флегматически вынимаетъ краюху хлѣба и преспокойно начинаетъ ѣсть, хотя только что обѣдалъ Горячаго температура постовой солдатъ хватаетъ его за шиворотъ и вытаскиваетъ изъ барака за вышедшими людьми на работу. Спустя часъ извозчикъ, удравъ, возвращается и говоритъ всѣмъ вообще и никому въ особенности: „Какойже вспылчивый человѣкъ этотъ постовой! Вѣдь я только хотѣлъ съѣсть немного хлѣба, а онъ такъ грубянски поступилъ со мною!“. Послѣ чего ложится спать съ чувствомъ испол-

неннаго долга и немедленно засыпаемъ.

Июль 1915 года.

1. іюля. — Одинъ больной холерой, уже умеръ. Еще находится въ баракѣ 4 человѣка больныхъ холерой. 15-ый баракъ тщательно дезинфицируютъ. Приказываютъ воен-

Уніатская часовня. (Наружный видъ).

ная власти явиться молодежи отъ 18 до 24 лѣтъ къ набору. Военная коммисія мало кого освобождаетъ и записываетъ въ солдаты до 250 человѣкъ.

О. Сеникъ, Феоdorf Мохнацкій, д-ръ Секало, Ив. Андрейко, Дм. Вислоцкій, Феоd. Дуркотъ, Стеpанка, съ сестрой, Іоанна Дуркотъ, Гнатышяки, Гаврииль и Феоdоръ,

Трохановскій Мефодій, учитель нар. изъ Криницы и др. отправлены подъ конвоемъ 6-ти солдатъ на судъ въ Вѣну. О. Зарицкій, о. Андрійшинъ и вообще всѣ священники въ лагерѣ получили право совершать богослуженія.

На грядкахъ, между капустой, женщины садятъ салатъ. Варимъ „мюкка-кофе“ и пьемъ его съ конденсированнымъ молокомъ. Д-ръ Колтеръ такъ идеально вырвалъ мнѣ корень зуба, что у меня распухли правый глазъ, съ верху и внутри щека и болятъ десна. Комиссія признала годными къ военной службѣ 207 человекъ изъ 250 рекрутъ и заставила ихъ присягать на вѣрность на малорусскомъ, польскомъ и румынскомъ языкахъ.

2. іюля. — Ночью падаетъ дождь. Грязь непроходимая. Мужчины отъ 24 до 30-лѣтняго возраста должны явиться въ комиссію по отбыванію воинской повинности. Заставляютъ итти не только напр. Юрія Полошиновича и Евстахія Макара и др. мірянъ, но и духовныхъ лицъ, даже протоіереевъ.

3. іюля. — Вечеромъ въ 8 ч., когда мы уже улеглись спать, пришли солдаты и вытребовали Ивана Вислоцкаго, Михаила Перегинца и нѣсколко десятковъ русскихъ студентовъ изъ другихъ бараковъ, въ числѣ которыхъ находились Романъ Макаръ, Генсьерскій, которыхъ, какъ оказалось потомъ, подвергли одиночному заключенію безъ объясненія причинъ.

4. іюля. — Воскресенье. Передаю черезъ тюремнаго надзирателя одинъ хлѣбъ для Перегинца. Власти продолжаютъ арестовывать

нашу молодежь за то, что при опросахъ комиссіи по воинской повинности за родной языкъ — подавали русскій языкъ! Гулять имъ разрѣшается разъ въ сутки въ теченіе одного часа. Они помѣщены въ маленькой комнаткѣ, гдѣ и тѣсно и душно. Духота эта тѣмъ болѣе чувствительна, что стоитъ нестерпимая жара и неудивительно, что многие падали въ обморокъ, а у нѣкоторыхъ, напр. Григорія Пирога, текла изъ носа кровь, сторожатъ возлѣ дверей тюрьмы солдаты — сербы изъ Босніи. Это лютые люди. Образовали мы комитетъ взаимопомощи для доставленія пищи голодающимъ въ тюрьмѣ.

Оберлейтенантъ запаса Чировскій зоветъ многихъ въ 6 ой баракъ, строить ихъ въ (шеренгу) и выбираетъ людей, годныхъ по его мнѣнію быть писарями въ канцелярію. Онъ ведетъ себя грубо, и надменно, точно паша турецкій. Это — человекъ, толстый, небольшого роста, съ рыжеватой бородкой и такими же усами и носить пэнснѣ.

5. іюля. — Меня и техника Теодосія Перчинскаго, съ другими, повели сгребать сѣно въ Карльсдорфѣ. Покупаю у штирійца одинъ хлѣбъ за 1 кр. 20 гел. и 1/2 литра яблочнаго вина.

Рѣшили заботиться о заключенныхъ, Перегинцѣ и Вислоцкомъ. Даже вечеромъ устраиваемъ молчаливую демонстрацію передъ арестнымъ бараккомъ, гдѣ сидятъ они.

6. іюля — Комиссія по воинской повинности оканчиваетъ наборъ солдатъ. Гринберга и 2 евреевъ она забраквала. Гринбергъ

на радостяхъ играетъ на флейтѣ, кидается изъ стороны въ сторону, порицаетъ другихъ за то, что не имѣютъ понятія объ инструментахъ, покуриваетъ папиросу и вновь играетъ. Все это продѣлываетъ онъ уморительно, такъ что, глядя на него, нельзя не улыбаться.

Инженера Чижа и Мудраго посадили подъ арестъ. Въ 21-омъ баракѣ хорошо играютъ на флейтѣ

7. іюля. — Праздникъ Іоанна Крестителя. День хороший и теплый. Утромъ идемъ купаться. Д-ръ Собинъ живетъ съ нами. Прибылъ транспортъ лемковъ изъ Штейн-кляма, среди которыхъ находились: оо. Венгриновичъ, Титъ Полянскій и другіе. Именины о. Іоанна Руссняка изъ Королевы русской, Грибовскаго уѣзда. Священники совершаютъ богослуженія и молебны

Всюду жизнь... и въ Талергофской тюрьмѣ:
Крещеніе новорожденныхъ близнецовъ.

и скрипкахъ. 50 работниковъ отправляется на работы въ окрестности Граца. Передаю съѣстные припасы заключенному Качору слѣдующимъ образомъ: подкуленный солдатъ относитъ пакетъ адресованный данному заключенному въ сортиръ, куда послѣ этого отправляется адресатъ и, забирая пакетъ, уноситъ его къ себѣ въ камеру.

возлѣ часовни и по всѣмъ баракамъ. Также Барановскій есть въ лагерѣ.

Въ баракѣ затѣяли игру въ „волки и овцы“, въ другой части барака поютъ или играютъ на различныхъ инструментахъ. Студенты пишутъ прошенія къ военнымъ властямъ о признаніи имъ права односторонней военной службы. Узнаю, что Романъ Макаръ заключенъ вмѣстѣ съ тремя другими людьми.

8. іюля. — Жара нестерпимая. Я, Геод. Перчинскій, Гнатышаки Ольга и Марья, Добія, Куцій и 9 священниковъ отправляемся на работу въ Карльсдорфъ. Работать намъ не пришлось много, но за то мы прогулялись.

Власти опорожнили 23-й баракъ и помѣщаютъ въ немъ до конца войны о. М. Еднакаго, Преторіуса, Максимова, Кисбера и другихъ. Первую и вторую кухню власти перенесли за баракъ.

9. іюля. — День пріятный. Посѣщаю заключеннаго Перегинца по дѣлу подачи прошенія о признаніи одногодичной военной службы. Имѣя еще отъ Тымчака легитимацию на право посѣщенія всѣхъ заключенныхъ въ лагерѣ по администрац. дѣламъ, я отправился къ тюремному надзирателю и, показавъ ему этотъ документъ, требовалъ пропуска въ арестный баракъ Романъ Макарь передалъ мнѣ письмо къ своему отцу. Поговоривъ съ Перегинцемъ и Макаромъ непродолжительное время, я немедля ушелъ. Пропускъ данный мнѣ Тымчакомъ потерялъ въ то время силу, ибо былъ данъ на определенный срокъ. Для меня было хорошо то, что сторожевой не читалъ моей бумаги.

Вотъ какъ постовые ухитряются вербовать людей на работы: Солдатъ беретъ съ собою одного изъ интернированныхъ, владѣющаго хорошо нѣмецкимъ языкомъ, которыхъ мы прозвали, „нагонячами. Нагонячъ, встрѣчая по дорогѣ кого-нибудь изъ крестьянъ, указываетъ на него солдату, тотъ немедля тащитъ такого на работу. Наго-

нячъ даже указываетъ и такихъ, которые спокойно сидятъ въ баракѣ. Понятно, что тутъ часто личная обида или злость играютъ очень важную роль. Часто между нагонячемъ и жертвой приходитъ къ рѣзкой ссорѣ, сопровождаемой ругательствами и бранью, которую обыкновенно прерываетъ выведенный изъ терпѣнія солдатъ, ругая спорадично и даже прикладомъ загоняя на работу. (Впоследствии никто не хотѣлъ быть „нагонячомъ“).

Читаю все еще сочиненіе „Письмъ IX. и его архипастырская дѣятельность“. Воздушные маневры летчиковъ. Отправляется изъ нашего лагеря транспортъ людей, въ лагерь бѣженцевъ. Изъ Львова прибываетъ 10 человекъ интернированныхъ. Идемъ на кладбище. Ссору трубочиста съ караульнымъ комендантомъ разбираетъ оберлейтенантъ.

Работники откапываютъ гробы австрійскихъ солдатъ и тѣла ихъ закапываютъ въ другомъ мѣстѣ, развѣ только изъ-за того, что солдаты, какъ вѣрные, по ихъ мнѣнію престолу, не должны бы лежать вмѣстѣ съ „измѣнниками“. Священники не совершали панихиды.

Въ понедѣльникъ должно состояться посвященіе греко-кат. церкви въ лагерь; въ виду этого торжества лагерныя власти издали цѣлый рядъ распоряженій.

10. іюля. — Иду какъ доброволецъ на работу. Жара ужасная. Ложусь во время отдыха въ тѣни каштановъ, съ удовольствіемъ ощущая ея прохладу, но не долго, ибо надвигается грозная туча и слышно возвращаемся домой. Едва успѣ-

ли мы войти въ баракъ, какъ разразилась буря съ громомъ и молніей и полился до того проливной дождь, что вода черезъ крышу протекла въ баракъ. Съ сѣнниками и другими вещами бѣгаемъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы найти сухое мѣсто. Подъ струи лившейся сверху воды подставляемъ блюда и ушаты и по наполненіи ихъ выливаемъ воду за баракъ.

Буря разразилась надъ нами въ два пріема, на площади цѣлый рядъ маленькихъ рѣчекъ течетъ въ главные резервуары.

Д-ръ Собинъ, промоченный, сидитъ скорченный на сѣнникѣ и читаетъ „Новую Реформу“. О. Вас. Курилло, простуженный, лежитъ на сѣнникѣ. Воздухъ идеально чистъ и свѣжъ много въ немъ послѣ бури озона. Туча проходитъ и изъ за облаковъ показывается живительное солнышко. О. К. читаетъ преимущественно рассказы о путешествіяхъ, по зоологіи и о приключеніяхъ. Возлѣ церкви выютъ овчарки изъ зеленыхъ вѣтвей.

Мудраго, залитого кровью, понесли на носилкахъ изъ одиночнаго заключенія въ больницу. По причинѣ жары, недостатка пищи и воды, и кромѣ того свѣжаго воздуха, получилъ онъ такое сильное кровотеченіе, что слегъ окончательно.

Иванъ Вислоцкій вслѣдствіе жары чуть-чуть не лишился чувствъ. Главнымъ виновникомъ заключенія нашихъ студентовъ является квази-патріотъ, вѣрнопопданный, поповичъ „украинскій“ оберлейтенантъ Чировскій.

Одна дама пришла въ 21-ый баракъ къ живописцу съ просьбой

написать ея портретъ красками. Во время позировки она упала въ обморокъ. Тинтенфасъ и другой врачъ, находящіеся тутъ же, съ трудомъ привели ее въ чувство.

Качоръ находится въ 13-омъ баракѣ. Новый списокъ освобожденныхъ. О. Діонисій Мохнацкій отправленъ въ определенную нѣмецкую деревню подъ надзоръ полиціи. Во время бури молнія ударила въ электрическую станцію и испортила центральную станцію, вслѣдствіе чего получили мы керосиновую лампу. Снова буря съ градомъ. Папара и его философія. Сидитъ онъ на сѣнникѣ и растегивая воротникъ да снимая сапоги громко философствуетъ самъ съ собой на тему своей доли.

11. іюля. — Передаю заключенному Перегинцу хлѣбъ и соль, въ которой то онъ очень нуждался. Освященіе церкви отложено на недѣлю, ибо дождь испортилъ крышу. Читаю: „Postsecretar im Himmel“.

Въ 21-омъ баракѣ состоялся въ присутствіи многочисленныхъ гостей, преимущественно женскаго пола, первый настоящей концертъ. Наканунѣ праздника Петра и Павла, послѣ вечерни у насъ поздравляютъ именинниковъ. Пять человекъ, а именно: Иванъ Гайда, о. Петръ Дуркотъ и другіе ѣдутъ въ Граць на судъ.

12. іюля. — Праздникъ св. Петра и Павла. Эрцгерцогъ Леопольдъ Сальваторъ посѣщаетъ Талергофъ и осматриваетъ церковь. Онъ пріѣхалъ со свитой въ 2 автомобиляхъ и, осмотрѣвъ церковь, обратно уѣхалъ. Полковникъ съ офицерами уѣхалъ въ коляскѣ.

Аэропланъ разбился вдребезги. Обломки его легчики уложили на телѣгу и помѣстили въ ангарѣ. Знакомлюсь съ о Жубридомъ.

Многихъ женщинъ солдаты посадили подъ арестъ за то, что изъ казенныхъ датскихъ одѣялъ повыбрасывали бумагу и изъ верха сшили себѣ платье!

Военные чиновники берутъ къ себѣ на работу нашихъ дѣвушекъ. Нѣмцы вывозятъ изъ лагеря нечистоты изъ сортира одной коровой и одной лошады. Упражнения солдатъ на площади передъ гаупвахтой. Послѣ обѣда снова идетъ дождь. Д-ръ Лакуста приноситъ намъ заказанныя нами въ фирмѣ Кастнеръ и К^о въ Грацѣ вещи. Вислоцкій Яковъ и Сандовичъ, оба старики, сидя передъ баракомъ, бесѣдуютъ, подобно Гервасію и Протасію изъ „Пана Тадеуша“ Мицкевича. Вечеромъ снова падаетъ непродолжительный дождь, послѣ выхожу вмѣстѣ съ Евстахіемъ Макаромъ гулять.

13. іюля. — Передаю хлѣбъ и 1/2 килограмма сахару Перегину, черезъ о. Крушинскаго. Нѣсколько человекъ отправлены на судъ въ Грацъ. Глѣбовицкій и Славко Кмицкевичъ помирились. Следователь при допросахъ очень хитро толкуетъ слова лемковъ.

Первый концертъ на площади.

14. іюля. — Утромъ хорошая погода, пополудни снова дождь. О. Миланичъ присужденъ къ 2-годичному тюремному заключенію съ зачисленіемъ 7-мѣсячнаго предварительнаго заключенія, но за что, того не знаю. Послѣ обѣда онъ въ сопровожденіи „цугсфирера“ идетъ

подъ арестъ. Бѣдный человекъ, на почтѣ ему украли 116 кронъ; мы собрали для него немного денегъ. Онъ беретъ свои вещи и прощается съ нами, у всѣхъ насъ на глазахъ слезы.

Наши крестьяне косятъ сѣно на лугу за лагеремъ. Сегодня получаемъ на завтракъ фасоль, на обѣдъ кукурузянку, а на ужинъ ксфе.

Капуста растетъ хорошо. Изъ Америки присланы живущими тамъ лемками въ Талергофъ для раздачи лемкамъ 500 кронъ. Честь и слава американскимъ лемкамъ. Плѣнные русскіе починаютъ крышу барака, покрывая ее чѣмъ то въ родѣ толя.

Гринъ былъ въ тюрьмѣ и строго на строго запретилъ давать съѣстные припасы заключеннымъ студентамъ и сообщать имъ свѣдѣнія о жизни въ лагерѣ. Я знаю, что Романъ Макаръ помѣщается въ маленькой камерѣ, съ 5 другими арестованными. Какъ они тамъ помѣщаются, уму не постижимо, ибо никакъ нельзя тамъ больше 3 человекъ вмѣстѣ.

Гиссовскій держитъ табачную лавочку. Освобожденный Папара уѣзжаетъ изъ Талергофа.

15. іюля. — Утромъ получаемъ тминный супъ, а не фасоль. День теплый. Крестьяне изъ Лосы приходятъ въ нашъ баракъ и покупаютъ рюмками сливовицу или ромъ. Вечеромъ въ баракъ раздается пѣніе пѣсни. Покупаемъ фунтъ „бриндзы“ за 2 кроны. Врачъ Могильницкій опредѣлилъ у меня ревматизмъ мускуловъ таза.

16. іюля. — Босняки и русскіе плѣнные косятъ сѣно на лугу за лагеремъ. Барановскій упалъ въ ровъ возлѣ кухни и вывихнулъ себѣ ногу; немедленно письменнo извѣщаетъ онъ команду лагеря объ этомъ случаѣ, надѣясь на возможность полученія нѣкоторыхъ выгодъ изъ-за этого случая. Повивальная бабка, присланная врачомъ, осмотрѣла его ногу и взялась лечить.

О. Василій Курилло и о. Феленчакъ дѣляютъ присланныя изъ Америки деньги по между лемковъ. Снова потерпѣлъ аварию аэропланъ. Одинъ лемко, оглядываясь на всѣ стороны говоритъ потихоньку Ванкѣ: „слушай Ваня, навѣрно и одно изъ государствъ разобьется, какъ этотъ аэропланъ“. Пишу даю сегодня: тминный супъ, кукурузянку, съ новой картошкой, но безъ жиру. Листъ бумаги въ кантинѣ стоитъ уже 4 геллера.

Генеральная чистка второго участка. Возлѣ 19-го и 20-го бараконъ строятъ трибуны. Власти велѣтъ женщинамъ переселиться и то вечеромъ въ 11-ый баракъ. Кухни и бараки бѣлятъ известью. Возлѣ церкви женщины выютъ вѣнки. Въ 5 ч. дня прибываетъ 10 человекъ изъ Коломыйскаго уѣзда. О. Владиміръ Мохнацкій долженъ быть „конфинированъ“.

Вечеромъ въ баракѣ пѣніе. Среди поющихъ выдѣляются своими пріятнымъ тембромъ и силой голоса крестьянокъ изъ Костаровецъ, близъ Сянока, Евы Соболевской и Анны Масляной. Ихъ пѣніе производитъ милое впечатлѣніе и многіе съ наслажденіемъ ихъ

слушаютъ. Поютъ также студентъ и гимназисты. Слышатся пѣсни: „Безъ росы травица вянетъ, безъ росы деревцо сохнетъ“, „По горамъ ходила“, Какъ я у матушки жила“, „Южъ сявертамо засъ“, „Ночь тиха, благія минуты“, „За шумѣла березенька“, „Ой вербо, вербо кучерява“, „Какъ я была мала“, „Въ темномъ лѣсѣ“, „Кедъ мнѣ прійшла карта наруковаць“, „Не осенній мелкій дождичекъ“, „Слабая, слабая, видно я умру“, „Укажи мнѣ такую обитель“, „Пришель бы къ вамъ, когда бъ я зналъ“, „А я вчера оравъ, (пахаль)“, „У насъ быть такой Иванъ“, „Ой копаль я керниченку, разъ-два-три“, „Ой, верше мой, верше“, „Якъ я пойду на мадыаръ“, „Я есмь цыганъ“, „Въ Перемышлѣ на Подзамчѣ“, „Дубе, дубе, што съ ты будетъ“, „Стелися зеленый барвинку“ и цѣлый рядъ другихъ пѣсень. Отъ времени до времени важно и мощно раздаются и такія пѣсни какъ „Коль славень“ и „Пречистая Дѣво Мати русскаго края“. Многіе тайкомъ плачутъ, у многихъ, отъ волненія и воспоминанія, катятся по щекамъ слезы открыто. Пѣсни эти всѣхъ воодушевляють и ободряють. Военноплѣнные русскіе очень проворно и хорошо починають крыши бараконъ.

Развлеченія ради, о. Феленчакъ рассказываетъ крестьянамъ лемковскую сказку, какъ теленокъ, рожденный крестьяниномъ, съѣлъ его и только ноги въ сапогахъ оставилъ. „Жилъ былъ — говоритъ — крестьянинъ, который пилъ только молоко, другихъ жидкостей не принимая. Жена его, желала оту-

чить мужа отъ этой жадности къ молоку и говорить ему, что если дальше онъ будетъ пить молоко, то родить теленка. Но крестьянинъ продолжалъ не смотря на это глотать дальше молоко, потолстѣлъ и брюхо ему выросло. Ростъ брюха заставляетъ его удрать изъ дому, ибо началъ бояться, что на глазахъ у жены родить теленка. По дорогѣ, въ лѣсу, куда онъ забрелъ встрѣтилъ пару лежащихъ сапогъ и, взявъ ихъ за уши на палку, побрелъ дальше. Приходитъ вечеромъ въ какую-то хату и стучится. Хозяинъ хаты принялъ его на ночлегъ и помѣстилъ на печкѣ, дабы ему было тепло. Ночью у хозяина хаты корова отелилась, и хозяинъ изъ-за холода, положилъ родившагося теленка на печку возлѣ гостя. Раннимъ утромъ, когда еще всѣ въ хатѣ спали, пробуждается гость крестьянинъ — и, увидѣвъ возлѣ лежащаго теленка, пришелъ въ ужасъ, такъ какъ ему показалось, что слова жены исполнились. Недолго думая, онъ одѣвается и, забывъ про найденныя имъ сапоги, торопливо уходитъ изъ хаты не простившись съ хозяевами. Въ сапогахъ же, о чемъ не знали нашедшій ихъ въ лѣсу крестьянинъ, находились остатки ногъ человѣка, съѣденнаго волками. Хозяинъ хаты, проснувшись прежде всего вспомнилъ о своемъ гостѣ и немедленно подошелъ къ печкѣ, но на печкѣ гостя не оказалось, за то остались покинутые имъ сапоги. Хозяинъ удивился, но увидя сапоги, подумалъ: „вотъ хорошій гость, оставилъ мнѣ сапоги, попробую, авось мнѣ годятся“, и сталъ

тутъ же примѣрять сапоги, но нога не лезетъ въ сапогъ, ибо что-то ей мѣшаетъ. Тогда онъ засовываетъ руку въ сапогъ и вынимаетъ оттуда голень со ступней человѣческой! Это его до того напугало, что онъ бѣжитъ къ женѣ и показывая ей сапогъ и найденную въ немъ ногу, говоритъ ей: „вотъ смотри теленокъ съѣлъ крестьянина и оставилъ только его ноги“. Крестьянинъ же удравшійся изъ хаты приходитъ домой и разсуждаетъ про себя: „хорошо, что жена не видѣла какъ я родилъ, вотъ смѣялась бы надо мной“. Эта сказочка очень понравилась крестьянамъ.

17. июля. — Въ 6^{1/2} ч. утра отправляется на судъ въ Грацъ Билинкевичъ. Баракъ приводятъ въ порядокъ. Воздухъ чистъ, небо синее, вдали видны сѣрые облака. Красныя крыши стирійскихъ хатъ виднѣются издалека. Виднѣются то же горы покрытыя виноградникомъ. Аэропланы взлетаютъ и по обыкновенію падаютъ. Стефанъ изъ Бережанъ, широкоплечій видный мужчина, но слабодушный, проходя возлѣ кухни, громогласно, но фальшиво поетъ: „она была файна, она была добра“. Размахивая палкой, онъ обращается къ встрѣчающимся по дорогѣ людямъ со словами: „разступись!“ На его исхудаломъ и изнуренномъ голодомъ лицѣ видна легкая улыбка. Увидя, что кто-то ѣстъ хлѣбъ, подходитъ къ нему и проситъ: „либа“, т. е. „хлѣба“. Нѣкоторые крестьяне, имѣющіе деньги приходятъ въ баракъ, гдѣ продаютъ водку и пьютъ ее, рюмку за рюмкой. Одинъ изъ нихъ, послѣ изряднаго количества рю-

мокъ, прослезился и, обнимая другаго крестьянина, говоритъ; „дай намъ Боже здравья“. Затѣмъ оба возвратились въ свой баракъ спать. День прошелъ, завтра снова придутъ пить, дабы забыть свою горькую долю. Такъ они дѣлаютъ изо дня въ день, покуда хватитъ у нихъ денегъ.

Слѣдователь допрашиваетъ 6 заключенныхъ. Заболѣвшаго Григ. Пирого въ арестѣ помѣстили 6

католическіе священники. Освященіе произведено съ торжественностью, при участіи войскъ, хора и военной музыки. Удивительны „тактъ“ предержавшихъ лагерь, именно въ томъ, что для освященія нашей церкви выписали римокатолическихъ ксендзовъ, тогда какъ въ лагерѣ нашихъ священниковъ насчитывается нѣсколько сотенъ! Хоръ подъ управленіемъ о. Петра Дуркота поетъ гимнъ: „Бо-

Пиршество лагернаго начальства.

госпиталь. Соболевскій, сторожа сохнувшее его бѣлье на окружающій лагерь рѣшеткѣ, гуляетъ съ заложеными за спину руками. На головѣ у него старая черная шляпа съ тремя большими жирными пятнами.

18. июля — Воскресенье. День ненастный. Посвященіе нашей греко католической церкви совершаютъ прибывшіе изъ Граца римско-

же буди покровитель, цѣсарю его краямъ“...

Вся церковь и всѣ окрестныя лавки украшены флагами союзныхъ (центральныхъ) государствъ и папскаго престола.

Русскіе плѣнные приносятъ стулья для представителей власти, послѣ чего строятся въ ряды вслѣдъ за австрійскими солдатами. Прекрасный видъ представлялъ парадъ

полка тирольскихъ стрѣлковъ во главѣ съ ихъ капитаномъ. Трибуны заняты дамами, генераломъ и офицерами. Съ лѣвой стороны трибунъ уставленъ хоръ пѣвчихъ и оркестръ. Возлѣ 19 и 20 бараконъ стояла большая бочка съ водой. Публика, какъ всегда, любопытна, не обратила на нее вниманія и напирая одинъ на другого, натолкнула на нее близъ стоящихъ, бочка перевернулась и вода вылилась подъ ноги стоящимъ, которые, спасаясь, разбѣжались по баракамъ и это мѣсто опустѣло. Теперь уже можно было свободно смотрѣть на парадъ войскъ и совершающееся торжество. Финалъ освященія церкви былъ, однако, довольно комиченъ, ибо сильный дождь заставилъ всѣхъ смотрѣвшихъ разбѣжаться по баракамъ и остались только солдаты и нѣсколько священниковъ, но и тѣ промокшіе, какъ курицы поспѣшили вслѣдъ за убѣгающими.

19. іюля. — Возлѣ кантины, власти начали устраивать канализацию и потому за рѣшеткой выкапываютъ рвы для проложенія водосточныхъ трубъ. Арестованныхъ повели въ баню. Герцъ сообщаетъ многомудренныя подробности освобожденія изъ Талергофа не увѣнчалось успѣхомъ. На обѣдъ получаемъ супъ съ галушками и мясомъ. Упражнения пожарной дружины. Ходатайства наши объ освобожденіи безъ успѣха.

20. іюля. — Русскіе военнопленные перебрасываютъ на лугу сѣно, сѣноворошилкой. 6 заключенныхъ получаютъ письменный приговоръ „Малый — какъ адвокатъ, Кедькъ — какъ рестораторъ, а

Гизыцкій — какъ часеваръ“. О. К посадили въ одиночное заключеніе за ссору, а ефрейторъ со штыкомъ шагаетъ за нимъ. Идемъ гулять на кладбище, понятно сопровождаемые солдатами.

21. іюля. — Прошенія о признаніи права одногодичной военной службы, возвращенныя намъ вчера, сегодня воинскимъ начальникомъ вновь отобраны у насъ, для падежащаго зарегистрированія въ его канцеляріи.

22. іюля. — Нѣкоторые рекруты изъ 18 — 24 бараконъ должны идти подъ карантинъ, къ нему они послѣ обѣда и готовятся.

23. іюля. — Былъ между находящимися подъ карантиномъ рекрутами, которыхъ власти распределяютъ по полкамъ. Перехожу съ Юріемъ Полошиничемъ во вторую комнату этого барака. Цыганъ Пегръ изъ Лемковщины, тоже рекругъ, рассказываетъ мнѣ подробно о цыганской жизни и, между прочимъ, о своей матери, имѣвшей трехъ мужьевъ. Нашъ баракъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ ключей проволокой, чтобы никто не удралъ изъ него, несмотря на это, мы ухитрились въ то время когда солдатъ, сторожащій насъ, отходилъ отъ насъ на значительное разстояніе и былъ обращенъ къ намъ спиной, поднимать эту проволоку и проскальзывать по подней, подобно зайцамъ, наружу, дабы увидѣться со своими; вечеромъ возвращались мы такимъ же образомъ въ баракъ рекругъ. О. Орестъ Тустановскій уѣзжаетъ изъ лагеря. Говорятъ, что постовой

солдатъ ранилъ одного интернированного.

25. іюля. — Сегодня мнѣ не удалось выйти изъ барака, ибо сторожащій насъ солдатъ слѣдилъ внимательно за каждымъ нашимъ движеніемъ. Папаша приноситъ мнѣ масло и бѣлье. Освобожденные получаютъ пугевые документы къ подписи.

25. іюля. — Жизнь рекругъ подъ карантиномъ. Одни играютъ чють ли не полъ дня въ карты,

получить отпускъ, чтобы повидаться съ родными.

26. іюля. — Приѣздъ генерала. Дождь падаетъ. Въ Баучъ уѣзжаютъ: Макарь, Николай Галь и другіе. Скука смертная, вслѣдствіе чего уже послѣ обѣда ложимся спать. Я почти все приготовилъ къ отъѣзду въ Фрейденхоффъ. 30 человѣкъ 30-аго барака уѣзжаетъ, между ними находится и Саврукъ. На площади оглашаютъ списокъ освобожденныхъ. Я удираю вечеромъ

Ревизія багажа освобожденныхъ.

другіе курятъ папиросы и зедутъ между собой на разныя темы бесѣды, кто-то играетъ на мандолинѣ, иной на гитарѣ и т. д. Вообще мы все таки довольны, что насъ берутъ на военную службу, ибо покинемъ этотъ ненавистный Талергоффъ, и каждый изъ насъ надѣется, что, булуци на фронтѣ, ему удастся какъ-нибудь или удрать или

изъ карантина къ отцу въ 21-ый баракъ, а потомъ возвращаюсь домой. Сегодня дали на завтракъ кофе, на обѣдъ супъ съ мелкими клецками и мясомъ, и на ужинъ картофельный супъ. Приготовляю запасы съѣдобнаго на дорогу.

27. іюля. — День хорошій. Идемъ купаться. Новобранцы, причисленные къ 56 и 57 полкамъ, уѣз-

жаютъ въ 11 ч. утра. Многихъ новобранцевъ отпускаютъ на свободу, почему не на фронтъ, одинъ Богъ вѣдаетъ. Кузьякъ вторично интернированъ.

Мастера строятъ новые, болѣе удобные сортиры. Они соединяютъ 6-ой баракъ съ первой кухней и дѣлаютъ что-то въ родѣ столовой. Получаемъ на завтракъ и ужинъ кофе, на обѣдъ картофельный супъ съ мясомъ. Вечеромъ хоръ поетъ хорошо разныя пѣсни.

Въ одиночномъ заключеніи одинъ изъ крестьянъ повѣсился на подтяжкахъ. Къ счастью во время замѣтили и снявъ успѣли спасти. Причиной его самоубійства было приговореніе его къ 2½ годамъ тюремнаго заключенія. Вечеромъ посадили въ одиночное заключеніе коменданта барака К-ра, за то, что былъ пьянъ.

28. іюля. — Погода, день теплый. Со скуки, покупаемъ газеты и читаемъ. Новобранцы играютъ въ тарока и въ „фербля“ или преферансъ или покуриваютъ папиросы или пьютъ или же просто лежатъ на кровати и поютъ пѣсни, а то, просто раздумываютъ. Сенько дѣлаетъ папиросы, набивая табакъ въ гильзы. Цыганъ Петръ, остремивъ взоръ въ одно мѣсто, о чемъ-то думаетъ.

Жители третьяго участка переходятъ частью въ 31 и 32 баракки а частью въ баракки второго участка. О. Влад. Мохнацкій въ 10 час. утра выѣзжаетъ на „конфи-ас-ціо“.

Въ цѣломъ лагерѣ господствуетъ вѣ огня. Говорятъ, что 2 тысячъ людей должны прибыть въ ла-

геръ. Даже новобранцевъ власти не оставили въ покоѣ. Изъ барака С (Ц) переходимъ въ баракъ А послѣ ряда противоположныхъ распоряженій. Въ прежній баракъ переходятъ женщины второго участка. Ночью прибыло въ лагерь 30 человекъ. Пѣня не устраиваемъ, ибо нѣтъ охоты.

29. іюля. — День теплый. Отъ ѣздъ въ Меришъ Нейштадтъ. Папара, какъ говорятъ, состоялъ секретаремъ магистрата седьмого класса, будучи отставнымъ судьей. Сегодня получаемъ на завтракъ картофельный супъ, на обѣдъ — рисъ съ мясомъ, а на ужинъ кофе. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъѣзда изъ лагеря, ибо ужъ очень скучно. Лавочница зарабатываетъ на чисто минимумъ 35%. Одинъ новобранецъ играетъ отъ скуки въ карты съ 12 ч. дня до 9 ч. Утра, слѣдующаго дня. Маргарита Попель заболѣла и лежитъ въ госпиталѣ.

30. іюля. — Пасмурно. Утромъ прибываетъ въ лагерь изъ Зацендорфа многочисленный транспортъ женщинъ и дѣтей. Почему ихъ не выпустили на свободу? Дѣти плачутъ и кричатъ, требуя воды и хлѣба. Солдаты сопровождаютъ ихъ въ баню.

О. Вас. Курилло высылаетъ почтой своей семьѣ во Флоринку свой портретъ Юліанъ Дуркотъ, какъ освобожденный, съ 13 новобранцами, уѣзжаетъ въ свой полкъ.

Посаженные въ одиночное заключеніе за то, что при наборѣ въ солдаты записались русскими, только спустя 2 недѣли освобождены изъ подъ ареста, но Чировскому этому еще мало и онъ заставля-

етъ ихъ висѣть привязанными къ столбу, за исключеніемъ троихъ, въ теченіи 2 часовъ. Это были: Гелиговичъ, Добрянскій и еще кто-то третій, которыхъ врачъ освободилъ отъ этого наказанія. Эти исхудалые блѣдные люди послѣ 2 недѣльных истязаній и страданій въ тѣсной душной кельѣ будутъ висѣть привязанные къ столбу и вновь страдать отъ невыносимой боли и падать въ обморокъ, и можетъ быть истекать кровью, льющейся изъ носа и рта. И это называется культурная страна, въ которой инквизиція была запрещена! Т. об. по прихоти Чировскаго будутъ наказаны люди за то, что осмѣлились официально заявить себя русскими! Цѣлая толпа народа, каждый разъ ожидаетъ появления этихъ мучениковъ и сопровождаетъ ихъ по баракамъ.

Нѣкоторые рекруты (новобранцы) дѣлаютъ себѣ изъ досокъ чемованчики на вещи. Одинъ изъ нихъ варитъ чай и продаетъ стаканъ чаю по 2 геллера. Другой продаетъ кубики Магги (Maggi-Würfel) на супъ и хлѣбъ, ибо нуждается въ деньгахъ. Романъ Макарь, исхудалый послѣ ареста и истязанія, но бодрый духомъ, Славо Кмицикевичъ и Гришьякъ посѣщаютъ насъ.

31. іюля — Суббота. Солнечный красный день. Присужденныхъ поочередно подвергаютъ наказанію висѣть привязанными къ столбу!

Григорій Карель рассказываетъ Онуфрію Ткачу, что Мацканичъ (лемко), былъ раненъ на фронтѣ въ Далмаціи во время боя съ итальянцами. Въ лагерѣ находится

одинъ еврей, который все молчитъ и плачетъ, бѣдный человекъ. Кизьякъ брѣдетъ людей. Сегодня даютъ намъ на завтракъ супъ съ фасолью, на обѣдъ супъ съ клецками и мясомъ, и на ужинъ спаржевый супъ:

Августъ 1915 года.

1. авг. — Кедыкъ продаетъ чешскіе кваргли (желтый сыръ съ острымъ запахомъ), пиво и водку. Иду гулять съ Перегинцемъ. Адвокатъ д-ръ Хилякъ уѣхалъ изъ лагеря. Въ новыхъ баракахъ новобранцы играютъ въ карты, образовалось шесть партій. Въ этихъ баракахъ жить пріятнѣе, ибо прохладнѣе чѣмъ въ нашихъ.

2. авг. — Утромъ иду въ 10 баракъ, а послѣ для допроса къ судѣ Величковскому.

Русскіе съ радостью покидаютъ 34 баракъ и возвращаются въ свои баракки. Это произошло по приказу генерала Бачинскаго, по ходатайству депутаціи интернированныхъ, бывшей у него и просившей его объ этомъ. Ему извѣстно, что въ лагерѣ Чировскій — persona odiosa (ненавистный человекъ).

3. авг. — Идетъ дождь. Иду гулять съ Евстахіемъ Макаромъ. Въ супъ кладутъ мелкій зеленый лукъ. Получаю письмо отъ брата Зенона изъ Люблины.

4. авг. — День хороший. Въ лагерь прибываютъ новые люди изъ Галичины. Передъ купаньемъ въ банѣ остригли ихъ, ибо у нихъ были очень длинные волосы. Илья Бекерскій находится подъ карантинномъ тутъ же возлѣ нашего барака. Недалеко отъ насъ мастера строятъ

2 новыкъ барака и обиваютъ ихъ досками. Во время обѣда комендантъ барака Панночко даетъ распоряженія. Сегодня 9 новобранцевъ уѣзжаютъ изъ лагеря.

Наши работники возвратились изъ Граца; за работу въ фабрикахъ или у крестьянъ получали по-денно по 1 кр. 40 г. до 1 к. 50 гел., пишу 3 раза въ день и квартиру. Такъ какъ они солидарно отказались работать по воскресеньямъ, то хозяева не давали имъ по воскресеньямъ пищи, вслѣдствіе чего они вынуждены были покупать себѣ ѣду за заработанныя деньги. Жарко. „Радца“ Конопинскій имѣетъ, какъ говоритъ, копію списка политически неблагонадежныхъ. Сегодня получаемъ на завтракъ кофе, на обѣдъ кукурузянку, а на ужинъ — картофель съ капустой.

5. авг. — Утромъ прохладно, пополудни жарко. Отъ брата Зенона изъ Любляны получаю открытку съ интересными вѣстями. Имѣя разрѣшеніе врача, выхожу сейчасъ послѣ обѣда гулять. Сегодня день моего ангела. Работники, копая землю, вырыли трупъ, одѣтый въ длинные сапоги и платъ со сложенными на крестъ руками! Тамъ гдѣ прежде были 3 деревянныхъ креста, нашли много человѣческихъ костей. Работники сложили кости въ гробъ и отнесли ихъ на кладбище и зарыли ихъ безъ священника. Это произошло въ присутствіи многихъ интернированныхъ. Ужасное впечатлѣніе.

6. авг. — Очень жаркій день. На завтракъ даютъ картофельный супъ, на обѣдъ кукурузянку („малыгу“), а на ужинъ — кофе.

Обѣдъ даютъ уже въ 10½ ч. утра. Изъ-за жары и обилья комаровъ спать не могу. Вечеромъ открытъ входъ въ новые нормальные сортиры, въ старые входъ запрещенъ. На лугахъ собираютъ работники овесъ и сѣно и свозятъ въ сараи, возомъ съ запряженными лошадью и коровой. Настоятелемъ къ намъ назначенъ о. Карпякъ. Сегодня онъ прибылъ въ лагерь.

Въ 10 баракѣ произошла драка между цыганами. Тинтенфасъ приказалъ поэтому посадить подъ арестъ одну цыганку. Драка произошла и за свободной цыганской любви. Съ 12 ч. ночи до 6 ч. утра, вмѣстѣ съ Шемердякомъ, стою на часахъ у отдѣленія пожарной дружины. Замѣчаю, что повара уже въ 12 ч. ночи начинаютъ варить въ огромныхъ котлахъ кофе на завтракъ. Слышу движеніе поѣздовъ въ Грацъ и обратно. Тихая, пріятная и спокойная ночь дѣйствуетъ успокоительно на мои расшатавшіеся нервы. Наша умывальня находится во дворѣ вѣт барака, что даетъ намъ возможность мыть-ся подѣ голымъ небомъ. Къ намъ доносится лай собакъ изъ стырійской деревни. Зато неслышно птичьего концерта, ибо пернатое царство, какъ и люди, почиваетъ. Весь денной шумъ и гамъ утихъ. Природа спитъ. Невольно я задумался и мысли текутъ далеко въ родныя мѣста на Лемковщину, а слезы невольно наворачиваются на глазу.

8. авг. — Утромъ прибываетъ въ лагерь новый транспортъ интернированныхъ. О. Хризостомъ Дуркотъ умеръ въ госпиталѣ, ибо большое его сердце не вынесло вы-

сокой температуры. Говорятъ, у него была „Gelbkrankheit“.

Михаилъ Максимчакъ прислалъ о. Вас. Курилло открытку изъ Баучу. Читаю пѣсенникъ. О. Карпякъ совершаетъ свое первое богослуженіе въ церкви.

9 авг. — Сегодня прибылъ въ лагерь генералъ Бачинскій. На кладбищѣ власти приказали обрѣзать трехраменные кресты. На кладбищѣ находится одинъ еврейскій памятникъ, но его власти не тронули. Въ 6 ч. вечера состоялись похороны о. Хр. Дуркота. Хоръ подѣ управленіемъ Галушки пѣлъ превосходно. Хоронилъ о. Карпякъ.

10. авг. — Сегодня снялъ съ насъ фотографію одинъ фотографъ. Хотя идетъ мелкій дождичекъ, однако въ воздухѣ жарко.

11. авг. — Получаемъ новыя вѣсти отъ Уѣйскаго. Дождь падаетъ. Одна дѣвушка десятаго барака только и дѣлаетъ, что смотритъ по цѣлымъ днямъ въ окно на проходящихъ мимо. Новобранцы переживаютъ ужасное время. Вѣ они ожидаютъ съ нетерпѣніемъ приказа покинуть лагерь. Всѣ изнервничались, ибо находятся 3 недѣли подѣ карантинномъ безъ всякаго занятія и работы. Возлѣ лавочки ожидаемъ Уѣйскаго. Онъ даетъ намъ письменный приказъ и мы: Юрій Полошиновичъ, Макаръ и я, беремъ наши вещи и переходимъ въ 20-ый баракъ. Спать приходится по двумъ на одномъ сѣнникѣ. 20 новобранцевъ власти переводятъ въ другіе бараки, но почему? „Приказъ есть приказъ“. Параничъ умеръ.

12. авг. — День хорошій. Мы получаемъ отъ фотографа наши

снимки. Уѣзжаютъ изъ лагеря: Розалъя Скалько, русская патриотка изъ Угеречъ минеральныхъ (уѣздъ Лѣско) Гарбера, Трохановская Марія изъ Криницы и еще 9 человекъ. Скука смертная. Юрко П. ходитъ изъ барака въ баракъ и играетъ въ „тарока“. А. Дутка освобожденъ. Ольга Байкова, урожденная Ладъжинская изъ Самбора, сидитъ на скамейкѣ и шьетъ что-то. Много людей уѣзжаетъ на свободу, а многіе ѣдутъ на работы. Всѣхъ новобранцевъ снова переводятъ въ 21 баракъ. Снова прибылъ транспортъ интернированныхъ въ числѣ 27 человекъ.

13. авг. — Пятница. Снова по приказанію властей новобранцевъ переводятъ въ землянки. Буря съ громомъ и молніей и проливнымъ дождемъ. Отдаю сапоги для починки, а бѣлье въ мойку, словомъ готовлюсь къ отъѣзду. Читаю сочиненія Виргилія. Ужасная бѣготня въ лагерѣ. Новый приказъ и такъ чуть ли не каждые полчаса!

Наши люди прямо таки теряютъ голову. Вижу постоянное переселеніе людей изъ одного барака въ другой. Одинъ старикъ, жалуюсь, говоритъ мнѣ: „А знаете, господинъ, что въ теченіе 50-лѣтней своей жизни я не мѣнялъ квартиры столько разъ, сколько мѣнялъ бараки въ лагерѣ въ теченіи этихъ 10 мѣсяцевъ. Это даже не даетъ мнѣ спокойно спать, ибо часто мнѣ снится, что надо складывать вещи и идти въ другой баракъ“.

Въ землянкахъ новобранцы уже кое-какъ разгостились. Они принесли на плечахъ свои сѣнники и ве-

щи и, уложивъ сѣнники у стѣнъ, разложили свои вещи и на новосельи закурили папирсы. Но льетъ такой сильный дождь, что протекаетъ черезъ крышу. Поляки пьютъ пиво. Напротивъ меня помѣстился о. Игнатій Гудима и учится усердно французскому языку.

14. авг. — О. Вас. Курилло даетъ себя остричь машинкой нулевымъ номеромъ, а бороду стричь не позволяетъ. Онъ дѣлитъ между людей терезинскаго транспорта 650 кронъ, присланныхъ изъ Америки. Субсидія присланная изъ Америки для лемковъ въ суммѣ 450 кронъ будетъ между нихъ роздана на дняхъ. Прибыль транспортъ изъ Оломунца. Отъ оберлейтенанта Герца получаю извѣщеніе, что мнѣ признана одногодичная служба въ качествѣ добровольца.

15. авг. — Воскресенье. Въ 9 ч. утра совершается богослуженіе въ церкви и въ 18-омъ баракѣ. Мерениха изъ Береста находится подъ карантинномъ. Юстинъ Воргачъ изъ Флоринки даетъ ей взаймы 10 кронъ на дорогу въ присутствіи Маріи Хопей изъ Береста.

16. авг. — 80 новобранцевъ уѣзжаютъ въ 9-ый краковскій полкъ. Въ 6 ч. вечера лагерь посѣщаетъ для осмотра врачебная комиссія. Послѣ обѣда идетъ дождь. Повивальную бабку двое солдатъ караульныхъ выпроваживаютъ изъ лагеря. Получаемъ на завтракъ картофельный супъ, на обѣдъ — фасоль, полбу и рисъ, вмѣстѣ сваренные, а на ужинъ тминную похлебку. Въ 8 и 32 баракахъ уже постоянно нѣтъ чаю.

17. авг. — Новобранцевъ отправили въ 4 разные полки. Въ 32 баракѣ упражненія хорового пѣвья. Получаемъ кофе, кукурузянку и капусту съ турецкимъ перцемъ (паприкой). Уже довольно продолжительное время не получаемъ мяса. Изъ лагеря уѣзжаютъ: Звѣрихъ, Патроникъ, гимзавистъ Савчакъ, Кметыкъ и Кузьмякъ.

18. авг. — Тезоименитство Франца Іосифа I. Торжественное богослуженіе въ церкви и 18 баракѣ, съ участіемъ хора. Возлѣ молочной лавки играютъ на музыкальныхъ инструментахъ: Гринбергъ, Ревсъ, Пепи, Сеникъ и др. Въ 8 ч. музыка у полкового врача. Сегодня получаемъ на завтракъ: кофе, на обѣдъ гуляшъ, а на ужинъ — кофе. Новобранцы уѣзжаютъ въ 20 полкъ ополченцевъ. Власти поименовали улицы и площади лагеря. Ночи бываютъ холодныя, а утро пасмурное.

19. авг. — Преображеніе Господне. Въ 18 баракѣ во время богослуженія поетъ хоръ. Ревсъ играетъ на скрипкѣ у главнаго врача лагеря. Снова заставляютъ студентовъ записываться въ пожарную дружину. Михаилъ Перегинецъ и Мудрый удрали изъ барака предназначеннаго для пожарной дружины въ 21 баракъ. Комендантомъ пожарной дружины назначенъ Максимовичъ. Въ молочной лавкѣ недавно тому назадъ назначенъ продавцемъ одинъ изъ студентовъ. Кудыкъ продаетъ водку, папирсы, „бриндзу“, чешскіе кваргли и пр. Я прощаюсь со всѣми, ибо утромъ нашъ транспортъ новобранцевъ дол-

женъ отправиться въ 20 пѣхотный полкъ въ Тарновѣ.

20. авг. — Прощаюсь со всѣми еще разъ. Цѣлая толпа нашихъ провожаетъ насъ до рѣшетки. Производятъ ревизію нашихъ вещей. Мои записки я попряталъ частью въ сапогахъ, частью въ карманахъ, а частью въ чемоданчикѣ съ двойнымъ дномъ. Прощаюсь со своимъ отцомъ въ послѣдній разъ, оазъ благословляетъ меня на новый

ровымъ мало кто уходилъ. Разстались мы со слезами на глазахъ и также у многихъ сопровождающихъ насъ были на глазахъ слезы. Покидая лагерь въ сопровожденіи солдатъ, я все думалъ объ оставшемся отцѣ, о которомъ, какъ я заболтался, врядъ ли кто другой станетъ заботиться. Эти мрачныя думы все время пути на станцію желѣзной дороги, заставляли меня оборачиваться въ сторону лагеря

Нагрузка багажа передъ отправкой на вокзаль.

путь словами: „чаще пиши мнѣ и забывай обо мнѣ“. Это были его послѣднія слова до новрй съ нимъ встрѣчи. Но тогда ни онъ ни я не думали, увидимся ли снова, а ожидали каждый въ отдѣльности самаго худшаго, и потому такъ прощались, какъ будто уже больше не встрѣтимся въ сей жизни. Я ѣхалъ на фронтъ, гдѣ шальная пуля легко могла лишитъ меня жизни и покидалъ отца-старика въ такомъ мѣстѣ, откуда живымъ и здо-

и смотрѣть на махавшихъ намъ платками и шляпами прощавшихся съ нами до тѣхъ поръ, пока лагерь не скрылся отъ глазъ нашихъ. Подойдя къ станціи желѣзной дороги, увидѣли ожидающій насъ поѣздъ и немедля заняли отведенныя намъ въ этомъ поѣздѣ мѣста. Поѣздъ тронулся и тутъ въ пути я еще разъ имѣлъ возможность изъ окна вагона посмотрѣть на удаляющійся отъ насъ талергофскій лагерь.

Свидѣтельство узника изъ Снятинщины.

с. Волчковцы, Снятинскаго уѣзда.

(Сообщеніе Ивана А. Васюгы).

Въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ изъ сяночковой тюрьмы, узнаемъ, что мы будемъ отправлены въ Градецъ. Однако мы ошиблись въ нашихъ расчетахъ на улучшение нашего положенія, ибо проѣхавъ черезъ Градецъ, мы очутились въ Талергофѣ.

Быль мѣсяць ноябрь. Мы были размѣщены въ палаткахъ, въ которыхъ господствовали грязь, насѣкомыя и холодъ. Позже мы узнали, что въ этихъ палаткахъ побывали до нашего пріѣзда тысячи людей.

Палатки были назначены для карантина. Купить нечего, голодъ допекаетъ и нельзя выйти на просторъ, ибо палатки окружены колючей проволокой.

Послѣ двухнедѣльнаго карантина отправляемся въ весьма своеобразную баню. По серединѣ котель съ полутеплой водой, рядомъ разставлены грязныя корыта, полъ вымощенъ каменными, леденящими ноги плитами. Велятъ раздѣваться во дворѣ, на снѣгу. Одежду забираютъ для дезинфекціи, насъ гонятъ въ ангары купаться, а послѣ купанья опять на снѣгъ — одѣваться.

Въ новыхъ баракахъ, въ которыхъ мы размѣстились послѣ бани, страшная скученность. По 250 — 280 человекъ въ одномъ, ночью трудно обернуться.

Ежедневно прибывали въ Талергофъ новыя партіи, ежедневно

ихъ раздѣвали на снѣгу, послѣдствіемъ чего были массовыя заболѣванія заключенныхъ сыпнымъ тифомъ и другими болѣзнями. Эпидемія косила народъ десятками и сотнями. Въ одно время казалось, что весь лагерь вымретъ и живой души въ немъ не останется.

Были между нами свои врачи, н. пр. д-ръ Влад. Могильницкій изъ Бучача и д-ръ Войтовичъ изъ Перемышля. Они работали сверхъ своихъ силъ, однако результаты были незначительны. Нехватало лекарствъ, инструментовъ и средствъ.

Эпидемія между тѣмъ распространялась съ ужасающей скоростью. Какъ я уже упомянулъ, въ баракахъ находилось по 250 — 280 человекъ, а были бараки съ нарами въ три этажа, которые вмѣщали по 500 человекъ. Болѣли рѣшительно всѣ. Въ началѣ такой

большой чувствовалъ себя весьма несчастнымъ и одинокимъ. Когда же позже больной тифомъ видѣлъ, что сосѣдъ его справа мертвъ, слѣва догораетъ, сверху стягиваютъ покойника, а въ коридорѣ лежитъ рядомъ нѣсколько человекъ и бредитъ въ тифозномъ жару, тогда дѣлался постепенно равнодушнымъ къ своей болѣзни и къ окружающей его средѣ. Нынѣ его тащатъ на кладбище, потащатъ завтра меня, и такъ продолжалось безъ конца. Когда человекъ поднялся утромъ съ постели, видѣлъ на ули-

цѣ передъ бараками покойниковъ въ разныхъ видахъ — голыхъ, въ лохмотьяхъ, одни лежали подъ навѣсами крышъ, иные прямо въ грязи — на землѣ, а подъ часовенью къ полудню собиралось ежедневно 30—40—50 гробовъ съ покойниками.

Эпидемія унесла въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ до трехъ тысячъ жертвъ. Всѣ они похоронены „подъ соснами“.

Въ другой половинѣ лѣта производился рекрутскій наборъ. Были зачислены на военную службу всѣ до 50-лѣтняго возраста. Молодыхъ сейчасъ же погнали на позиціи, а кто постарше, то были взяты въ началѣ 1916 г. Настало именно время, когда австрійскіе вожди почувствовали недостатокъ въ пушечномъ мясѣ. Тутъ уже не стали разбирать, благонадеженъ ли чело-вѣкъ или же политически заподозрѣнъ, всѣ мало-мальски внѣшне здоровые оказались подходящими солдатами.

И я былъ опредѣленъ въ началѣ марта 1916 г. на военную службу. Не стану скрывать не понравился мнѣ этотъ сюрпризъ, однако, съ другой стороны, я почувствовалъ до нѣкоторой степени удовлетвореніе, надѣясь вырваться на волю изъ грязной клѣтки.

Не долго радовался я свободѣ, ибо на третій день Пасхи я былъ опять арестованъ, благодаря мазепинпу экс-жандарму Добрянскому-Демковичу, вертѣвшемуся между нами въ полку. Именно онъ обвинилъ насъ четверыхъ въ государственной измѣнѣ, послѣдствіемъ

чего мы очутились въ военной тюрьмѣ въ Градецѣ.

Послѣ предварительнаго слѣдствія продолжавшагося въ общемъ два мѣсяца, получаемъ, я и мой товарищъ Юсифъ Кебузь, изъ с. Пикуличъ, Перемышльскаго уѣзда,

Водонапорная башня.

по 15 мѣсяцевъ военной тюрьмы, студентъ Зваричъ изъ Сулимова жолковскаго уѣзда, 12 мѣсяцевъ, а студентъ М. Гукъ изъ Львова — 18 мѣсяцевъ. Судъ опредѣлилъ намъ въ защитники украинофила д-ра Чировскаго, который на судѣ —

своими разъяснениями относительно опасности для государства „руссофильского“ движения больше защищал свидетеля, то есть экс-жандарма Добрянского, а намъ тѣмъ самымъ оказалъ медвѣжью услугу.

По прочтении приговора мы внесли жалобу, не принесшую намъ, однако, ни малѣйшей пользы.

По истечении двухъ мѣсяцевъ приѣзжаетъ осматривать тюрьму какой то генералъ, по национальности изъ южныхъ славянъ. Во время обыкновеннаго допроса генераломъ арестантовъ, относительно обращенія тюремной администраціи, пропитанія и вообще порядка, я, скрѣпя сердце, выступилъ впередъ и, изложивъ свою жалобу и лишенную основаній клевету со стороны доносчика, послужившую причиной незаслуженнаго наказанія просилъ генерала о пересмотрѣ моего и товаришей дѣла. Не знаю, повѣрилъ ли генералъ моей жалобѣ, а быть можетъ зналъ кое-что о массовыхъ ссылкахъ галичанъ въ глубь Австріи, но онъ пообщалъ намъ заняться ближе нашей судьбой. Нѣкоторое время спустя послѣ его

отѣзда намъ объявлено, что будетъ пересмотрѣ дѣла въ дивизионномъ судѣ и допросъ нами поставленныхъ свидетелей.

Мы были отправлены въ роту, а черезъ нѣсколько недѣль затѣмъ оправданы и освобождены отъ наказания.

Во время второго разбирательства выяснилось, что нашъ споръ съ экс-жандармомъ не имѣлъ политическаго характера, а заключался въ препирательствѣ относительно существованія въ Галичинѣ русскихъ просвѣтительныхъ институцій и общество по окончаніи войны. Мы конечно отстаивали свою позицію, а доносчику хотѣлось видѣть въ Галичинѣ монопольную мажоритную, потому не постѣснялся оклеветать насъ передъ военными властями.

На судѣ признали жандарма невмѣняемымъ, а насъ послѣ освобожденія отправили на италянскій фронтъ, сперва въ Силанъ, а послѣ въ Кальдонасо и Asijago. Тамъ томились мы, взбираясь съ кирками и винтовками по Альпамъ, вплоть до развала Австріи. И. А. В.

Дневникъ священника изъ Самборщины.

(Сообщеніе Евгени Степ. Березкой).

Въ Талергофѣ пробылъ мой покойный отецъ, Степанъ Андреевичъ Березкій, три мѣсяца испытывая всѣ лишения и страданія, которыми прославился Талергофъ.

Голодъ и холодъ подорвали его слабое здоровье. По истечении трехъ мѣсяцевъ онъ былъ переве-

денъ въ Вѣну, а отсюда по истечении полугода въ Чехію, гдѣ жилъ подъ надзоромъ полиціи, въ мѣстности Veseli Mezi-mosti, до конца мая 1917 г.

Возвратившись домой, измученный физически и нравственно, опасно заболѣлъ и пролежалъ шесть мѣ-

сяцевъ въ кровати. Не смотря на всевозможныя старанія, изнуренный организмъ не побѣдилъ тяжелой болѣзни и, хотя отецъ жилъ еще четыре года, здоровъ не былъ, и умеръ 10 марта 1922 г.

Подаю отрывки изъ его дневника, которые до нѣкоторой степени рисуютъ незавидную жизнь въ Талергофѣ:

20 сентября, проѣхавъ два пролега за Градецомъ, мы вышли изъ вагоновъ въ Abtissendorf. Отсюда прошли цѣшкомъ и черезъ четверть часа очутились въ Талергофѣ. Нашъ эшелонъ состоялъ изъ 333 человекъ.

Талергофъ представляетъ изъ себя пространную равнину въ нѣсколько миль въ окружности, замкнутую непрерывнымъ кольцомъ горъ. Тутъ-то практичныя нѣмцы устроили величайшую въ мірѣ, неслыханную въ исторіи тюрьму, построивъ наспѣхъ нѣсколько сотенъ разнаго типа бараконъ. Въ этой рукотворной тюрьмѣ вздумали заключить и уничтожить русскій духъ, споконвѣка боровшійся за свои права на своей русской землѣ Прикарпатя.

Отъ пятницы до понедѣльника никто не спросилъ насъ, кушали ли мы что-либо или голодны. Не разрѣшалось на собственные деньги приобрѣтать продукты пропитанія. Заключенные дѣлились другъ съ другомъ послѣдними крохами, приобрѣтенными еще въ Галичинѣ и Чехіи. И только вечеромъ въ понедѣльникъ былъ поданъ намъ скверный супъ, который волей-неволей пришлось ѣсть,

Начиная съ 22 сентября и до конца этого мѣсяца выдавалась на человека половинка казеннаго хлѣба, супъ и перловая каша пополамъ съ картофелемъ. Въ этотъ промежутокъ времени умерло отъ истощенія 20 человекъ.

30 сентября умеръ свящ. Кушнѣръ изъ Сторонной.

1 октября умерло трое человекъ. Ночь была морозная, день теплый. Была дана нѣкоторая свобода: разрѣшено прохаживаться между бараконъ безъ конвоя. Вечеромъ получили мы чай, ночью разрѣшено выходить въ уборную безъ конвоя.

2 октября хоронили четырехъ покойниковъ. Днемъ было жарко, ночью холодно и морозно.

3 октября хоронили покойника. Насъ перевели послѣ бани изъ палатокъ въ деревянные бараки. Обѣда не получили, вечеромъ пили кофе безъ хлѣба, ночью спали на землѣ безъ подстилки.

4 октября въ воскресенье, послѣ утренняго кофе служили передъ бараками молебень въ присутствіи офицеровъ. Послѣ молебна пѣли многолѣтствіе и державный гимнъ по нѣмецки и по русски. Священнодѣйствовалъ извѣстный воспитатель во львовской духовной семинаріи, престарѣлый о. Дольницкій (90 лѣтъ), находившійся здѣсь также на положеніи „измѣнника“ и „шпіона“. Между нами распространилась вѣсть, что Перемышль и Краковъ заняты русскими войсками.

5 октября, нѣкій украинофилъ сдѣлалъ доносъ полковнику, что свящ. Сенікъ, благодаривъ по-

слѣ молебствія австрійскихъ офицеровъ за разрѣшенный молебенъ, прашаль ихъ „сердечнымъ русскимъ словомъ“. Полковникъ отвѣтилъ доносчику, что онъ не различаетъ здѣсь Ruthen-овъ, Ukrainer, ни Russian, а всѣхъ считаетъ Gefangene (заключенными).

6 октября утромъ умеръ свящ. Влад. Полошиновичъ. Похороны состоялись пополудни.

7 октября были мы встревожены вѣстью, что въ Перемышлѣ соборъ и всѣ русскіе общественыя дома.

8 октября умерло двое крестьянъ.

9 октября, еще два похороны.

10 октября хоронили крестьянина и еврея. Оба умерли отъ дезинтеріи.

11 октября, въ воскресенье, священнодѣйствовалъ о. Дольницкій. Меня нарядили за хлѣбомъ. Умеръ старикъ Шемердякъ изъ Стараго Самбора и чиновникъ Чайковский, довольно зажиточный человекъ, оставившій нѣскольکو тысячъ коронъ на благотворительныя цѣли.

12 октября хоронили православнаго священника.

13 октября встрѣтился я съ свящ. Евгениемъ Льв. Козаневичемъ изъ Стратевичъ.

15 октября умеръ свящ. д-ръ Людкевичъ, проф. богословія въ Перемышлѣ. Похороны состоялись на слѣдующій день при участіи свыше тысячи человекъ, въ томъ числѣ около 250 священниковъ.

17 и 18 октября похороны крестьянина.

20 октября. Въ отместку за анонимную открытку, угрожающую жалобой передъ высшимъ начальствомъ по поводу плохого харча, полковникъ наложилъ барачный арестъ.

21 октября хоронили крестьянина. Барачный арестъ вошелъ въ силу. На слѣдующій день арестъ отмѣняется. Опять похороны крестьянина.

25 октября. три похороны утромъ, одинъ по полудни.

26 октября хоронятъ крестьянина.

27 октября полякъ Дуда дѣлаетъ доносъ начальству, что въ 4-омъ баракѣ ведутся политическіе разговоры. За это были заперты въ темницу: Паппъ, Витошинскій, Великій и Кинасевичъ, а остальные были наказаны комнатнымъ арестомъ.

28 и 29 октября по однимъ похоронамъ. Комнатный арестъ отмѣняется; страдаю болью зубовъ.

Съ 30 октября по 4 ноября ежедневно похороны.

5 ноября хоронятъ пятерыхъ. 6 ноября, ночью, съ четверга на пятницу, конвойные вынесли за черту бараковъ, подозрѣнныхъ въ холерѣ.

Съ 7 по 12 ноября морозно. Въ этотъ промежутокъ времени отпущено на волю 76 человекъ украиннофиловъ.

16 ноября разрѣшено курить за бараками.

19 ноября ночью умеръ свящ. Шандровскій.

20 ноября умеръ крестьянинъ.

21 ноября, въ праздникъ св. Михаила встрѣчаюсь съ крест.

Степаномъ Гнатишинымъ изъ с. Мистковичъ и со знакомыми изъ села Ковиничи.

24 ноября умерло семь человекъ вслѣдствіе простуды послѣ бани.

25 ноября умеръ одинъ человекъ.

27 ноября умеръ одинъ человекъ.

1 декабря отпущена на волю партія украинофиловъ. Привезли 21 чел. русскихъ плѣнныхъ. Всѣ тяжело ранены, у удного нога еле держалась у туловища.

4 декабря распространилось извѣстіе, что 400 человекъ будутъ освобождены. Хоронятъ крестьянина изъ с. Корманичъ.

5 декабря. Умеръ крестьянинъ. Караульный солдатъ выстрѣлилъ въ мнимо убѣгающаго интернированнаго и застрѣлил человека мирно сидѣвшаго въ баракѣ.

6 декабря похороны.

10 декабря умеръ свящ. Спрысъ изъ Телешницы.

11 декабря хоронятъ троихъ.

12 декабря хоронятъ одного.

14 декабря хоронятъ четверыхъ.

17 декабря я освобожденъ и уѣзжаю въ Градецъ.

18 декабря, въ пятницу, уѣзжаю изъ Градца въ Вѣну. На слѣ-

дующій день съ помощью нашелъ я себѣ квартиру и съ тѣхъ поръ начинаю вести нормальную жизнь.

25 декабря я узнаю о смерти своего тестя Льва Козаневича, настоятеля прихода въ с. Козаневичи. Въ то время умерли въ Талергоффѣ отъ тифа слѣдующіе знакомые: Черкавскій, Алекс. Сѣлецкій, Иванъ Гринь, Венгриновичъ, Николай Гмитрыкъ, Застырецъ, Москаликъ, Мих. Кузьмакъ, Алекс. Полянскій, Дроботъ, Коломыець.

На томъ записки отца кончатся.

По рассказамъ отца подстилочная солома въ баракахъ не мѣнялась въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Днем топтали по ней, а ночью на ней спали. Съ наступленіемъ морозовъ, солома покрывалась морозомъ, особенно ночью. Отца заставляли носить тяжелыя бревна, не смотря на его преклонный возрастъ, плохое здоровье и духовный станъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ примѣръ издѣательства. Съ цѣлью посмѣяться надъ священникомъ, солдаты набирали въ тачки всякой нечисти, сажали туда еврея, а священнику велѣли возить тачку между бараковъ. Потомъ роли мѣнялись. Въ тачку сажали священника, а еврея заставляли его возить.

Е. В.

Екатерина Яникъ о смертной казни своего мужа Андрея Яника.

Въ бытность мою въ Талергофъ, вмѣстѣ съ дочерью Ярославой и затемъ Василиемъ Лазоремъ, въ баракъ № 17, я замѣтилъ молодую вдову съ пятилѣтнимъ мальчикомъ, часто молившуюся и плачущую. Желая узнать ея тайну и по возможности облегчить ея горе, я пригласилъ ее въ свою семью. Женищина рассказала намъ слѣдующее:

„Я жила съ мужемъ, Андреемъ и пятилѣтнимъ сыномъ и старухой матерью въ с. Бачинѣ возлѣ Старога Самбора. Имя мое Екатерина Яникъ. Мой мужъ служилъ почтальономъ. Обязанности свои исполнялъ не за страхъ, а за совѣсть, и съ вступленіемъ въ Самборскій уѣздъ русскихъ войскъ онъ былъ оставленъ на прежней должности. Когда русскія войска отступили, а австрійцы обратно вернулись, мой мужъ былъ арестованъ по доносу украинофиловъ и присужденъ къ смертной казни. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ былъ сознательнымъ русскимъ человѣкомъ.“

На четвертый день арестованія мужа вызвали меня съ ребенкомъ въ тюрьму. Я должна была смотрѣть на насильственную смерть своего мужа“.

Спрошенный передъ повѣшеніемъ о послѣднемъ своемъ желаніи, Андрей Яникъ отвѣтилъ, что онъ умираетъ невинно. Упавшую безъ чувствъ Екатерину Яникъ заперли съ ребенкомъ сначала въ Самборскихъ арестахъ, а затѣмъ

она была отправлена въ Талергофъ.

По поводу казни Андрея Яника писала въ свое время официальная „Gazeta Lwowska“: Приговоръ предателя. Андрей Яникъ, рожд. въ августѣ 1879 г. въ Недѣльной и тамъ-же приписанъ, грек-кат. вѣроисповѣданія, отецъ одного ребенка, почтальонъ почты въ Старомъ Самборѣ былъ признанъ приговоромъ имп. суда 2 этапной команды арміи отъ 11 июля 1915 г., виновнымъ въ государственной измѣнѣ по § 58 у. з. и § 327 в. у. з. и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 11 июня 1915 г. въ 3:30 ч. по полудни.“)

Учит. М. Ф. Класинь.

*) Подлинное по польски:

„Skazanie zdrajcy. Andrzej Janyk, urodzony w sierpniu 1879 roku w Niedzelnej i tam przynależny, religji grecko-katolickiej, żonaty, ojciec jednego dziecka, woznica przy c. k. urzędzie pocztowym w Starym Samborze, został prawomocnym wyrokiem sądu c. i k. 2 komendy etapowej armji z dnia 11 czerwca 1915 uznany między innymi winnym zbrodni zdrady głównej z § 58 u. k. i zbrodni z § 327 u. k. wojsk. Za to zasądzono go na karę śmierci przez powieszenie, którą wykonano dnia 11 czerwca 1915 o godz. 3:30 po południu. Wobec tego c. k. Sąd krajowy kamry we Lwowie zarządza celem zabezpieczenia rozszczeń państwa o wynagrodzeniu wszelkiej szkody powyższym czynem zbrodniczym lub pośrednio wyrządzonej, zajęcie i tymczasowe zabezpieczenie pozostałego w Austrii spadku po ś. p. Andrzeju Janyku jeszcze nieprzyznanego“.

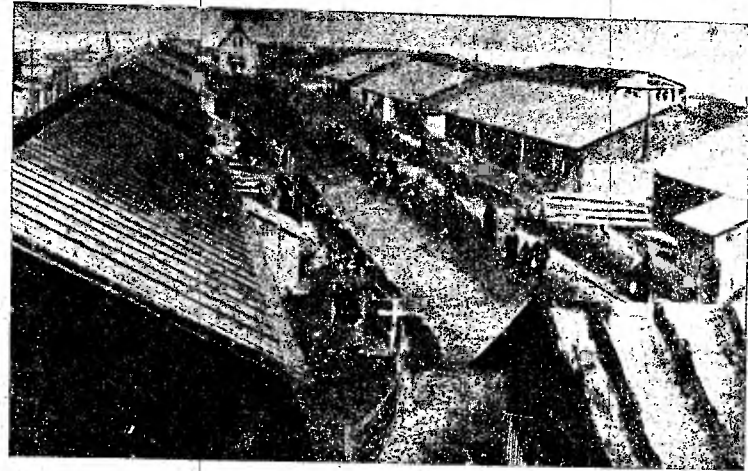
Талергофскій узникъ изъ Сокальщины.

(Сообщеніе Александра Маковского).

Послѣ нѣскольконедельной волокиты по галицкимъ тюрьмамъ, показавшейся намъ вѣчною, мы очутились въ Талергофѣ.

Изъ ближайшихъ къ моему мѣстожительству селъ Скоморохи и Свитазова находилось здѣсь до 40 человѣкъ, не считая своихъ сте-

до смѣсю и называемая супомъ. Изголодавшіеся заключенные, за неимѣніемъ посуды, получали ее, кто въ шапки, кто въ шляпы только бы немного подкрѣпиться на силахъ. Помню, какъ однажды закололъ солдатъ одного крестьянина возлѣ котла во время раздачи обѣ-

Общій видъ бараконъ 3-го десятка.

нятинцевъ. Караулили насъ солдаты 27 п. градскаго полка.

Обращеніе ихъ было куда жесточе обращенія львовскихъ тюремщиковъ. За малѣйшую оплошность кололи на смерть. Ежедневно утромъ лежало подъ бараками по нѣсколько окровавленныхъ труповъ.

Какъ пища, подавалась мутная, теплая вода, разбавленная какой-

да. Давка была невозможная. Нажимавшіе сзади и толкнули переднихъ и такимъ образомъ человѣческая волна заколыхалась. Ближайшій изъ арестованныхъ стоявшій рядомъ съ карауломъ нехотя толкнулъ солдата, за что пришлось ему заплатить жизнью.

Иной разъ былъ я свидѣтелемъ подобнаго случая, разыгравшагося подъ бараконъ. Солдатъ

нанесть закутому въ цѣпи политическому 13 колотыхъ ранъ, и тутъ же бросилъ его на солому, на произволь судьбы.

На допросъ вызывали насъ въ Градецъ, а послѣ списанія протоколовъ и переведеннаго слѣдствія, были мы опредѣлены обратно въ Талергофъ. Что бы не умереть съ голоду, приходилось браться за всякую работу. Чистили отхожія мѣста, навозили ихъ нечистотами нѣмецкіе огороды и т. п. Вислѣдствіи я былъ назначенъ артельщикомъ одной изъ талергофскихъ рабочихъ группъ, а затѣмъ начальникомъ арестантской пожарной команды.

Лемковскіе священники.

(Сообщеніе свящ. Михаила Соболевскаго).

Нашъ транспортъ в грузился въ Аптиссендорфъ.

Сейчасъ обскочили насъ „канарейки“ (градецкій полкъ) и, уставивъ въ ряды, велѣли двинуться впередъ. Видно было вдали мерцающіе огоньки, однако намъ не было извѣстно, куда насъ гонять и что ждать насъ впереди.

Огоньки были видны изъ Талергофа, гдѣ мы очутились послѣ двадцатиминутной ходьбы. Вталкиваемые безцеремонно въ какое то зданіе, котораго конторы были видны въ ночномъ туманѣ, при насмѣшливомъ нѣмецкомъ „machen sie sich bequem“ (разгочайтесь), падали мы изнеможенные на тухлую солому и засыпали. Это былъ нашъ карантинъ; строжайше запрещалось выходить наружу. Скоро пригналъ

Въ Талергофѣ встрѣтился я съ землякомъ свящ. Ст. Кійко и познакомился съ о. о. Паппъ, Ал. Долошицкимъ, Юл. Гумецкимъ и г. М. Гумецкимъ и другими.

Послѣ опредѣленія меня на военную службу, я побывалъ въ Вадовицахъ и Шимбергу, а въ чешской Прагѣ дождался республики. Возвратясь домой, засталъ я въ живыхъ двое своихъ дѣтей 4 и 7 лѣтъ, на содержаніи у добрыхъ сосѣдей.

Жена, мать, бабушка и шуринъ умерли въ 1915 г., во время моего пребыванія въ Талергофѣ.

А. М.

къ намъ перемышльскихъ узниковъ, а затѣмъ гуцуловъ.

До января 1915 г. жилъ я въ 7-мъ баракѣ, затѣмъ въ 30-омъ, гдѣ отъ тифа и простуды народъ умиралъ и въ большемъ количествѣ. Однажды утромъ выволокли изъ 29 барака 10 покойниковъ.

Въ мартѣ намъ объявили, что мы считаемся конфиннованными, а въ Страстную Пятницу 1 апрѣля мы поселились, по распоряженію начальства, на частныхъ квартирахъ въ сел. Шванбергъ, уѣзда Дейчландсбергъ въ Штиріи.

Колонія наша состояла при близительнo изъ 20 съ лишнимъ человекъ, а именно: Я съ женой и груднымъ ребенкомъ и сестрой Юанной, мы были вмѣстѣ освобождены изъ Талергофа, дальше свя-

щенники: Як. Вергановскій съ сыномъ, Куриловичъ съ семьей, Сежержинскій, Гр. Журавецкій, бл. п. Кириллъ Козаркевичъ правосл. монахъ изъ Буковины здѣсь же умершій, Даниловичъ, Серединскій, Богданъ Дрогомирецкій, Петръ Дуркотъ и др. Изъ вольныхъ помню

г. Фердинъ, Левицкаго и г-жу Анну Чирнянскую.

Когда въ 1917 намъ объявлено о разрѣшеніи вернуться на родину, мы радостно оставили неприятливую страну и въ концѣ іюня пріѣхали въ родныя палестины.

М. С.

Окружное письмо намѣстника Галичины.

За нѣсколько лѣтъ до начала войны 1914 г., приблизительно съ 1908 г., австрійскія военныя власти прямо или же чрезъ правительственные органы гражданской администраціи стали усиленно собирать свѣдѣнія о настроеніяхъ, политическихъ взглядахъ и группировкахъ галицко-русскаго населенія.

По требованію военныхъ властей намѣстникъ Галичины, Бобржинскій, обратился съ тайнымъ окружнымъ письмомъ, отъ 7-го февраля 1912 г., во всѣ староства (уѣздныя начальства) Восточной Галичины и въ тѣ Западной Галичины, въ составѣ населенія, которыхъ насчитывается значительное число русскихъ жителей, съ воззваніемъ представить процентное отношеніе числа галицко-русскаго населенія въ уѣздѣ, принадлежащаго къ политическимъ партіямъ:

- 1) русской радикальной (партіи Дудыкевича);
- 2) русской умѣренной (т. н. альтрутенской) и
- 3) украинофильской;

а также свѣдѣнія о ихъ представителяхъ и агитаторахъ.

Одинъ экземпляръ этого циркуляра и отвѣта на него со стороны одного староства, именно въ Косовѣ, на Покутьѣ, приводимъ здѣсь полностью, въ польскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, а также помѣщаемъ факсимиле его первой страницы.

Роковыя послѣдствія этого циркуляра сказались весьма скоро: полтора мѣсяца спустя, какъ, извѣстно, т. е. въ концѣ марта 1912 г., послѣдовали многочисленныя арестованія русскихъ во Львовѣ и въ провинціи. Арестованныхъ тогда галицко-русскихъ журналистовъ и православныхъ священниковъ продѣржали австрійскія власти во львовской тюрьмѣ два года и три мѣсяца и устроили надъ ними извѣстный политическій процессъ (львовскій процессъ), длившійся свыше 3 мѣсяца, накануне войны (май — іюнь 1914), въ главной государственной измѣнѣ (Hochverrat).

Текстъ циркуляра гласитъ:

Тѣл. Альманахъ III. т.

Prezydium c. k. Namiestnictwa.

Lwów, dnia 7. lutego 1912

L. 27/g.

Wykaz rozdziału partyi ruskich
w powiatach.

OKÓLNİK

Do wszystkich Panów c. k. Starostów w Galicyi Wschodniej tudzież w Krośnie, Jaśle, Gorlicach, Grzybowie, Nowym Sączu i Pana c. k. Dyrektora Policji we Lwowie.

[Poufnie— do rąk własnych].

Wzywam Pana, aby stosownie do życzenia wyrażonego ze strony Władz wojskowych doniósł mi do dni 8-miu, jaki jest w przybliżeniu procentowy stosunek liczby ludności należącej do partyj politycznych:

- 1) Rusofilów radykalnych (partyi Dudykiewicza);
- 2) Rusofilów umiarkowanych (Starorusinów);
- 3) Ukrainofilów.

Wymienić przytem należy głównych przywódców i agitatorów powyższych partyj w tamtejszym powiecie, podając ich imię i nazwisko, zajęcie (stanowisko społeczne) i miejsce stałego zamieszkania.

C. k. Namiestnik
Bobrzyński

Pr. 9/2. 1912.

L. $\frac{35}{pr.}$

Wykaz rozdziału
partyi ruskich.

L. $\frac{15}{K. 2}$ 1912.

Prezydium c. k. Namiestnictwa!

Wykonując reskrypt z 7/2 1912, l. 27/g donoszę co następuje:
Ludność powiatu według ostatniego spisu wynosi 85.804.

Z tego przypada:
na rusinów 71.462,
połaków łącznie z ormianami 4 565,
izraelitów 9.701.

Procentowy stosunek liczby ludności ruskiej w powiecie należącej do partyi politycznej:

Prezydium c. k. Namiestnictwa.

L w ó w, dnia 7. lutego. 1912.

L.27/g.

Wykaz rozdziału partyi ruskich
w powiatach.

O K Ó L N I K

do wszystkich Panów c. k. Starostów w Galicyi wschodniej tudzież w Krośnie, Jaśle, Gorlicach, Grybowie i Nowym Sączu i Pana c. k. Dyrektora Policji we Lwowie.

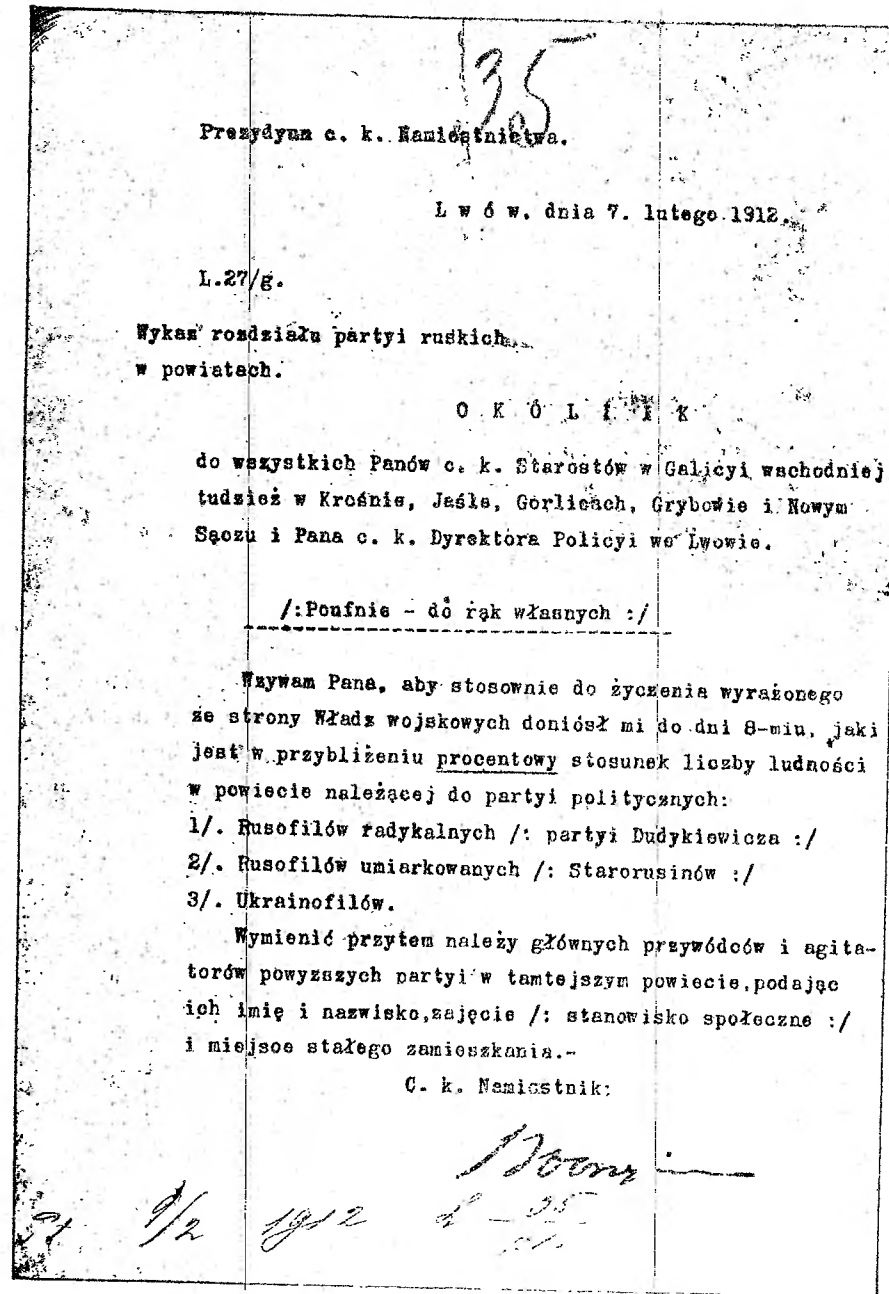
/:Poufnie - do rąk własnych :/

Wzywam Pana, aby stosownie do życzenia wyrażonego ze strony Władz wojskowych doniósł mi do dni 8-miu, jaki jest w przybliżeniu procentowy stosunek liczby ludności w powiecie należącej do partyi politycznych:

- 1/. Rusofilów radykalnych /: partyi Dudykiewicza :/
- 2/. Rusofilów umiarkowanych /: Starorusinów :/
- 3/. Ukrainofilów.

Wymienić przytem należy głównych przywódców i agitatorów powyższych partyj w tamtejszym powiecie, podając ich imię i nazwisko, zajęcie /: stanowisko społeczne :/ i miejsce stałego zamieszkania.-

C. k. Namiestnik:

1) rusofilów radykalnych (partyi Dudukiewicza) łącznie z rusofilami umiarkowanymi (starorusinami) 5%.

Różnicy wielkiej między rusofilami radykalnymi a rusofilami umiarkowanymi niema, przeto ich od siebie odróżnić niepodobna, gdyż z powodu małej ilości wspólnie występują:

- 2) Ukrainofilów (narodowców) 10%;
- 3) Ukrainofilów radykalnych tak zwanych Trylowszczyków, 65%;
- 4) bezpartyjnych 20%.

Przywódcami rusofilów są:

- I. Dr. Roman Aleksiewicz, adwokat krajowy w Kosowie.
- II. Dom ks. Aleksandra Gielitowicza proboszcza gr. kat. w Kosowie.
- III. Antoni Guła, sędzia w Kosowie.

Agitatorami rusofilów są:

- I. Wasyl Pecejczuk wójt z Kobak.
- II. Onufry Marfej, gospodarz w Kobakach.
- III. Dmytro Szekierek wójt z Perehrestnego.

Przywódcami i agitatorami ukrainofilów narodowców:

I. Roman Gizowski, koncypient adwokacki w Kosowie, mała część księży i nauczycieli i wszyscy sędziowie rusini.

Przywódcą ukrainofilów radykalnych jest Dr. Cyryl Trylowski, adwokat krajowy w Jabłonowie.

Agitatorami przeważna część tutejszych nauczycieli ludowych, oraz kosowi (przełożeni) Siczy.

(соб. р. неразб. подпись)

М $\frac{15}{2}$ 1912.

Въ переводѣ:

Президиумъ цесарско - королевскаго Намѣстничества.

Львовъ, 7-го февраля 1912 г.

Н-рѣ 27/г.

Схема распределения русскихъ партий въ уѣздѣ.

ОКРУЖНОЕ ПИСЬМО

Ко всѣмъ Гг. ц. к. Старостамъ Восточной Галичины, а также въ Кр:снѣ, Яслѣ, Горлицахъ, Грибовѣ и Новомъ Санчѣ, и Г-на ц. к. Директора полициі во Львовѣ.

(Довѣренно — въ собственныя руки).

Взъявю Васъ согласно выраженному военными властями желанію, сообщить мнѣ, въ теченіи 8-ми дней, приблизительное процентное отношеніе числа населенія въ уѣздѣ по принадлежности къ политическимъ партиямъ:

- 1) радикально-руссофильской (партии Дудыкевича),
- 2) умѣренно-руссофильской (старорусской);
- 3) украинфильской

Указать притомъ слѣдуетъ главныхъ вождей и агитаторовъ этихъ партий въ тамошнемъ уѣздѣ, приведя ихъ имя и фамилію, занятіе (общественное положеніе) и постоянное мѣстопробываніе.

Ц. к. Намѣстникъ:

(собр. подпись): Бобржинскій.

Пр. 9/2 1912.

№ $\frac{35}{пр.}$

Схема распределения русскихъ партий.

К. 5/2. 1912.

Президиумъ ц. к. Намѣстничества

Въ исполненіе рескрипта отъ 7/2.

1912, н-рѣ 27/г. сообщая слѣдующее:

Населеніе уѣзда по послѣдней переписи — 85-804 чел.

Въ этомъ числѣ: русиновъ — 71.462 чел., поляковъ, вмѣстѣ съ армянами — 4.566, евреевъ — 9.701.

Процентное отношеніе русскаго населенія въ уѣздѣ по принадлежности къ политическимъ партиямъ слѣдующее:

- 1) радикальныхъ руссофиловъ (партии Дудыкевича), вмѣстѣ съ умѣренными руссофилами (старорусинами) — 8%.

Нѣтъ большой разницы между радикальными, а умѣренными руссофилами, потому отличить однихъ отъ другихъ не-возможно, такъ какъ по своей малочисленности выступаютъ сообща;

- 2) украинфиловъ (народовцевъ) — 10%;
- 3) радикальныхъ украинфиловъ, т. зв. Трилевщиковъ, — 65%;
- 4) безпартийныхъ — 20%.

Вожди руссофиловъ:

I. Д-ръ Романъ Алексевичъ, краевой адвокатъ въ Косовѣ.

II. Домъ свящ. о. Александра Гелитовича, гр.-кат. настоятеля прихода въ Косовѣ.

III. Антонъ Гулла, судья въ Косовѣ.

Руссофильскіе агитаторы:

I. Василій Пецейчукъ, вóйтъ въ Кобакахъ.

II. Онуфрій Марфей, земледѣлецъ въ Кобакахъ.

III. Дмитрій Шекерикъ, вóйтъ въ Перекрестномъ.

Предводители и агитаторы украинфиловъ-народовцевъ:

I. Романъ Гизовскій адв. конц. въ Косовѣ, много священниковъ и учителей, всѣ судьи-русины.

Предводителемъ радикальныхъ украинфиловъ д-ръ Кирилль Трилевскій, краевой адвокатъ въ Яблоновѣ агитаторами же преобладающая часть здѣшнихъ народныхъ учителей и кошовые (предсѣдатели) „Съчей“.

(неразб. подпись).

М. 15/2 — 1912.

Одиночное заключеніе и подвѣшиваніе галицко-русскихъ студентовъ и др. лицъ.

Наказаніе за названіе себя русскимъ (Russe) и своего родного языка русскимъ (Russisch).

(Списокъ наказанныхъ и замѣтки изъ записокъ инж. К. В. Чижка).

Въ помѣщенномъ выше дневникѣ О. В. Курило отведено нѣсколько мѣстъ записямъ о наказаніи галицко-русскихъ студентовъ, преимущественно, и также др. узниковъ Талергофскаго лагеря, одиночнымъ заключеніемъ и подвѣшиваніемъ (anbinden) за то, что во время рекрутскаго набора заявили себя русскими (Russen) а свой родной языкъ русскимъ (russische Sprache).

Изъ представленныхъ любезно въ наше распоряженіе записокъ талергофца, инж. К. В. Чижка приводимъ здѣсь полный списокъ наказанныхъ и нѣкоторыя новыя подробности, относящіяся къ этому наказанію.

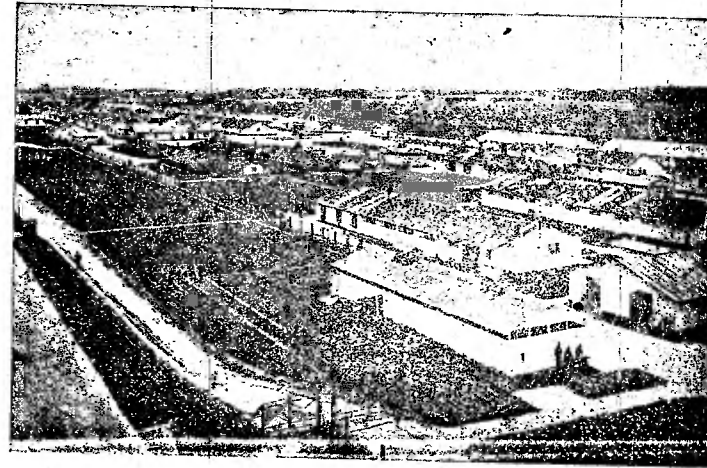
Списокъ лицъ сидѣвшихъ въ одиночкѣ (Einzelarrest*) съ 2-го іюля по 3-го августа 1915 г.:

1. Д-ръ Θεодоръ Хилякъ, адвокатъ изъ Лѣска.
2. Д-ръ Емилианъ Вальницкій " " Устрикъ.
3. Алексѣй Гриневичъ, изъ Олеська.
4. Антоній Генсерскій, абс. философ. фак. въ Петроградѣ.
5. Мелитонъ Голинатый, журналистъ изъ Львова.
6. Кириллъ Чижъ, инж. эмер. ц. к. чин. изъ Львова.
7. Лонгинъ Мокрицкій, абс. инж. изъ Львова.
8. Василий Галушка, студентъ политехникума изъ Львова.
9. Емилианъ Спагинскій, студ. юрид. фак. изъ Львова.
10. Романъ Студинскій, чиновникъ ц. к. казначейства.
11. Амвросій Кенсъ, студентъ юрид. фак.
12. Петръ Химякъ.
13. Северинъ Билинкевичъ, преп. гимназій изъ Львова.
14. Романъ Дуркотъ, студ. юрид. фак., изъ с. Добросина.
15. Николай Скворонъ " " "
16. Д-ръ Владиміръ Застырецъ, адвок. конц. изъ Львова.
17. Петръ Швайка, студ. юрид. фак. и чин. кредит. зав.
18. Θεодосій Лесевъ, препод. гимназій.
19. Михаилъ Хаврона, студ. юрид. фак.
20. Осипъ Раставецкій, студ. юрид. фак. изъ Сельца Белзскаго.
21. Иванъ Яворскій, студ. юрид. фак.
22. Кузьма Пелехатый, журналистъ изъ Львова.
23. Осипъ Кардашъ, студ. юрид. фак.
24. Петръ Бедзыкъ, учитель изъ Сенявы, возлѣ Рыманова.
25. Юсифъ Переломъ, студ. юрид. фак.
26. Иванъ Мудрый, чин. „Ризницы“ изъ Самбора.
27. Ярославъ Гелитовичъ, судья изъ Косова.
28. Д-ръ Орестъ Гнатышакъ, адв. конц. изъ Лѣска.
29. Владиміръ Навроцкій " " Устрикъ.
30. Иванъ Сѣрко, студ. юрид. фак.
31. Петръ Θεодоровъ, студ. учит. сем. изъ Ляцкаго мал.
32. Василий Мельникъ, студ. юрид. фак.
33. Иванъ Вислоцкій, канд. адв.
34. Михаилъ Перегинецъ, студ. филос. фак. во Вѣнѣ.
35. Алексѣй Сваричевскій, канд. адв.
36. Владиміръ Добрянскій, студентъ и орган. молоч. кооператив.
37. Антоній Яворскій, нар. учитель изъ Коломыйщины.
38. Алексѣй Заяцъ, канд. адв.
39. Петръ Сушкевичъ, студ. юрид. фак.
40. Д-ръ Евгений Шатинскій, канд. адв.
41. Иванъ Лысенко, студ. юрид. фак.
42. Владиміръ Киричинскій, организаторъ молоч. кооперативовъ.
43. Кириллъ Вальницкій, канд. адв.
44. Григорій Пирогъ, студ. юрид. фак.

45. Романъ Макарь студ. юрид. фак.
46. Василий Бугера, студ. богосл. фак.
47. Николай Бугера, студ. богосл. фак.
48. Павелъ Гайда, учитель изъ Мысцовой, у. Красно.

Отъ запись-же въ записной книжечкѣ К. В. Чижа гласить:

Передъ обѣдомъ, въ 10 ч. утра, имѣемъ права на лѣченіе, а развѣ 10-го іюля 1915 г., д-ръ Вейсъ вошелъ въ нашу комнату н-ръ 2, только на висѣлицу, причемъ показалъ на горло. Послѣ такой ругани, далъ Мудрому два порошка аспирина и вышелъ въ дверь. Только когда я еще разъ къ нему обратился съ требованіемъ, чтобы помощникъ Дмитрій Вольный, студентъ унив., и одинъ солдатъ, тоже осмотрѣлъ Мудраго, такъ какъ,

Общій видъ лагеря въ 1917 г.

какъ помощникъ и профось, бо- повидимому, онъ тяжело боленъ и у него, быть можетъ, воспаленіе легкихъ, онъ осмотрѣлъ больного и приказалъ взятьъ въ больницу. Но все таки еще повторилъ свою угрозу, что такихъ „измѣнниковъ“ будутъ впредь такъ лѣчить, чтобы ихъ излѣчить отъ руссофильства. На мое замѣчаніе, что мы такіе же граждане, какъ и другіе и всѣ свои гражданскія обязанности въ виду

государства исполняемъ лояльно: и подати платимъ и своей грудью отечество защищаемъ, о чемъ наилучше свидѣтельствуемъ послѣдній рекрутскій наборъ, и что мы до сихъ поръ не совершили ничего противозаконнаго, онъ внезапно разсвирѣпѣлъ до крайности, набросился на меня и пригрозилъ мнѣ еще лютьѣ.

Оберлейтнантъ Чировскій всякому, кто изъ насъ русскихъ галичанъ сказалъ, что его материнскій языкъ — русскій, съ дикой яростью выкрикивалъ, что это ложь, такъ какъ въ Галичинѣ-де — нѣтъ такого языка.

Рекрутскій наборъ въ Талергофскомъ лагерѣ начался 27-го юня 1915 г. Прежде всего брали въ солдаты узниковъ изъ слѣд. уѣздовъ Галичины: Краковъ, Тарновъ, Перемышль, Коломыя, Львовъ, Станиславовъ, Стрый, Ярославъ, Бяла, Горлицы, Домброва, Добромиль, Долина, Дрогобычъ, Городокъ, Грибовъ, Гусятинъ, Ясло, Яворовъ, Хржановъ, Цѣшановъ, Чортковъ и т. д. Каждый день осматривали около 300 чел. и брали почти всѣхъ. Оставляли только чахоточныхъ въ высшей степени или больныхъ неизлѣчимыми болѣзнями или же безнадѣжныхъ калѣкъ (слѣпыхъ, безъ ноги или руки и т. п.). Другихъ, хотя и нездоровыхъ и даже калѣкъ, брали, напр. горбатыхъ и др. под. Изъ числа интернированныхъ, въ общемъ, взяли большую ихъ половину.

Въ первый и второй день осмотра не обращали вниманія на материнскій языкъ (Muttersprache) рекрутъ. Только въ третій день стали спрашивать каждого, про его

родной языкъ, хотя вопросъ былъ лишній, ибо родной языкъ каждого и безъ того былъ уже на опросныхъ бланкахъ записанъ. Кто заявлялъ, что его родной языкъ — русскій, такого фамилію сейчасъ записывали на особомъ листѣ и передавали постовому съ приказомъ отвести такового въ одиночное заключеніе (Einzelarrest). Постовые же моментально уводили такъ записанныхъ, не разрѣшая имъ взять съ собой хотя бы и самыхъ необходимыхъ вещей, ни бѣлья, ни куска хлѣба, а только, жестомъ, показывая на горло, зло подтрунивая и окладывая тяжелыми побоями, прикладами штыковъ, каждого быстро уводили въ арестное помѣщеніе. Тамъ сейчасъ передавали его подъ стражу двумъ боснійцамъ (магометанамъ), которые тутъ же производили тщательный обыскъ, отнимали у доставленнаго все, что еще имѣлъ при себѣ, и толкали его въ камеру.

Въ камерѣ не было ничего кромѣ наръ съ голымъ сѣнникомъ да одно одѣяло, но въ нѣкоторыхъ не было и этого одѣяла такъ, что люди эти при чувствительномъ холодѣ ночью, какой здѣсь, въ горной мѣстности, бываетъ, заключенные, очень мерзли и заболѣвали. Не было никакой подушки и съ начала, и то долго, не было даже нужника („параша“), а только разрѣшалось выходить въ отхожее дважды въ сутки и всякій вынужденъ былъ долго ждать, пока дойдетъ до него очередь, и босніецъ позвонить ему выйти.

Каждого, только что приведеннаго въ камеру, боснійцы прежде

всего избили тяжело, нѣкоторыхъ до крови, д-ру Добюю, напр., постовой прокололъ ногу въ двухъ мѣстахъ. Въ одиночной камерѣ, нелзя было заключенному ничѣмъ заниматься, даже читать было строжайше запрещено. Если же кто-то поймали на куреніи, такой сейчасъ получалъ „шпанги“, кандалы, т. е. заковывался въ кандалы по ногамъ и рукамъ на-крестъ, или какъ истязателю захоуѣлось, какъ напр., были закованы студентъ юрид. фак. Яворскій и цѣлый рядъ др. студентовъ. Заключенному запрещено было смотрѣть черезъ окошко, иначе постовой бросался проколоть его штыкомъ въ лицо, глаза. Кушать заключенные получали такъ мало, что все время ослабѣвали и примирали съ голоду и мучились предчувствіемъ, что умрутъ голодной смертью. Получать съѣстные припасы „со свѣта“, извнѣ, поелику Талергофскій лагерь можно называть „внѣшнимъ свѣтомъ“, было строго запрещено, и случайная годача одиночно заключеннымъ хлѣба со стороны товарищей изъ лагеря, сопряжена была для послѣднихъ также съ большимъ рискомъ. Постовымъ данъ былъ приказъ обращаться съ заключенными съ возможно самой беспощадной строгостью.

Затѣмъ 15-го юля, кажется, пришелъ оберстъ (полковникъ) Гриммъ, въ сопровожденіи профосовъ, вахкоменданта и постовыхъ, вызвалъ насъ въ коридоръ и тутъ же объявилъ намъ, что мы будемъ судимы по военнымъ законамъ и что смертной казни намъ не избѣжать. Обратившись къ сопровож-

дающимъ его, сказали: „Вотъ, предъ вами государственные преступники, знаете, что это значить... Вы должны съ ними обращаться со всевозможной строгостью“.

И стража дѣйствительно такъ съ нами и обращалась. На прогулкахъ, которыя происходили съ 6 ч. 30 м. до 7 ч. 30 утра и съ 1 — 2 ч. пополудни, мы подвергались всевозможнымъ издѣвательствамъ и истязаніямъ: постовые били насъ прикладами, запрещали ходить парно, не только промолвить словечко къ другому товарищу, но даже улыбнуться, за малѣйшій обмѣнъ словомъ били тутъ же, во дворѣ, а затѣмъ сейчасъ отведя въ камеру, заковывали въ кандалы. Въ догонку за гуляющими неизмѣнно и все время срывалась съ ревѣвшихъ харей постовыхъ и носилась въ воздухѣ сплошная невозможная ругань послѣднѣйшими словами швабской рѣчи.

Пожаловаться было некому, да и жалоба влекла за собой ухудшеніе положенія. Такъ мучили людей цѣлый мѣсяцъ, все при каждомъ случаѣ показывая имъ на горло, т. е. что вскорѣ будутъ повѣшены. Но не только стража, но даже частныя лица, нѣмцы, при всякомъ удобномъ случаѣ, впадали въ крайнюю ярость при одной только встрѣчѣ, съ мнимыми, „фатерландсферретерами“. Даже простые рабочіе, нѣмцы, проходя или проѣзжая мимо заключенныхъ, вышедшихъ на прогулку, дико ревѣли, ругались и угрожали.

Послѣ такихъ истязаній, допросовъ и угрозъ и цѣломѣсячнаго одиночнаго заключенія, въ пер-

вые дни августа, военные власти принесли и воздвигли столбы, при вязали веревки и заключенных поочередно стали подвешивать. Воздвигнуты были 4 столба: 2 в одной „Einzelkammer-ъ“ и 2 в другой. Каждый висѣлъ приблизительно по 2 часа, и такъ 48 человекъ поочередно висѣли на этихъ столбахъ въ теченіе свыше 2 сутокъ.

Послѣ этого всѣхъ перевели уже въ общій арестный домъ, съ

постановленіемъ держать ихъ тамъ продолжительное время, но по усиленнымъ настояніямъ и мольбамъ со стороны родителей студентовъ и др. благожелательныхъ людей, а также представленіямъ и ходатайствамъ ген. Бачинскаго, дальнѣйшее наказаніе было отменено. Генераль приказалъ 6-го августа всѣхъ изъ ареста дома выпустить и перевести обратно въ лагерь интернированныхъ.

Изъ думъ Талергофскихъ узниковъ.

Тяжелыя переживанія чувства и думы Талергофскихъ узниковъ вылились въ цѣломъ рядѣ записокъ стихомъ и прозою, отчасти удачлившихъ и спасенныхъ. Онѣ отчасти были уже изданы (нпр. стихотворенія нашего крестьянина-поэта Ивана Федорички, д-ра В. Р. Ваврика и др.) или же еще будутъ изданы позже.

Частныя указанія въ дневникѣ О. В. Курило и въ другихъ Талергофскихъ запискахъ на то, что многіе узники коротали безконечное и мертвенно скучное время заключенія печальными размышленіями о постигшей ихъ и весь галицко-русскій народъ недолѣ, полны глубокаго смысла. Эти размышленія и переживанія были кое-къмъ записаны тогда-же и, хотя изъ записаннаго многое, изъ-за частыхъ обысковъ и опасеній попасться т. е. быть уличеннымъ въ неблагонадежномъ образѣ мыслей, пропало, все же немало литературныхъ опытовъ на галицко-русскомъ нарѣчій и русскомъ литературномъ языкѣ изъ Талергофа было вынесено и сохранилось.

Ниже приводимъ какъ образецъ, статью, написанную въ Талергофскомъ узницѣ, тогдашнимъ гимназистомъ, нынѣ въ Чехословакіи здравствующимъ В. А. Саврукомъ, сохранившуюся въ бумагахъ инж. К. В. Чижа.

Приводимъ ее полностью, съ немногими только поправками грамматическихкихъ

и стилистическихъ погрѣшностей, какъ свидѣтельство тогдашнихъ чувствъ и думъ томившихся въ долгомъ заключеніи галицко-русскихъ страдальцевъ, вообще и нашего студенчества въ частности:

„И положиша на насъ злая за благо, и ненависть за возлюбленіе наше“.
Пс. Дав. LXXXIX. 5.

„Bo ja nie ulegnę przedzej; bo im więcej cierpię między, Im więcej mnie gną rozpacze, im boleśniej w między placzę, Im przed wrogiem jestem mniejszy, Im we wnętrzościach głodniejszy, Im bardziej odarty z ciała i z nadziei i z łachmanów, Choćby ta ziemia gnać miała za mną szczękami kajdanów, Nawet — nawet w żywot dalszy, Im więcej cierpię, tem stalszy Muszę trwać przy mojej wierze. Bo ona mnie jedna strzeże. Serce nadzieją roznieca, słońcem w męczeństwie oświeca. Palmy zawiesza nad czołem“.
Książę Niezłomny —
J. Słowacki.

Въ борьбѣ за свободу русской національной мысли, въ борьбѣ за русскій литературный языкъ, въ борьбѣ за русскую азбуку, народность и вѣру, въ борьбѣ за русскую школу, въ борьбѣ за род-

ную исторію и народные идеалы, цѣлые вѣка своей жизни провелъ карпато-русскій народъ. Въ этой неравной борьбѣ съ сильнѣйшими врагами карпато-русскій народъ принесъ много невинныхъ жертвъ за все родное и сердцу его — дорогое. Въ этой многовѣковой борьбѣ съ озверѣлыми преслѣдователями и гонителями ему суждено было исказанно страдать и мучиться по тюрьмамъ, переносить лютыя пытки. Въ борьбѣ со злобой коварныхъ враговъ, въ защитѣ народныхъ святынь, нашему народу суждено было быть оплеченнымъ, униженнымъ и осмѣяннымъ, — а въ защитѣ истины, справедливости человеческого достоинства, онъ нигдѣ не находилъ права, дверь ведущая къ справедливости, путь къ свѣту и къ познанію правды, добра и зла, были передъ нимъ закрыты — онъ былъ на своей родной русской землѣ забитымъ рабомъ.

И, наконецъ нашъ народъ, гражданинъ австро-венгерскаго конституціоннаго государства, имѣлъ „право“ (обязанность) платить подати, въ защитѣ этого государства жертвовать свою кровь и свою жизнь, сѣять свои кости по широкимъ да далекимъ боевымъ полямъ въ завязтыхъ, кровопролитныхъ битвахъ, за честь и славу двуединой имперіи и онъ покрывалъ эти поля своими холодными трупами. Нашъ народъ всегда все давалъ, что отъ него требовала власть, нашъ народъ всегда ввиду имперіи былъ вѣренъ и лояленъ, онъ ей всегда вѣрно служилъ и точно исполнялъ всѣ ея велѣнія.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если не хотѣлъ отказываться отъ своего русскаго имени, не измѣнялъ завѣтамъ отцовъ и родной русской исторіи, не смѣлъ забыть о славномъ прошломъ своихъ дѣдовъ и прадедовъ, не могъ закрывать глазъ на то, что ясно и очевидно, и не признавалъ чернаго бѣлымъ, а задицалъ свой національный обликъ и русскую національную идею, его объявляли измѣнникомъ и шпиономъ и сажали въ тюрьму и на цѣпь, закалывали штыкомъ и долгіе годы гноили по сырмъ темницамъ и наконецъ выводили его на политическіе процессы, по обвиненію благороднѣйшихъ галицко-русскихъ работниковъ на народной нивѣ въ государственной измѣнѣ и угрожали ему пожиз-

ненной тюрьмой и смертной казнью на висѣлицѣ.

Да, онъ былъ до того вѣренъ и лояленъ, что нашъ императоръ Францъ Іосифъ самъ говорилъ, что спокойно тогда спать не могъ, когда въ бурное время 18-го года не берегли его галицко-русскіе полки, — какъ онъ ихъ назвалъ, — „тѣ тирольцы Востока“. Да, онъ былъ вѣренъ. и эрцгерцогиня Софія, въ доказательство благодарности за его вѣрность собственноручно вышивала Галицко-русскій флагъ съ соответствующей признательной надписью. Но и теперь когда тамъ, на полѣ кровавой брани, на войнѣ, тѣ самыя „тирольцы Востока“, сыны подъ гнетомъ стонущей Прикарпатской Руси, проливаютъ свою юную, сердечную кровь, жертвуютъ своей честной и дорогой для нихъ жизнью, смѣло наставляютъ грудь на смертную опасность и вѣрную гибель, одновременно ихъ маленькихъ дѣтей и женъ, братьевъ и сестеръ, отцовъ и матерей, оставшихся дома, какъ государственныхъ измѣнниковъ, бьютъ и убиваютъ, рѣжутъ и вѣшаютъ, лишаютъ достоинства и злодѣйски издѣваются надъ ними. А остальныхъ, еще не вырѣзанныхъ и не вывѣшанныхъ, отлучаютъ отъ семействъ и родныхъ, не обращая малѣйшаго вниманія на законы, на слезы и человеческую жизнь и честь, увозятъ съ родины на чужбину, га стирійскія и другія нѣмецкія поля и бросаютъ на пустынномъ полѣ, какъ псовъ, среди чужихъ людей, оставляютъ въ невозможно тяжеломъ положеніи за колючей проволокой, гдѣ они, какъ опасные „шпионы и измѣнники“ умираютъ скотской смертью отъ голода и холода, отъ штыковыхъ и иныхъ побоевъ, падаютъ жертвой эпидемій германской „культуры“.

И такъ, одни изъ нашего народа, какъ храбрые ратники и вѣрные граждане, сложатъ свои кости на полѣ брани. Другіе, какъ невѣрные Эфиалты, въ тылу на мѣстѣ убиты. Иные, „неблагонадежные“, гноятъ по гарнизонамъ и тюрьмамъ, или же, какъ на примѣръ мы, которыхъ часть продолжаетъ свое жалкое, печальное, горькое и мученическое житье бытве, гибнуть медленною смертью. И вотъ, здѣсь, тяжело волочатся по дорогамъ какъ тѣни, какъ муміи: очи у нихъ впалыя и опух-

лныя отъ плача и горя, лица исхудалыя, то желтаго какъ глина, то зеленаго цвѣта, кожа почернѣлая на скелетѣ какъ плотно намоченное водой и кости торчатъ страшию и виднѣются изъ за поморщенной кожи и молятъ о пощадѣ и милости.

Они голодны и слоняются съ „шалками“ отъ барака къ бараку и нищенски просятъ о подачѣ имъ съѣстныхъ отбросовъ, надъ которыми тутъ-же бьются и дерутся, какъ голодныя животныя, долго ничего неѣвшія и заморенныя, какъ волки.

Бывшіе зажиточные, даже богатые люди, сыны древянаго русскаго Галича.

Другая-же и уже многочисленная часть ихъ спитъ вѣчнымъ сномъ въ сырыхъ могилахъ „подъ соснами“, и они будутъ вѣчно живыми свидѣтелями всѣхъ тѣхъ ужасовъ, произвола и гнета, которые они, мужи-праведники, героически перенесли до конца, всѣ мученія, которыя, быть можетъ, культурному міру, покажутся даже невѣроятными. Вѣчная вамъ память, благородные мученики за народное, великое и святое дѣло, за Святую Русь — а мы оставшіеся въ живыхъ, не смѣемъ забыть о васъ, ибо это было бы преступленіемъ и предъ Вами и предъ Родиной. Если только вернемъ на Родину, помянемъ и Васъ молитвеннымъ тихимъ словомъ и расскажемъ всѣмъ близкимъ и роднымъ, дѣтямъ, внукамъ, что были люди въ наше время, были богатыри, съ полнымъ самопожертвованіемъ страдавшіе и съ несокрушимымъ мужествомъ переносившіе обиды и надругательства за русское имя, за родное слово, за единую недѣлимую, намъ родную и дорогую Святую Русь.

Сострадалицѣ и сотоваркѣ недоли, Еѣѣ Винкентіевнѣ,
НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

ВАСИЛІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ САВГУКЪ,
гимназистъ VIII. класса во Львовѣ,

ур. с. Жашковичъ, уѣздъ и почта Городокъ Ягайлонскій, въ Галичинѣ.

Талергофъ, 19(6) IV. 1915.

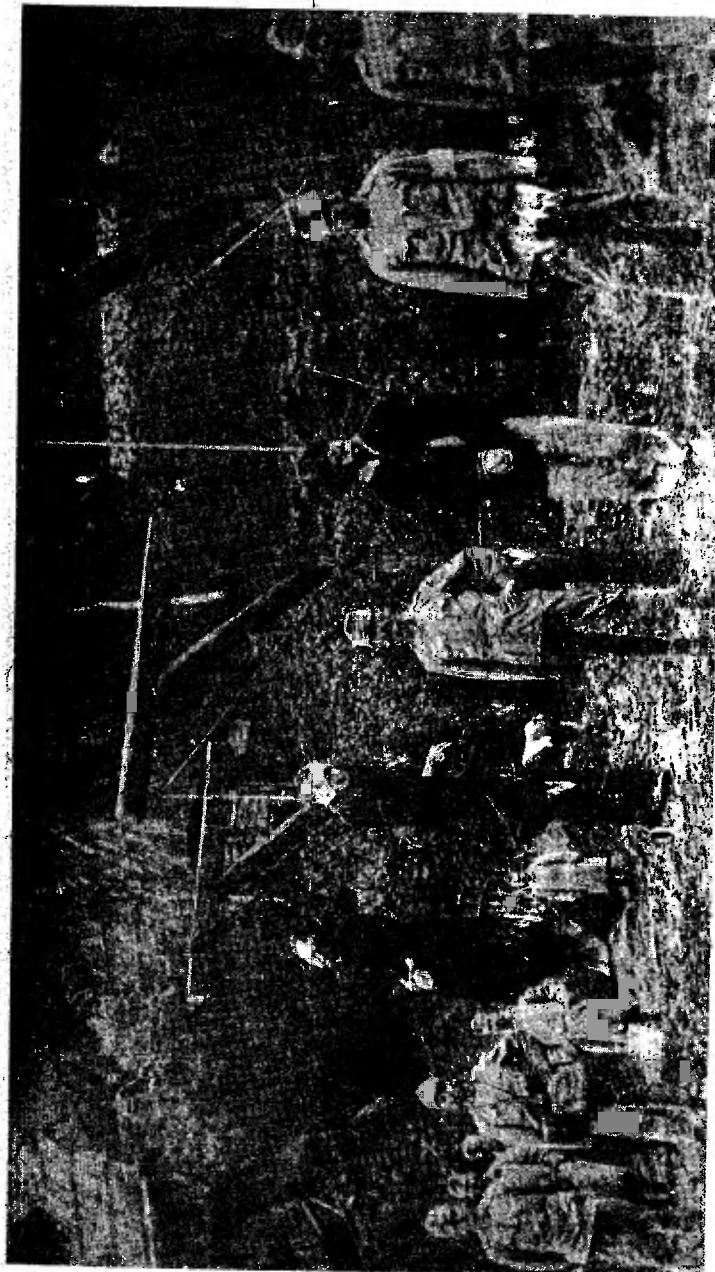
Выпьемъ же, если намъ уже такъ суждено, чашу горечи до дна, перенесемъ всѣ испытанія судьбы-мачехи честно и достойно, не унизимся малодушіемъ и слабостью передъ врагами, не окажемся рабами, будемъ бороться и защищаться до послѣдняго. А если падемъ, то падемъ, какъ жертвы за великое дѣло. Мы страдаемъ за то, что были благородны, что были чисты совѣстью, что не кривили душой, что были честны съ другими и самими собой. Мы страдаемъ съ сознаніемъ своей правоты, съ надеждой на то, что наша русская національная идея побѣдитъ и что наши страданія будутъ намъ искупленіемъ. Ибо по словамъ Теодора Кернера

„Ein edles Herz muss kämpfen,
Und wird siegen“ ..

благородное сердце должно бороться и побѣдить. И взойдетъ для насъ радостная, ясная полная звѣзда, свѣта и жизни, засвѣтитъ красное, золотое солнце, засіяетъ мириадами лучей, прогонитъ черную печаль изъ нашихъ больюющихъ сердецъ и народъ воскреснетъ къ лучшей новой жизни, а тогда горе вамъ да мсть враги! Вы поплатитесь за Ваше злодѣство, ибо:

„zbrodnia czeka zasłużonej kary.
Gdy cnót przyciśnionych kiedyś znajdą
się obrońce,
Kto jak słońce zagasa, wstanie jako
słońce“.

Marya Stuart — J. Slowacki.

Романъ Березовскій,

гр-католическій настоятель прихода изъ Протесовъ, Млидачскаго уѣзда, рожденный 26 сентября 1874 г. въ Ванятичахъ, вдовецъ, отецъ 3 дѣтей, не бывшій ранѣе подъ судомъ;

Левъ Кобылянскій,

громадскій писарь изъ Сенечола, Долннскаго уѣзда, рожденный 27 января 1857 г. въ Надворитъ, гр-натол. вѣроисповѣданія, холостой, не бывшій ранѣе подъ судомъ;

Пантелеймонъ Яблякъ,

крестьянинъ, рожд. въ 1867 г. въ Сенечолѣ, женатый, отецъ 5 дѣтей, не бывшій подъ судомъ;

Ночныя пѣсни въ Галичинѣ

Боже, Боже! отъ страшныхъ видѣній
Мы очнулись въ холодномъ поту.
Ниспошли намъ немного забвенья,
Нагони на глаза дремоту!
И унявъ нестерпимую муку
— Снова видѣть минувшее зло,
Возложи свою легкую руку,
На готовое треснуть чело!
Нѣтъ — еще не окончена кара
За какіе-то наши грѣхи:
Мерещится отблескъ пожара
Въ мутныхъ водахъ карпатской рѣки.
Намъ мерещатся цѣпи обозовъ,
Отходящіе въ страхъ полки,
Оглушительный визгъ паровозовъ,
Самоходовъ глухіе гудки.
Весь измятъ и штыками испоротъ,
Весь взъерошенъ, нахохленъ и золъ,
Въ Перемышль, древній княжескій городъ,
Залетааетъ австрійскій орѣлъ.
И откинувъ языкъ, словно жало,
Неспособный бороться въ строю,
Бьетъ когтями кого ни попало,
Какъ-бы чуя кончину свою.
Вотъ идѣтъ подъ конвоемъ мадяровъ
— Измождѣнныхъ страдальцевъ толпа.
Затекла ихъ спина отъ ударовъ,
Капли крови струятся со лба.
А когда, не осиливши муки,
Ктонибудь изъ толпы упадетъ,
— Остальные хватаютъ на руки
И влснутъ его тѣло впередъ.
Но не долго. Близка ихъ Голгофа!
Лишь одинъ небольшой поворотъ,
— И на нихъ устремляется снова
Опьянѣвшій отъ злобы народъ!
Сотворите — молитву Господню!
Нѣтъ на свѣтѣ того полотна,
Гдѣ-бы эту кровавую бойню
Написать можно было сполна.
Засвистѣли дубины и палки,

И взвились изъ ноженъ палаши.
Никакія вамъ жертвы не жалки,
— По охотѣ своей палачи!
Такъ мѣсите-жъ кровавое тѣсто,
Разрывайте тѣла на куски,
Цѣльте мѣтко въ убойное мѣсто
И швыряйте о стѣны мозги.
Но среди этой жатвы багряной
Пожалѣйте невинный цвѣтокъ,
Что австрійскій жандармъ, слишкомъ рыаный,
Для расправы сюда приволокъ.
Этой дѣвушки имя — Марія, *)
— Такъ несчастныхъ обычно зовутъ, —
Никакіе соблазны мірскіе
Ея сердца къ себѣ не влекутъ.
Какъ свѣча предъ иконой святою,
— Она только для Бога горитъ,
И своей неземной красотой
Надъ земными страстями паритъ.
Что вамъ лишніе дѣвичьи стоны,
Хрипѣ еще одного мертвеца?
Вѣдь и такъ похоронные звоны,
Раздаются въ церквяхъ безъ конца.
Такъ внемлите-жъ двойному заклиятю:
Мы возносимъ къ вамъ эту мольбу,
Припадая съ Маріей къ распятію,
Пригвожденному здѣсь на столбу.
Но напрасно. Къ рыданьямъ вы глухи.
Недоступны вы страстнымъ мольбамъ.
Что вамъ съ нашей словесной поруки,
Коли кровушки надобно вамъ?
Пронеслась надъ толпою команда:
— «Не рубить, а по взводно стрѣлять!»
Окружившая дѣвушку банда,
Инстинктивно поспятилась вспять.
Загремѣли удары сухіе,
— Искривились отъ боли уста —
И пронзѣнная пулей Марія
Опустилась къ подножью креста..
А вверху возсѣдалъ на верандѣ
Генералъ съ папиросой во рту.

Онъ внималъ смертоносной командѣ,
Точно былъ на солдатскомъ смотру.
И когда послѣ залпа склонился
Надъ рѣшеткой лихой генералъ,
— У него вдругъ монокль заискрился
И отъ смѣха въ глазу заскакалъ.
Хохочи-же до слёзъ, до упаду,
Веселися при видѣ кровѣ,
Находи въ этой казни награду
За военныя бѣды свои.
Намъ-же, маленькимъ людямъ, — сдаётся,
Что на дѣлѣ смѣётся лишь тотъ,
Кто послѣдній отъ сердца смѣётся,
Кто хохочетъ въ концѣ во весь ротъ.
Можетъ быть, — уже близко мгновенье,
Можетъ быть, — недалёкъ уже часъ
— Избавленья, когда Провидѣнье
Неожиданно вспомнитъ о насъ.
Послѣ тысячилѣтнихъ мученій,
Послѣ пытокъ «огнемъ и мечёмъ»,
Послѣ павшихъ въ борьбѣ поколѣній,
Можетъ быть, — мы свободно вздохнёмъ.
Но тогда не для празднаго смѣха
Всколыхнётся запавшая грудь.
Не такая пустая утѣха
Завершить нашъ страдальческій путь.
Мы завѣтнаго срока не знаемъ,
Но когда онъ настанетъ — клянусь —
Мы свободно тогда зарыдаемъ,
Зарыдаемъ на цѣлую Русь!
О принесенныхъ въ жертву — Россіи,
О погибшихъ во славу Христа,
О невинно убиенной Марии
Мы наплачемся вдоволь тогда.
А пока въ неизмѣнномъ терпѣннѣи,
Гробовое молчанье храня,
Стиснувъ зубы, — падѣмъ на колѣни
Передъ памятью свѣтлой ея....

Б. Н. Лелявскій.

*) Марія Мохнацкая † 15 сентября 1914 года въ Перемышлѣ.